I. А. КАЦЕЛЬ

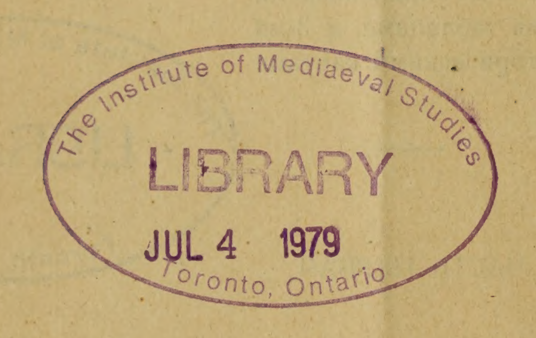
ИСТОРІЯ ЛИТВЫ

Съ 4-мя приложеніями
3-мя таблицами и 3-мя
историческими картами

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На обложкѣ гербъ вел. кн. Литовскаго
по Довгирду.

КОВНО
1921

Типографія Бр. Гурвичъ, Ковно, ул. 16 Февраля д. № 2.

Въ знакъ сыновней любви и преданности эту книгу посвящаю моей дорогой матери.

Литва 1921 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

„Каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, для того чтобы быть сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ“.

проф. В. Ключевскій.

Задача всякой мѣстной исторіи состоитъ въ изученіи тѣхъ многообразныхъ и измѣнчивыхъ, счастливыхъ или неудачныхъ сочетаній внѣшнихъ и внутреннихъ условій развитія, какія складываются въ отдѣльныхъ странахъ для того или иного народа. При этомъ познается структура людского общежитія, природа составныхъ его элементовъ, а вмѣстѣ съ ними и степень участія даннаго народа въ общемъ культурномъ движеніи человѣчества. Такимъ образомъ всякая мѣстная исторія, въ томъ числѣ и исторія Литвы, пріобрѣтаетъ наряду съ интересомъ локальнымъ еще и общій интересъ. Особенно рельефно этотъ общій интересъ выступаетъ въ настоящее время, когда восточно-европейская проблема стоитъ едва-ли не въ центрѣ міровой политики. Безсомнѣнно, это одна изъ наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ политическихъ задачъ, рѣшеніе которыхъ потребуетъ отъ народовъ немало времени и немало усилий. Отъ правильнаго рѣшенія этой проблемы зависятъ судьбы ближайшихъ поколѣній, а потому вполнѣ понятно то напряженное вниманіе, съ какимъ слѣдитъ за событіями на Востокѣ Европы весь культурный міръ.

Какъ частность этой восточно-европейской проблемы, вопросъ о Литвѣ, о ея международно-правовомъ положеніи, ея границахъ и взаимоотношеніяхъ къ ближайшимъ своимъ сосѣдямъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Для того, чтобы опредѣлить роль Литвы въ этомъ сложномъ процессѣ, чтобы правильно оцѣнить внутреннія ея свойства и силы, корнями своими лежащія въ ея далекомъ и славномъ прошломъ, чтобы опредѣлить виды ея на ближайшее будущее, необходимо ознакомиться съ политической и соціальной ея исторіей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, настоящая книга, не претендуя на оригинальность (предлагаемый трудъ является въ значительной мѣрѣ компилятивнымъ),

преслѣдуетъ двоякую цѣль. Съ одной стороны она имѣетъ въ виду удовлетворить потребности довольно значительнаго круга лицъ, интересующихся исторіей Литвы, въ соотвѣтствующемъ руководствѣ на русскомъ языкѣ, а съ другой—дать посильное освѣщеніе самымъ жгучимъ вопросамъ литовской современности. Примѣнительно къ этимъ заданіямъ, мною сдѣлана попытка въ общедоступной и сжатой формѣ изложить политическую исторію Литвы, не обременяя читателя излишними деталями, но въ то же время подробно останавливаясь на главнѣйшихъ ея этапахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая, что одна внѣшняя исторія далеко не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго историческаго изслѣдованія, я особое вниманіе удѣлилъ обзору соціальнаго уклада Литовскаго государства и тѣмъ измѣненіямъ, которыя внесены были въ его общественный строй цѣлымъ рядомъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ.

Предлагаемая вниманію читателей „Исторія Литвы“ состоитъ изъ трехъ частей или раздѣловъ (*Примѣч.* Вторая и третья часть выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ). Первая—обнимаетъ собой періодъ исторіи Литовскаго государства до заключенія 2-ой Люблинской уніи 1569 г., т. е. до формальной потери Литвой своей политической самостоятельности въ качествѣ суверeннаго государственнаго организма. Вторая часть заключаетъ въ себѣ исторію Литвы подъ иноземнымъ владычествомъ, сначала подъ властью Польши (въ качествѣ части „Рѣчи Посполитой“), а затѣмъ подъ властью Россійской Имперіи (въ качествѣ Сѣверо-Западнаго ея края); этотъ раздѣлъ заканчивается началомъ міровой войны и германской оккупаціей. Третья часть касается возрожденія Литвы къ самостоятельному государственному бытію и ея современнаго состоянія.

Слѣдуетъ отмѣтить, что литовская исторія-область далеко еще не обслѣдованная. Въ то время какъ имѣющіеся сравнительно скудные матеріалы относятся главнымъ образомъ къ періоду литовской исторіи до середины XVI в. и за небольшими исключеніями являются монографіями по отдѣльнымъ вопросамъ, нѣкоторыя стороны общественной жизни Литвы, особенно XVII и XVIII вв., еще ждутъ своего изслѣдователя. Для меня въ частности работа осложнялась еще и тѣмъ, что, по обстоятельствамъ переживаемаго времени и вслѣдствіе связанныхъ съ этимъ затрудненій въ сношеніяхъ и передвиженіи, нѣкоторые, находящіеся въ Россіи важные источники не могли быть мной использованы. Во всякомъ случаѣ мною приложены были всѣ старанія для ознакомленія съ возможно большимъ количествомъ матеріаловъ. По техническимъ соображеніямъ ссылки на источники въ серединѣ текста опущены и данъ общій списокъ ихъ въ началѣ книги.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю признательность всѣмъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе въ собираніи матеріаловъ и въ изданіи настоящей книги. Особую благодарность выражаю члену Верховнаго Трибунала г. А. Янулайтису и профессору Э. А. Вольтеру за ихъ цѣнные совѣты и авторитетныя указанія, а также библіотекарю Государственной Библіотеки г. З. Бурачу, любезно облегчившему мнѣ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми существенными пособіями по исторіи Литвы, находящимися въ Государственной Библіотекѣ.

Ковно, Августъ 1921 г.

I. А. Кацель.

Перечень источниковъ,

послужившихъ матеріаломъ для „Исторіи Литвы"

(въ алфавитномъ порядкѣ).

Антоновичъ В. Б. проф. „Монографіи по исторіи западной и юго-зап. Руси". Alekna Antanas „Lietuvos Istorija". Аскенази Ш. проф.— „Царство Польское 1815—1830 г." „A brief historical sketch of Lithuania". Aschmies M. „Land u. Leute in Litauen". Brückner „Starożytna Litwa". Бестужевъ-Рюминъ К. Н. проф. „Русская исторія". Барбашевъ А. „Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы". Бершадскій С. А. проф. „Литовскіе евреи". Брянцевъ П. Д. „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ". Война вилло Е. М. „Эксдивизорскіе суды и ихъ компетенція". Васильевскій В. Г. „Очеркъ исторіи гор. Вильно." Владимірскій-Будановъ проф. „Хрестоматія по исторіи русскаго права". Вольтеръ Э. А. проф. „Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 г." Vidūnas W. St. „Litauen in Vergangenheit und Gegenwart". Werbelis K. „Russisch—Litauen, Statistisch-ethnographische Betrachtungen". Водовозовъ В. И. „Очерки изъ Русской Исторіи XVIII в". Gaigalat W. Dr. „Litauen, das besetzte Gebiet". Горфункель Л. „Еврейская національная автономія въ Литвѣ". Grigat Thr. „Was Litauen erzählt". Danilowicz de C. „La Lituanie artistique". Довгялло Д. И. „Послѣдняя страница исторіи Виленскаго университета". Ehret Ioseph Dr. „Litauen in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft". Еврейская Энциклопедія Брокгауза и Ефрона т. X. Etat Ekonomique de la Lithuanie. Записки сѣв.-западнаго отдѣла Имп. Русскаго Геогр. О-ва за 1913 г. кн. 4. Иванишевъ Н. Д. „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-зап. Россіи". Kaindl R. F. „Polen". Киркоръ и Кукольникъ „Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа". Klimas P. „Le développement de l'etat Lituanien". Ключевскій В. проф. „Курсъ Русской Исторіи". Костомаровъ Н. И. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой".

Костомаровъ Н. И. „Русскіе Инородцы“. Кояловичъ М. О. „Литовская церковная унія“. „Litauen-Buch. Eine Auslese aus der Zeitung der X Armee“. Леонтовичъ проф. „Русская Правда и Литовскій Статутъ“. Любавскій М. „Литовско-Русскій Сеймъ“; „Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства“. „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“. Липранди А. П. „Паденіе Польши и возсоединеніе зап.-русскаго края“. Малышевскій И. „Люблинскій съѣздъ 1569 г.“ Миловидовъ А. „Устройство общественнаго быта крестьянъ Сѣв.-Зап. края при гр. М. Н. Муравьевѣ“. „Участіе молодежи Сѣв.-Зап. края въ мятежѣ 1863 г.“ Müller Ernst Ferd. Dr. „Statistisches Handbuch für Kurland u. Litauen“. Narbutt „Dzieje Narodu Litewskiego“. Новицкій Ив. „Содержаніе актовъ о крестьянахъ (архивъ юго-зап. Россіи)“. Oehler Max „Geschichte des deutschen Ritterordens I und II Buch“; „Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen—Litauen“. Puryckis Ioseph Dr. phil. „Die Glaubenspaltung iu Litauen“. Погодинъ А. проф. „Древніе Литовцы“. Платоновъ С. проф. „Лекціи по Русской Исторіи“. Rivas C. „La Lituanie sous le joug Allemand“. Романовъ Е. Р. „Старина доисторическая сѣв.-западнаго края“. Станкевичъ В. „Судьбы народовъ Россіи“. Соловьевъ С. М. проф. „Исторія Россіи“. Смирновъ М. Г. „Ягелло—Яковъ—Владиславъ“. Storos Georg Dr. „Litauische Geschichte“. Tornius V. „Die Baltischen Provinzen“. Чешихинъ Е. В. „Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ“. Чарнецкій „Исторія Литовскаго Статута“. Чистовичъ О. „Очеркъ исторіи зап.-русской церкви“. Jaroszewicz „Obraz Litwy“.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

(ЛЕГЕНДАРНЫЙ)

(До начала XIII вѣка).

Глава I.

Происхожденіе литовцевъ.—Языкъ.—Литовскія племена.

Вопросъ о происхожденіи литовцевъ долгое время стоялъ въ ряду неразрѣшенныхъ вопросовъ и только во второй половинѣ XIX вѣка извѣстный ученый Шлейхеръ на основаніи своихъ изслѣдованій въ области сравнительнаго языковѣдѣнія съ несомнѣнностью доказалъ, что древніе Литовцы относятся къ семьѣ индо-европейскихъ народовъ и, подобно кельтамъ, грекамъ, римлянамъ, германцамъ и славянамъ, произошли отъ аріевъ. Ученый А. Гильдфердингъ, а за нимъ и рядъ другихъ, продолжая филогическія изслѣдованія надъ литовскимъ языкомъ, нашли, что языкъ этотъ не только ближе всѣхъ индо-европейскихъ языковъ къ санскриту, но и старше ихъ всѣхъ и заключаетъ въ себѣ такія особенности арійскаго, какихъ не имѣетъ, по своей молодости, ни одинъ изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Изъ этого Гильфердингъ дѣлаетъ выводъ, что Литовцы раньше всѣхъ индо-европейскихъ народовъ отдѣлились отъ аріевъ и прежде всѣхъ пришли изъ Азіи въ Европу (если только Азія дѣйствительно есть родина аріевъ) [1]. Такимъ образомъ, по мнѣнію Гильфердинга, сначала пришли въ Европу Литовцы, а потомъ уже кельты, германцы и славяне.

По выходѣ изъ Азіи Литовцы, вѣроятно оттиснутые боковымъ движеніемъ другихъ народовъ, заняли ту мѣстность, гдѣ теперь живутъ и гдѣ ихъ застала исторія: т. е. вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, въ областяхъ рѣкъ Нѣмана, З. Двины и Вислы. На это указываютъ намъ также немногочисленныя находки въ этомъ краѣ, относящіяся къ желѣзному вѣку.

ПРИМѢЧАНІЕ [1]. Нѣкоторые ученые высказываютъ мнѣніе, по которому родиной индо-европейскихъ народовъ признается не Азія, а Европа; какъ на родину Аріевъ одни указываютъ на Кавказъ, другіе—на область Средняго теченія Волги, третьи на Германію, четвертые—на Пинскія болота и т. д.

Занявъ суровую страну, защищенную непроходимыми лѣсами, топкими болотами и большими рѣками, страну, лежавшую въ сторонѣ отъ пути великихъ народныхъ передвиженій, литовцы не принимали въ этихъ передвиженіяхъ непосредственнаго участія. Къ этому времени они приходятъ въ соприкосновеніе съ готами и финнами, отъ которыхъ заимствуютъ нѣкоторое количество словъ [2]. До XI вѣка мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о литовцахъ и только съ этого вѣка отрывочныя и не ясныя свѣдѣнія древнихъ писателей к. н. Птоломея II вѣка, Іорнанда VI в., Вульфстана IX в., замѣняются свидѣтельствами болѣе подробными и достовѣрными. Таковы свидѣтельства католическихъ миссіонеровъ Св. Войтеха и Св. Бруна (въ Пруссіи) а также и русскаго лѣтописца Нестора.

На основаній этихъ свѣдѣній полагаютъ, что Литовско-Арійское племя уже издавна раздѣлялось на слѣдующія четыре глайнѣйшія вѣтви: *прусскую* (Боруссы, Senprusiai) *принѣманскую* (соб. Литовцы — Aukštaitai и жмудины—Zėmaitiai), *латышскую* (Куроны—Kuršiai, жемгалы—Zemgalai, летгалы—Letgalai, венды—vendai) и *ятвягскую* (Iodvisi, Iuodvyžiai) Одинадцать прусскихъ колѣнъ занимали земли вдоль морского берега отъ нижней Вислы до нижняго Нѣмана; соб. литовцы занимали область средняго теченія р. Нѣмана съ притокомъ Виліей; жмудины—область нижняго теченія р. Нѣмана съ притоками Дубиссой и Невяжей; куроны (корсь)—уголъ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ; жемгалы жили по лѣвому, летгалы—по правому берегу рѣки З. Двины; венды—по побережью Варяжскаго (Балтійскаго) моря отъ нынѣшняго Мемеля до Виндавы; ятвяги—между верхнимъ теченіемъ рѣки Нѣмана и р. З. Бугомъ въ бассейнахъ рѣкъ Нарева и Бобра. Совершенно въ сторонѣ отъ этихъ племенъ на р. Окѣ и Протвѣ осѣло племя *голядь* (Galindos, вѣроятно отъ слова „Galas"—конецъ) однако быстро и безслѣдно растворившееся въ окружавшихъ его славянскихъ племенахъ.

Глава II.

Происхожденіе религіи древнихъ литовцевъ.—Религіозныя воззрѣнія на міръ и человѣка.—Миѳологія.—Боги и богини.—Культъ.—Ромове.—Жрецы.—Криве—Кривейте.—Обряды.—Гаданія.—Легендарные герои.

Благодаря своему уединенному положенію литовцы дольше другихъ индо-европейскихъ народовъ сохранили свою первобытную цивилизацію и широко развили и обработали свою религію. Вслѣдствіе долгой и

ПРИМѢЧАНІЕ [2]. Такъ напр. изъ готскаго заимствовано слово „kunigas" означавшее тогда „предводитель" „князь", а въ настоящее время— „священикъ".

уединенной жизни въ странѣ, мало доступной для сосѣдей, древніе литовцы сохранили религіозныя вѣрованія своихъ предковъ—аріевъ въ болѣе чистомъ и первобытномъ видѣ, чѣмъ остальные индо-европейскіе народы, хотя и прибавили къ своимъ прежнимъ вѣрованіямъ (арійскимъ) новыя—соотвѣтственно окружавшей ихъ природѣ.

По понятіямъ древнихъ литовцевъ міръ существовалъ искони. Въ каждомъ предметѣ внѣшняго міра и явленіи природы литовцы видѣли присутсвіе божества—стихіи. Воображеніе народное всю природу населяло особыми божествами, а вліяніе дремучихъ лѣсовъ ярко отразилось на множествѣ взякихъ суевѣрій. Вся жизнь человѣка, всѣ его дѣйствія находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ божествъ—добрыхъ и злыхъ, которыхъ надобно располагать въ свою пользу поклоненіемъ и жертвами. Истина и законъ были у литовцевъ синонимами. Законъ существуетъ изстари и есть олицетворенная правда; его нельзя создать, а только отыскать. Обычай уважался какъ память минувшаго. Какъ и древніи греки, литовцы вѣрили въ предопредѣленіе или судьбу, которой подчинены не только люди, но и боги. Поэтому грѣхъ человѣка считался не слѣдствіемъ его злой воли, а результатомъ предопредѣленія.

Какъ и всѣ арійскіе народы, литовцы поклонялись силамъ природы: солнцу, лунѣ, звѣздамъ, водѣ, грому, молніи и т. д. Поклоненіе солнцу было древнѣйшимъ вѣрованіемъ литовцевъ—впослѣдствіе оно породило поклоненіе огню, вѣчно горѣвшему передъ идолами. Другимъ силамъ природы они поклонялись подъ видомъ нѣкоторыхъ животныхъ, гадовъ а также каменныхъ и деревянныхъ идоловъ. Весьма вѣроятно, что отдѣльныя племена литовскія имѣли своихъ отдѣльныхъ боговъ, но были также божества, чтимыя всѣми племенами. Къ таковымъ надо прежде всего отнести *Перкунаса.* Богъ этотъ, олицетворявшій по преимуществу стихію огня, одновременно разрушительную и благодѣтельную, былъ самымъ популярнымъ и уважаемымъ литовцами. Это единственный богъ, имя котораго повторяется во всѣхъ безъ исключенія спискахъ литовскихъ боговъ. Ему посвященъ былъ одинъ день въ недѣлю—пятница; жрецы ему ежедневно приносили жертвы, а литовскій первосвященникъ Криве—Кривейте носилъ изображеніе этого бога на своемъ парадномъ одѣяніи. Капище Перкунаса обыкновенно располагалось посреди дубовой рощи—дубъ считался священнымъ деревомъ, по преимуществу деревомъ Перкунаса. Литовцы изображали Перкунаса въ видѣ человѣка среднихъ лѣтъ, съ крѣпкими мускулами и съ поднятой рукой, въ которой былъ кремень или молотъ; голова его была увѣнчана ореоломъ изъ пламени или лучей свѣта. *Атримпосъ*—богъ водной стихіи, плодородія, юношеской силы и отваги—его изоб-

ражали въ видѣ свившагося спиралью ужа съ человѣческой головой. Передъ его изображеніемъ стоялъ сосудъ съ водой, въ которомъ плавалъ священный ужъ. Въ жертву ему приносили плоды, молоко, воскъ и благовонія, а изъ человѣческихъ жертвоприношеній — дѣтей. *Поклюсъ* — почитался властелиномъ подземнаго царства — преисподней. Онъ посылалъ людямъ болѣзнь и смерть и распоряжался душами умершихъ (велями). Этотъ богъ олицетворялъ собою всѣ силы вредныя человѣку: холодъ, бурю, разрушеніе, старость. Онъ представлялся народному воображенію въ видѣ блѣднолицаго старца съ сѣдой бородой и съ головой небрежно повязанной кускомъ полотна. Ему приносились въ жертву головы убитыхъ людей и животныхъ; передъ изображеніемъ его всегда лежало три черепа: человѣка, коня и быка. Эти три литовскихъ бога почитались главными и изображенія ихъ находились въ главномъ литовскомъ святилищѣ „Ромове". Здѣсь, подъ вѣтвями священнаго дуба передъ изображеніями этихъ трехъ боговъ горѣлъ неугасимый огонь, добытый изъ кремня, находившагося въ рукѣ Перкунаса. Кромѣ этихъ боговъ извѣстны: *Ковасъ*—богъ войны, *Жемепинкасъ*—богъ плодородія и домоводства, *Рагутисъ*—богъ веселья и *Кауки* (домовые)—маленькіе, второстепенные боги, всегда ютившіеся въ домахъ, покровители семьи.

Изъ богинь наиболѣе извѣстны: *Праурима* — покровительница вѣчнаго огня, *Лайма* — покровительница новорожденныхъ и матерей, *Летува*—богиня свободы и счастливой жизни, *Мильда*—богиня любви, покровительница влюбленныхъ, *Курмина*—богиня плодородія, К*аралуна*—богиня свѣта. Кромѣ этихъ богинь литовцы почитали 7 второстепенныхъ, въ рукахъ которыхъ была жизнь людей (греч. парки). Этимъ богинямъ посвящены были камни на берегахъ рѣкъ.

Подобно другимъ языческимъ народамъ литовцы поклонялись звѣрямъ, пресмыкающимся, гадамъ, а также неодушевленнымъ предметамъ, отличившимся древностью или громадными размѣрами своими. По свидѣтельству Іеронима Пражскаго, въ началѣ *XV* вѣка, предметы обожанія въ разныхъ мѣстахъ Литвы были различны; такъ, они обожали медвѣдей, зайцевъ, ужей, оленей, жабъ, старыя деревья—особенно дубы. Мѣстомъ почитанія служила природа: лѣсъ, жниво, лугъ или домашній очагъ. У нихъ были священныя горы и заповѣдныя рощи, которыя подъ страхомъ смерти воспрещалось срубать и доступъ въ которыя для не жрецовъ былъ закрытъ.

Главное святилище Литовцевъ называлось „*Ромове*"; при немъ находился великій первосвященникъ К*риве* — К*ривейте* (судья—судей). Впервые Ромове дѣлается исторически извѣстнымъ въ началѣ XI столѣтія, въ Пруссіи. Послѣ разрушенія его въ 1010 году польскимъ ко-

ролемъ Болеславомъ Храбрымъ оно переносится сначала къ устью рѣки Дубиссы, затѣмъ, вслѣдствіе натиска германцевъ къ устью Невяжи, потомъ въ Керновъ и, наконецъ, въ Вильно. Здѣсь оно находилось въ долинѣ Свенторога и просуществовало до 1387 года, т. е. до крещенія Литвы Ягайло.

Жреческое сословіе на Литвѣ не составляло особой касты (въ Литвѣ вообще кастъ не было), а потому доступъ въ него былъ свободенъ. Сословіе жрецовъ было на Литвѣ многочисленно, организовано въ стройную и крѣпкую іерархію и сильно своимъ вліяніемъ на народъ. Во главѣ іерархіи стоялъ главный жрецъ Криве-Кривейте, которому принадлежало право верховнаго суда и утвержденія на высшія жреческія должности лицъ, избранныхъ жрецами изъ своей среды; низшія должности переходили по наслѣдству. Высшую жреческую ступень составляли „*Криве*“ — хранители священныхъ предметовъ, судьи. Они были хранителями и истолкователями древнихъ обычаевъ, принявшихъ значеніе писанныхъ законовъ, которыхъ у литовцевъ не было; ихъ вліяніе поддерживало строгую нравственность и жестоко преслѣдовало все то, что клонилось къ ея нарушенію. Они надзирали за „*вайделотами*“—проповѣдниками и врачами, „тилиссонами“—погребальщиками умершихъ, „*бругениками*“—литовскими бардами; „*шволюнами*“—при посредствѣ которыхъ заключались браки. Отличительными знаками жрецовъ былъ жезлъ и особая одежда (бѣлый поясъ).

Наибольшей извѣстностью въ древней исторіи Литвы пользовалась группа жрецовъ—„вайделотовъ“. Дѣятельность ихъ была чрезвычайно разнообразна: они приносили жертвы, наставляли народъ, лѣчили больныхъ. Они носили длинную одежду, отороченную бѣлою полотняною тесьмою; низъ платья обшитъ былъ клочками шерсти животныхъ; они носили бѣлый полотняный поясъ (отличительный знакъ всѣхъ жрецовъ) и при совершеніи жертвоприношеній надѣвали на голову вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ. Кромѣ жрецовъ у Литовцевъ были жрицы „вайделотки“ „рагутины“ и „бурты“. *Вайделотки* — поддерживали огонь въ святилищахъ богинь и подъ страхомъ смерти обязаны были сохранять цѣломудріе; *Рагутины* — служительницы бога веселья Рагутиса (вакханки), *Бурты*—пѣвицы и ворожеи, занимавшіяся знахарствомъ, гаданіями и леченіемъ. Каждое Литовское племя имѣло своего главнаго жреца „Криве-Кривейте“, но наибольшимъ авторитетомъ пользовался тотъ, который жилъ въ „Ромове“. Кромѣ первенствующей роли въ богослуженіи онъ пользовался значеніемъ верховнаго судьи и главнаго совѣтника во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и тѣмъ самымъ явился нѣкоторымъ объединяющимъ началомъ между отдѣльными, разрозненными литовскими племенами. Особа его была

обставлена глубокой таинственностью и народу онъ показывался рѣдко. Символомъ власти его былъ жезлъ, состоящій изъ трехъ загнутыхъ концовъ; ему принадлежала 1/3 военной добычи. Криве—Кривейте избирался жрецами на всю жизнь и, согласно преданіямъ, по большей части къ старости самъ приносилъ себя въ качествѣ очистительной жертвы богамъ за грѣхи своего народа; онъ при торжественной обстановкѣ сжигался живымъ на кострѣ. Эти добровольныя самосожженія немало содѣйствовали поддержанію въ народѣ глубокаго уваженія къ своему духовному главѣ. Послѣдній Криве-Кривейте, по имени Гинтовтъ, пережилъ крещеніе Ягайло Литовцевъ и разрушеніе Ромове; онъ умеръ при Витовтѣ въ 1413 г.

Литовцы приносили жертвы богамъ съ цѣлью очищенія совѣсти отъ грѣховъ, умилостивленія боговъ или изъявленія имъ благодарности. Въ зависимости отъ торжественности случая и зажиточности хозяина различнымъ божествамъ приносились въ жертву различные предметы: лошади, быки, свиньи, куры, гуси, медъ, рыбы, плоды (особенно первые). Любимою жертвою боговъ считался козелъ; онъ приносился во всѣхъ селеніяхъ въ концѣ каждаго года и составлялъ очистительную жертву за грѣхи. Иновѣрцы и преступники не допускались, подъ страхомъ смерти, къ присутствованію на жертвоприношеніяхъ. Имѣются достовѣрныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что у древнихъ Литовцевъ приняты были человѣческія жертвы; однако жертвы этого рода не были частымъ явленіемъ. Онѣ совершались при громадномъ стеченіи народа и особо—торжественной обстановкѣ. Были онѣ добровольными или насильственными. Добровольная жертва имѣла значеніе очистительное и на нее обрекали себя по большей части больные, увѣчные или глубокіе старики: въ этомъ смыслѣ сожигали себя престарѣлые Креве-Кривейте и родители приносили въ жертву богу Атримпосу больныхъ дѣтей. Насильственныя жертвоприношенія приносились изъ числа военно-плѣнныхъ: послѣ удачнаго похода въ жертву богамъ отдавали на руки первосвященнику 1/3 всей добычи и въ знакъ благодарности торжественно сожигали знатнѣйшихъ плѣнныхъ. Всѣ литовскія племена вѣрили въ безсмертіе души и, несмотря на „невмѣняемость“ грѣха, ожидали въ загробной жизни или наказанія или награды. Награда ожидала, по мнѣнію литовцевъ, того, кто безъ ропота подчинялся судьбѣ, наказаніе—того, кто дерзалъ противиться ей. Самымъ страшнымъ наказаніемъ считалось осужденіе души человѣка на ничтожество. Праведники оставались невидимо на землѣ, не переставая быть вѣчными. Есть основанія полагать, что у литовцевъ было нѣкоторое понятіе о метемпсихозѣ: они допускали, что послѣ смерти духъ могъ оставаться на землѣ и переходить въ другое тѣло.

Самымъ распространеннымъ обрядомъ погребенія литовцевъ являлся обрядъ сожиганія покойника. Впрочемъ, обрядъ этотъ совершался только надъ болѣе зажиточными и знатными литовцами. Остальныхъ просто зарывали въ землю. На кострѣ вмѣстѣ съ умершимъ сжигали всѣ тѣ вещи и предметы, которые особенно ему были дороги при жизни и которыми онъ по преимуществу пользовался въ своемъ житейскомъ обиходѣ. Кромѣ того съ покойникомъ иногда сжигали его жену и нѣкоторыхъ слугъ. Это дѣлалось ввиду того, что, по воззрѣніямъ литовцевъ, покойникъ долженъ воскреснуть для загробной жизни и занять тамъ то общественное и семейное положеніе, которое занималъ при жизни. При обрядѣ сожженія, совершавшемся на 3-й день послѣ кончины, всегда присутствовали жрецы—тилиссоны. Послѣ сожженія трупа, прахъ его собирали въ сосуды и, закапывая въ землю, насыпали курганъ или ставили его у дороги. На 6, 9, и 40 день послѣ смерти покойника устраивались поминки. Литовцы вѣрили въ судный день, который настанетъ въ загробной жизни: судъ будетъ происходить на высокой горѣ, на которую умершіе должны будутъ взбираться; поэтому литовцы съ покойниками всегда сжигали когти барса или медвѣдя, чтобы легче было покойнику взобраться на гору.

Древніе литовцы смотрѣли на бракъ, какъ на обрядъ религіозный, а потому совершали его всегда при участіи жреца и съ возношеніемъ молитвы богамъ. По древнему обычаю у литовцевъ существовало одноженство, но не запрещалось имѣть и нѣсколькихъ женъ (особенно обычай этотъ распространенъ былъ у пруссовъ). Однако, первая жена была хозяйкой дома и совѣтницей мужа; остальныя, считавшіяся невольницами (т. к. были преимущественно изъ числа взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ или купленныхъ у бѣдныхъ соплеменниковъ), исполняли всѣ тяжелыя работы и, какъ часть имущества, подлежали раздѣлу. У литовцевъ очень распространенъ былъ обычай испрашивать волю боговъ прежде чѣмъ приступить къ какому—либо важному дѣлу; такъ напр., передъ началомъ военныхъ дѣйствій справлялось гаданіе на человѣческой жертвѣ. Жрецъ поражалъ обреченнаго плѣнника ножемъ въ грудь или въ шею и по истеченію его крови опредѣлялъ удачу или неудачу грядущаго предпріятія: если кровь брызгала фонтаномъ, то это былъ хорошій знакъ, если-же она текла медленно—слѣдовало ожидать неудачи. [3].

ПРИМѢЧАНІЕ [3]) Другой способъ гаданія заключался въ слѣдующемъ: жрецы наблюдали, если черезъ границу въ Литву прилеталъ орелъ, бѣлый голубь, воронъ, журавль и драхва, то это предвѣщало побѣду; если же встрѣчался на пути волкъ, то это означало неудачу предпріятія.

Въ исторіи древнихъ литовцевъ существовалъ героическій періодъ, въ которомъ совершали свои подвиги миѳическія лица. Къ числу такихъ полу-боговъ и героевъ древней литовской исторіи принадлежатъ: Витолъ, Алциссъ, Гелонъ, Ишминтасъ, Брутенъ и Вайдевутъ, Немонъ и Палемонъ. Изъ всѣхъ преданій литовскаго народа самымъ замѣчательнымъ считается преданіе о Брутенѣ и его братѣ Вайдевутѣ. Преданіе это очень любопытно, т. к. указываетъ на прибытіе въ Литву какихъ то дружиниковъ, вѣроятно норманновъ, которые сошлись съ туземцами и положили начало гражданской и религіозной жизни литовцевъ [4].

Глава III.

Жилища.—Занятія.—Лѣтосчисленіе.—Письменность.—Народныя пѣсни.—Города. Власть.—Князья.—Законы.—Военное дѣло.

Литовцы селились небольшими селами, уединенными деревушками. Жилища ихъ, матеріаломъ для которыхъ служилъ по преимуществу еловый лѣсъ, всегда отличались простотой, безыскуственностью и прочностью. Внутренность жилища дѣлилась на двѣ части: одна—предназначалась для людей, другая—для скота, куда онъ вводился на ночь, чтобы сохранить его отъ дикихъ звѣрей, которыхъ на Литвѣ водилось безчисленное множество. Посерединѣ жилища выкапывалась яма съ выложенными по краямъ камнями, въ центрѣ которой дѣлалось углубленіе для очага, въ которомъ постоянно поддерживался огонь. Земледѣліемъ литовцы занимались уже въ глубокой древности. Это занятіе они считали дѣломъ священнымъ: такъ, наконечники сохъ всегда дѣлались изъ священныхъ дубовъ; однако, ввиду того, что страна изобиловала лѣсами и болотами, земледѣліе оставалось въ зачаточномъ состояніи и не получило дальнѣйшаго развитія. Даже спустя долгое время уже послѣ принятія христіанства, литовцы употребляли деревянныя лемеши вмѣсто желѣзныхъ и держались этого обычая по суевѣрному уваженію къ дереву—остатокъ древняго языческаго древопоклоненія. Изъ продуктовъ здмледѣлія въ различныхъ памятникахъ чаще всего упоминаются: рожъ, ленъ, рѣпа и хмѣль.

Главнымъ же занятіемъ являлась охота, ввиду изобилія лѣсовъ и разнаго звѣря. Особенно цѣнной дичью считались: лоси, медвѣди и туры. О развитіи охоты свидѣтильствуютъ названія породъ различныхъ охотничьихъ собакъ и птицъ, впослѣдствіи вошедшія въ Литовскій Статутъ. Пчеловодство также было развито въ значительной степени: медъ составлялъ древнѣйшій и любимѣйшій напитокъ литовцевъ. Раз-

ПРИМѢЧАНІЕ [4]. Преданіе о Брутѣ и Вайдевутѣ см. Приложеніе.

наго рода домашній скотъ былъ въ хозяйствѣ каждаго литовца; но по народнымъ предразсудкамъ нѣкоторые дома и даже цѣлыя селенія не держали у себя скота извѣстной масти, т. к. злые духи, не любя этой масти, будто-бы душили скотину. Ремесла стояли у литовцевъ на низкой ступени развитія и ограничивались только выдѣлкой предметовъ первой необходимости. Женщины ткали полотно, мужчины отдѣлывали кожи и сооружали примитивныя земледѣческія орудія. Изъ наиболѣе сложныхъ издѣлій намъ извѣстны только: музыкальные инструменты (деревянныя трубы, бубны) и статуи боговъ.

Торговыя сношенія литовцевъ съ иноземцами велись съ глубокой древности. Къ берегамъ Пруссіи издавна пріѣзжали инородные купцы за покупкой янтаря. Съ XII вѣка торговля стала оживляться, вслѣдствіе развитія промышленности въ сосѣднихъ нѣмецкихъ, шведскихъ, датскихъ и русскихъ городахъ. Древніе литовцы, согласно свидѣтельству Адама Бременскаго въ началѣ XI вѣка имѣли собственные корабли, на которыхъ привозили свои товары въ шведскій городъ Барки. Предметами торговли служили: пушной товаръ, янтарь, медъ, воскъ, сушеная рыба; на нихъ вымѣнивали соль, сукно, металлы, оружіе, уборы, стекло, и т. п. Впослѣдствіе литовское сырье часто сплавлялось по Припяти и Днѣпру въ Турцію и Крымъ, откуда литовцы взамѣнъ получали деньги и металлическія вещи. Иностранные купцы пользовались уваженіемъ и почитались на Литвѣ священными и неприкосновенными, также какъ и гость въ домѣ.

Умственное развитіе литовцевъ стояло на дѣтской ступени. Лѣтосчисленіе они вели съ какого-нибудь значительнаго событія (война, повальная болѣзнь). Зачатки самобытнаго алфавита были у литовцевъ въ видѣ палочекъ или рунъ, но письменность эта не получила дальнѣйшаго развитія и съ XIII вѣка вытѣсняется письменами сосѣднихъ народовъ. Вслѣдствіе поздняго появленія у литовцевъ литературныхъ памятниковъ о древнемъ литовскомъ языкѣ можно судить лишь по отрывкамъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, сохранившихся въ русскихъ лѣтописяхъ и прусскихъ хроникахъ. Впрочемъ, есть основанія полагать, что не всѣ литовскія племена въ періодъ отъ IX до XII вѣка стояли на одинаковой культурной степени; весьма вѣроятно, что между ними наравнѣ съ различіями этнографическими существовали различія и въ общественномъ устройствѣ. Въ болотистыхъ мѣстахъ, трудно доступныхъ и находившихся въ удаленіи отъ торговыхъ дорогъ, первобытность, старина и грубость могли держаться дольше, чѣмъ напр. у Вислы и моря, гдѣ литовскія племена приходили въ болѣе или менѣе близкія соприкосновенія съ другими народами и подпадали вліянію ихъ образованности.

Литовцы, по свидѣтельству лѣтописцевъ, чрезвычайно любили пѣть. Всѣ случаи жизни, радостные, грустные и торжественные они сопровождали пѣснями. Къ сожалѣнію героическія и историческія пѣсни литовцевъ до насъ не дошли; до насъ дошли только бытовыя пѣсни *Dainos*. Всѣ они отличаются глубокой нѣжностью, меланхоличнымъ настроеніемъ и любовью къ природѣ. Въ литовскихъ пѣсняхъ нельзя найти ни сильныхъ порывовъ страсти, ни душевныхъ волненій. Древняя литовская поэзія не находила прелести ни въ преступленіяхъ, ни въ злодѣяніяхъ и не тѣшила воображенія ничѣмъ соблазнительнымъ и развращеннымъ. Литовецъ въ пѣсняхъ своихъ тихъ, спокоенъ, мягокъ, дѣтски наивенъ, простодушенъ и цѣломудренъ. Литовская поэзія, по замѣчанію Костомарова, дышетъ уютной, непроѣздной деревней и по своему внутреннему миру напоминаетъ весенній вечеръ когда при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, чуть только воскресшей изъ подъ снѣга природы чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть. Какъ большіе любители природы, литовцы въ своихъ пѣсняхъ постоянно воспѣвали предметы растительнаго и животнаго царства, имѣвшіе то или иное символическое значеніе. Особенное мѣсто въ ихъ пѣсняхъ всегда занимали желтые цвѣты „руты“—символъ чистоты и дѣвственности. Цвѣтеніе руты символизировало расцвѣтъ дѣвической красоты; знакомство дѣвицы съ чувствомъ любви выражалось въ пѣсняхъ собираніемъ зеленаго майорана; подарить жениху букетъ изъ цвѣтовъ майорана—означало согласіе дѣвицы на бракъ. Изъ деревьевъ чаще всего воспѣвался дубъ, являвшійся въ религіозныхъ вѣрованіяхъ литовцевъ самымъ священнымъ деревомъ. Изъ царства животнаго въ литовскихъ пѣсняхъ чаще всего упоминались птицы: кукушка—предвѣстница правды и будущаго, голубь, соловей, ласточка.

Характерная черта быта литовцевъ состояла въ отсутствіи у нихъ первыхъ началъ государственности, выразившейся у другихъ народовъ (въ частности у славянъ) возникновеніемъ городовъ, т. е. центральныхъ пунктовъ земскаго единства въ территоріи каждаго племени, гдѣ обсуждались общественныя дѣла и откуда истекали рѣшенія, которымъ подчинялись тянувшіяся къ городамъ племена. По свидѣтельству древнихъ польскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ писателей литовцы до XIII вѣка не строили у себя городовъ. Вмѣсто городовъ они имѣли села и деревни а также и нѣкоторыя защищенныя мѣстности, куда скрывались въ случаѣ нападенія непріятелей. Первые города были построены въ Пруссіи—тевтонами, въ Ятвягской землѣ—волынскими князьями, а на границѣ соб. Литвы (Гродно, Новогродокъ)—русскими князьями. Собственно литовскіе города упоминаются не ранѣе второй поло-

вины XIII или первой половины XIV ст., таковы: гг. Керновъ (1250 г.) Эйрагола (1261 г.) Тельши, Лида (1320 г.), Вильно (1323 г.)

Наряду съ отсутствіемъ въ Литвѣ городовъ, какъ объединяющихъ земскихъ центровъ, мы находимъ и полное отсутствіе монархической власти, который бы удалось подчинить своему авторитету сколько-нибудь значительныя части литовскихъ племенъ. Первоначально жрецы были вмѣстѣ съ тѣмъ и установителями примитивнаго гражданскаго порядка; но по мѣрѣ столкновенія съ иноплеменниками возникало отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной и въ лѣтописяхъ, при сраженіяхъ сосѣдей съ литовцами упоминаются выборные литовскіе князья (у пруссовъ—риксъ, „Rikys, у соб. литовцевъ „кунигасы"). Первоначально ихъ значеніе ограничивалось исключительно предводительствомъ на войнѣ, за что они получали въ вознагражденіе часть добычи а также и земли, приносившія доходъ. Когда обстоятельства сдѣлали войну частымъ явленіемъ, власть ихъ понемногу расширяется и пріобрѣтаетъ болѣе постоянный характеръ.

Однако до половины XIII ст. ни одно изъ литовскихъ племенъ не имѣло самодержавнаго монарха и не составило изъ себя болѣе или менѣе сильнаго политическаго организма. Племена эти жили вразсыпную и дробились на мелкія и слабыя политическія единицы. Князья первоначально были выборными; признаки наслѣдственности обозначаются полнѣе а отчетливѣе лишь при Гедиминѣ. О существованіи у древнихъ литовцевъ народныхъ собраній или вѣча можно судить изъ хроники Петра Дюисбургскаго. Они, однако, постояннаго хрaрактера не имѣли и собирались по приказанію жрецовъ въ исключительныхъ случаяхъ.

Писанныхъ законовъ не было, а передавались они народомъ изъ устъ въ уста, по преданію. За выполненіемъ ихъ слѣдили жрецы, являшіеся въ то-же время истолкователями ихъ и строго наказывали за всѣ преступленія, особенно за убійство и прелюбодѣяніе.

Поселившись въ странѣ, мало доступной для нападенія сосѣдей, литовцы первоначально совсѣмъ не вели войнъ и питали къ имъ отвращеніе, какъ это видно изъ сохранившихся древнихъ пѣсенъ. Однако обстоятельства (главнымъ образомъ пришествіе крестоносцевъ) заставили ихъ взяться за оружіе и познакомится съ военнымъ дѣломъ. Пруссы сражались пѣшими, ятвяги вели наѣздническія войны, соб. литовцы имѣли конницу и пѣхоту. На войнѣ употребляли стрѣлы, кривыя сабли, пики, стальные молотки, камни и топоры; самое древнее народное оружіе была дубина съ однимъ толстымъ концомъ. Со времени знакомства съ нѣмцами литовцы научились владѣть большими луками, которые натягивались посредствомъ кольца. Огнестрѣльное

оружіе стало входить въ употребленіе лишь съ конца XIV ст., т. е. со временъ Витовта. Одежда воиновъ состояла изъ лосьихъ и медвѣжьихъ шкуръ, головы они покрывали большими войлочными шапками (неромками). На знаменахъ литовскихъ изображался бѣгущій всадникъ впослѣдствіе „погоня" знаменитый гербъ Великого Кн. Литовскаго [5]. Войско созывалось въ походъ слѣдующимъ образомъ: князь рѣзалъ козу, въ кровь ея погружалъ стрѣлу и затѣмъ, вмѣстѣ съ обгорѣвшимъ кускомъ дерева, посылалъ изъ дома въ домъ; это было знакомъ, чтобы всѣ собирались въ походъ и являлись къ предводителю; ослушнику грозила смерть. Неудача на войнѣ наказывалась выраженіемъ всеобщаго презрѣнія, а бѣжавшихъ съ поля битвы предавали смерти. Искусство возводить деревянныя укрѣпленія и окапывать ихъ рвами литовцы заимствовали сравнительно поздно: только послѣ непріязненныхъ столкновеній съ русскими, поляками и, главное, съ нѣмцами; до этого времени охраненіе жилищъ ограничивалось только выборомъ неприступнаго для непріятеля мѣстоположенія для постройки. По свидѣтельству Петра Дюисбургскаго добычу дѣлили на 3 части: одна приносилась богамъ на всесожженіе, другая Криве-Кривейте и жрецамъ, третью соучастники похода дѣлили между собой.

Глава IV

Сношенія древнихъ литовцевъ съ норманнами, русскими, поляками и нѣмцами—Ливонскій и Тевтонскій ордена—Начало литовской государственности—Характеристика легендарнаго періода.

Много вѣковъ замкнутой и уединенной жизни древнихъ литовцевъ прошло со времени поселенія ихъ въ областяхъ зап. Двины и Нѣмана до перваго знакомства съ иноземными народами. На основаніи народныхъ литовскихъ преданій можно заключить, что первыми проникли къ литовцамъ и завязали съ ними сношенія—норманны. Они явились въ Литву сначала какъ завоеватели и грабители, а потомъ и какъ мирные поселенцы. Эти послѣдніе прибыли изъ Скандинавіи въ то время, когда на родинѣ ихъ стало распространяться христіанство и принадлежали къ той части норманновъ, которая, спасая свою языческую религію, бѣжала изъ Скандинавіи въ разныя страны; они и явились реформаторами религіи древнихъ литовцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи значительно болѣе развитыми чѣмъ литовцы, пришельцы эти и потомство ихъ стали предводителями литовскихъ дружинъ и положили начало княжеской власти въ странѣ

ПРИМѢЧАНІЕ [5]. Установленіе литовскаго герба—скачущаго на конѣ всадника, вмѣсто прежняго герба—центавра, приписывается преданіемъ князю Норимунту.

Вслѣдъ за скандинавами вступили въ сношеніе съ литовцами и русскіе. Эти сношенія начались вслѣдствіе частыхъ поѣздокъ русскихъ князей къ литовцамъ на поклоненіе ихъ богамъ [6].

Сношенія эти еще болѣе усилились по поводу торговли, производившейся новгородцами и полочанами на Литвѣ, т. е. въ X, XI и XII вѣкахъ и окончательно упрочились съ постройкой русскихъ поселеній на литовской территоріи, особенную силу получившей благодаря великимъ князьямъ кіевскимъ въ XI и XII ст.; т. н. Ярославъ I, завоевавъ юго-восточную часть литовской территоріи, основалъ на ней нѣсколько военныхъ поселеній и, подчинивъ ихъ особому намѣстнику, далъ ему часть своего войска для охраны порядка. Лѣтописецъ Несторъ подъ 1045 годомъ помѣчаетъ, что „вел. князь кіевскій Ярославъ наложилъ дань на литовцевъ"; это первое историческое свидѣтельство о литовцахъ въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ 1102 г. Борисъ Полоцкій, а въ 1112 г. Ярославъ Воложскій подчиняютъ себѣ части литовской территоріи. Но уже съ конца XII вѣка можно отмѣтить новый поворотъ въ исторіи, зап. Руси: обширное государство, составившееся въ X и XI столѣтіяхъ усиліями кіевскихъ князей, стремится къ децентрализаціи. Отдѣльныя области русской земли, опираясь на центробѣжныя силы населявшихъ ее племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на родовые счеты многочисленной княжеской семьи, стремятся къ самостоятельности. Власть кіевскихъ князей постепенно падаетъ и вліяніе на области ослабѣваетъ. Раньше другихъ русскихъ земель обособилась Полоцкая область. Къ 1130 году Полоцкая земля достигаетъ значенія независимаго княжества, но вслѣдъ затѣмъ въ ней со страшной силой разгорается внутреняя борьба за преобладаніе. Для пріобрѣтенія силъ въ этой междоусобной борьбѣ съ одной стороны князья, а съ другой—вѣча прибѣгаютъ къ покровительству и къ помощи соплеменныхъ русскихъ князей, а иногда и къ помощи нѣмцевъ или литовцевъ. Такимъ образомъ литовцы постепенно втягиваются во внутреннія дѣла Полоцкой земли, знакомятся съ ея положеніемъ и свыкаются съ мыслю о ея слабости и внутрннемъ неустройствѣ: съ конца XII вѣка они уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междоусобіяхъ, но предпринимаютъ даже походы на Русь вначалѣ для пріобрѣтенія военной добычи, а затѣмъ и съ цѣлью территоріальнаго захвата. Съ начала XIII в. нападенія литовцевъ на Русь дѣлаются все чаще и чаще. Они не ограничиваются полоцкой территоріей, но по временамъ достигаютъ и другихъ русскихъ земель, лежащихъ ея предѣлами; литовскіе набѣги опустошаютъ земли: Туровскія, Волынскія, Новгородскія (1200 г.) Псковскія (1213 г.), Смоленскія и въ половинѣ XIII ст. литовцы появляются даже въ предѣлахъ Кіевскаго княжества.

ПРИМѢЧАНІЕ [6]. Хроника Адама Бременскаго XI в. и Іоакимовская лѣтопись.

Послѣ скандинавовъ и русскихъ въ сношенія съ литовцами вступили поляки. Начало этихъ сношеній положено было королемъ Болесловомъ Храбрымъ по поводу мученической кончины въ землѣ пруссовъ двухъ католическихъ миссіонеровъ: св. Войтѣха и св. Бруна. Болеславъ Храбрый, рѣшившись наказать прусское племя за эти поступки, въ 1010 г. съ огромнымъ войскомъ вторгся въ страну и подвергъ ее страшному опустошенію: самое святилище „Ромове" разорилъ и перебилъ всѣхъ идоловъ. Послѣ этого сношенія поляковъ съ литовцами прекращаются на 100 лѣтъ и возобновляются лишь при Болеславѣ III, въ 1110 году совершившимъ опустошительный походъ на прусское племя и уведшій съ собой огромную добычу и множество плѣнныхъ. Съ этого времени военные походы поляковъ на Литву все чаще и чаще упоминаются въ различныхъ источникахъ; т. н. въ 1146 г. тѣмъ-же Болеславомъ III совершенъ былъ походъ на пруссовъ, а въ 1191 г. Казиміромъ Справедливымъ-на ятвяговъ. Мирныя сношенія поляковъ съ литовцами начинаются только съ первой половины XIV в., когда на польскомъ престолѣ сидѣлъ Владиславъ Локотокъ, а на литовскомъ Гедиминъ.

Первое знакомство литовцевъ съ нѣмцами относится къ концу XII в., когда на островѣ Готландѣ на Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ бременскіе и гамбургскіе купцы завели торговлю съ новгородскими купцами, а затѣмъ основали въ Ливоніи свои „дворы" для склада товаровъ. Бременскій архіепископъ Гартвигъ, узнавъ отъ купцовъ, что въ Ливоніи и сосѣднихъ съ нею странахъ живутъ язычники, около 1185 года отправилъ туда августинскаго монаха Мейнгарда для обращенія туземцевъ въ католичество. Вначалѣ Мейнгарду, благодаря содѣйствію русскаго полоцкаго князя Владиміра, отъ котораго въ то время зависѣла Ливонія, удалось крестить многихъ язычниковъ и даже построить 4 костела. Но затѣмъ, когда онъ потребовалъ отъ литовцевъ подчиненія бременскому епископу и десятины на церковь, среди туземцевъ начался глухой ропотъ, а затѣмъ поднялось и открытое возстаніе, которое Мейнгардъ подавилъ огнемъ и мечемъ. Послѣ смерти его въ 1196 г. на его мѣсто явился въ Ливонію монахъ Бертольдъ, который, однако, вскорѣ убитъ былъ туземцами. Наконецъ, въ 1200 г. изъ Бремена присланъ былъ новый епископъ—Альбертъ, человѣкъ умный, ловкій, хитрый и въ высшей степени энергичный. Онъ прибылъ къ устью Двины съ огромнымъ числомъ рыцарей. Въ 1201 году Альбертъ построилъ г. Ригу и для зашиты отъ постоянныхъ нападеній со стороны язычниковъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько сотъ рыцарей, изъ которыхъ въ 1202 г. образовалъ орденъ, получившій названіе Ливонскаго или Меченосцевъ и задавшійся цѣлью мечемъ водворять католичество среди литовско - финскихъ языческихъ племенъ. Послѣ учрежденія ордена дѣла миссіонеровъ быстро двинулись впередъ. Вна-

чалѣ Альбертъ покорилъ летголу и ливовъ, а потомъ и корсь. Затѣмъ однако, вслѣдствіе нападеній со стороны русскихъ и литовцевъ, орденъ Меченосцевъ [7]. вынужденъ былъ обратиться за помощью къ другому Ордену—Тевтонскому. Этотъ послѣдній основанъ былъ въ Палестинѣ во время Крестовыхъ походовъ изъ числа нѣмецкихъ рыцарей. Послѣ перехода Іерусалима въ руки мусульманъ, тевтонскіе рыцари вернулись въ Европу и на время поселились въ Италіи. Сюда въ первый разъ и прислали Меченосцы своихъ пословъ съ предложеніемъ союза, но соглашенія не состоялось. Спустя нѣкоторое время мазовецкій князь Конрадъ, тѣснимый литовскимъ племенемъ пруссовъ, также обратился за помощью къ Тевтонамъ, предлагая имъ поселиться въ его владѣяніяхъ. Тевтоны согласились на предложеніе Конрада и въ 1231 поселились въ Мазовіи. Въ 1237 г. папа Григорій IX утвердилъ соединеніе Тевтонскаго и Ливонскаго орденовъ, которые съ этого времени начали дѣйствовать солидарно. Съ этого же времени Ливонскій орденъ пересталъ подчиняться Рижскому епископу. Оба ордена подъ предлогомъ введенія въ Литвѣ христіанства, на самомъ же дѣлѣ съ опредѣленными завоевательными тенденціями германизма, устремились на разрозненныя литовскія племена съ неудержимою энергіей. Пользуясь сочувствіемъ и матеріальной поддержкой католическаго міра, германцы предпринимаютъ постоянные походы на Литву и постепенно раздвигаютъ границы своихъ владѣній. Опустошая страну, они насильно крестили жителей, обращая непокорныхъ въ рабство; смирившихся облагали тяжкими налогами, лишали ихъ земель въ пользу германскихъ колонистовъ и подвергали желѣзнымъ тискамъ орденской администраціи.

Литовцы пытаются отстоять свою независимость со всей силой твердой, стойкой энергіи, свойственной этому племени, но разрозненные, безъ взаимной связи между собой, они не могутъ представить серьезнаго препятствія завоевательнымъ тенденціямъ германцевъ; только послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій несчастной борьбы литовскія племена убѣждаются, что безъ прочной государственной связи они постепенно, одно за другимъ изчезнутъ въ неравной борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ. Создать же эту связь изъ собственныхъ элементовъ они пока еще безсильны, а потому они стараются примкнуть къ государствамъ ближайшихъ сосѣдей. Два литовскихъ народа, прежде всего

ПРИМѢЧАНІЕ [7]. Первоначальное названіе, данное папою новому ордену было: „Fratres militiae Christi“; вмѣстѣ съ уставомъ ордену былъ присвоенъ и отличительный знакъ его: красный крестъ и мечъ на бѣломъ плащѣ, отъ чего онъ впослѣдствіи получилъ названіе „меченосцевъ“ „fratres ensiferi“. Орденъ этотъ былъ утвержденъ папою Иннокентіемъ III въ 1203 г. и подчиненъ епископу.

подвергшіеся опасности, первыми ищутъ спасенія въ попыткахъ подобнаго рода: латыши признаютъ надъ собою власть полоцкаго князя и съ его помощью пытаются отбиваться отъ Ливонскаго ордена, а пруссы подчиняются своимъ сосѣдямъ, князьямъ славянскаго Поморья Святополку и Мстиславу (1242—1266 г.) Но эти первые опыты государственнаго устройства не приводятъ къ желанной цѣли: ни полоцкіе, ни поморскіе князья не имѣютъ ни достаточныхъ силъ, ни авторитета, чтобы изъ разрозненной группы литовскихъ клановъ создать быстро, среди борьбы, стройное и прочное государство. Попытки эти только на время замедлили наступательное движеніе германскихъ Орденовъ, но не могли имъ помѣшать къ концу XIII ст. подчинить себѣ съ одной стороны пруссовъ, съ другой—латышей и жемгалу. Такимъ образомъ границы орденскихъ владѣній съ двухъ сторонъ приблизились къ поселеніямъ соб. Литвы и Жмуди и для этихъ народовъ пришла очередь бороться съ иноземнымъ завоеваніемъ. Но пока соплеменники отражали натискъ германцевъ, народы эти, пользуясь своимъ выгоднымъ географическимъ положеніемъ въ мало-доступныхъ мѣстностяхъ, успѣли создать болѣе прочный государственный строй и вступили въ борьбу болѣе организованными и сильными. Силы эти литовцы пріобрѣли вслѣдствіе тѣхъ новыхъ отношеній, въ какія они стали къ Руси втеченіе XIII столѣтія. Къ половинѣ этого вѣка, незадолго до нашествію Батыя, многіе литовскіе вожди успѣли захватить разныя области полоцкихъ, туровскихъ и смоленскихъ княженій и утвердились въ нихъ въ качествѣ самостоятельныхъ князей. Одному изъ нихъ, Скирмунту, преданіе приписываетъ первую побѣду, одержанную на Руси и Литвѣ надъ монголами.

Подводя итоги легендарному періоду исторіи литовскаго государства, необходимо отмѣтить слѣдующее. До половины XIII столѣтія литовцы не составляли единаго политическаго организма: всѣ они жили вразсыпную и дробились на мелкія и слабыя племена и даже кланы. При такой раздробленности литовцевъ объединяющими началами являлись: а) единство религіознаго культа, б) единство происхожденія, в) единство обычаевъ. Есть основанія полагать, что, развиваясь безъ сильнаго давленія извнѣ, литовцы образовали бы изъ себя теократическое государство подъ верховной властью первосвященика. Однако этого не случилось: напоръ сосѣдей—поляковъ и особенно нѣмцевъ—заставилъ литовскія племена сгруппироваться въ крѣпкій политическій организмъ подъ главенствомъ сильнаго и энергичнаго свѣтскаго князя.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ

(ЭПОХА РАСЦВѢТА)

(Съ 1204 по 1386 г.)

Глава V.

Ринговдъ.—Миндовгъ.—Его объединительныя государственныя стремленія.—Отношенія къ Ливонскому ордену.—Отношеніе къ Зап. Руси.—Возстаніе на Литвѣ противъ Ордена.—Смерть Миндовга.

Фактъ окончательнаго образованія на территоріи Руси Литовскаго княжества, которому суждено было сыграть объединяющую и руководящую роль въ созданіи изъ отдѣльныхъ литовскихъ племенъ сильнаго государственнаго организма, можно установить по достовѣрнымъ источникамъ лишь со времени основанія въ Новгородкѣ (Новогрудкѣ), въ т. н. Черной Руси, княженія, представителемъ котораго является литовскій князь Миндовгъ. Есть основанія полагать, что начало этому княжеству положилъ еще отецъ его *Ринговдъ* (*1204—1239*), владѣтель Керновской волости въ Соб. Литвѣ [6]. Перенеся свою столицу изъ Кернова въ самую глубь Черной Руси, въ Новгородокъ, Ринговдъ успѣшно собираетъ раздробленные литовскіе удѣлы, большинство которыхъ, въ томъ числѣ не только Литва и Жмудь, но и земли ливовъ и корси (куроновъ), признаютъ его верховнымъ княземъ. Предпринимая частые походы на Русь, Ринговдъ доходилъ до самой Руссы, былъ подъ Новгородомъ—Сѣверскимъ, въ Псковской а затѣмъ и Полоцкой областяхъ, гдѣ также добился признаніе полочанами своей власти надъ ними. Удѣльные русскіе князья луцкій, волынскій и друцкій пытались противодѣйствовать набѣгамъ Ринговда, но безуспѣшно: въ 1235 г. при Могильнѣ, надъ Нѣманомъ (около Новгородка) союзные князья разбиты были на голову. Съ этого времени начинается сближеніе Литвы съ Зап. Русью и единодушныя дѣйствія ихъ противъ общихъ враговъ германскихъ рыцарей и монголовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ [6]. Происхожденіе Ринговда весьма загадочно. По нѣкоторымъ намекамъ Воскресенской лѣтописи можно предполагать, что Ринговдъ происходилъ изъ рода полоцкихъ князей, переселившихся въ Литву. Впрочемъ догадка эта требуетъ еще детальной провѣрки.

Ринговду наслѣдовалъ сынъ его *Миндовгъ* (1239—1263), о которомъ впервые упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1235 г. съ указаніемъ на то, что „Даніилъ Галицкій искалъ у Миндовга союза противъ мазовецкаго князя Конрада". Продолжая дѣло своего отца—дѣло собранія литовскихъ земель и расширяя границы своихъ владѣній на Руси съ помощью литовскаго ополченія изъ своего керновскаго удѣла, Миндовгъ получалъ въ покоренныхъ имъ русскихъ земляхъ новыя силы. Эти силы давали ему возможность съ одной стороны продолжать дальнѣйшія завоеванія на Руси, а съ другой—поставить въ зависимое отъ себя положеніе сосѣднихъ съ его владѣніями мелкихъ литовскихъ родоначальниковъ и князей; группируя такимъ образомъ свои силы, Миндовгъ посредствомъ Литвы удерживалъ и пріобрѣталъ русскія земли и вмѣстѣ съ тѣмъ, опираясь на ополченія своихъ русскихъ областей, подчинилъ себѣ разрозненныя мелкія владѣнія литовскія. Эти объединительныя государственныя стремленія Миндовга вскорѣ вызвали недовольство какъ среди литовскихъ, такъ и русскихъ князей. Изгнанный Миндовгомъ племянникъ его Товтвиллъ, принявъ крещеніе и заключивъ союзъ съ Даніиломъ галицкимъ, поднимаетъ на Миндовга Ливонскій орденъ. Въ то-же самое время серьезная опасность угрожаетъ Миндовгу со стороны самихъ литовскихъ земель: ятвяги и жмудины, чуждавшіеся централизаціонныхъ его стремленій, стали за старину и поднялись на него подъ предводительствомъ двухъ его противниковъ, Эрдвилла и Виконта. Такимъ образомъ на Миндовга надвигалась грозная сила, состоявшая изъ галицко-волынскихъ князей, Ливонскаго ордена, жмудиновъ и ятвяговъ. Съ необыкновенной находчивостью литовскій князь вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія и спасъ начатое имъ дѣло объединенія литовскихъ земель путемъ искусныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Съ цѣлью устранить опасность со стороны ордена, онъ заявляетъ о своей готовности принять крещеніе и литовскій магистръ, желая въ глазахъ западнаго христіанства пріобрѣсти для своего ордена славу апостольской дѣятельности, беретъ Миндовга подъ свое покровительство. Въ 1251 г. произошло въ Новгородкѣ Литовскомъ крещеніе его, а въ 1253 г. кульмскій епископъ по приказанію папы Иннокентія IV короновалъ Миндовга и его жену Марѳу королевскимъ вѣнцомъ. Устранивъ такимъ образомъ опасность, грозившую со стороны ордена, Миндовгъ заключилъ съ Даніиломъ галицкимъ союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) старшему сыну Даніила, Роману, Миндовгъ уступаетъ на вассальныхъ правахъ всю Черную Русь съ Новгородкомъ Литовскимъ, 2) миръ скрѣпляется бракомъ дочери Миндовга съ младшимъ сыномъ Даніила, Шварномъ и 3) Миндовгъ переходитъ на жительство въ Керновъ. Условія эти были чрезвычайно для Миндовга благопріятны. Хотя уступкой Черной Руси

онъ и нанесъ нѣкоторый территоріальный ущербъ своему княжеству, но зато пріобрѣлъ себѣ сильныхъ союзниковъ въ лицѣ галицкихъ князей. Заручившись такими союзниками, Миндовгъ получилъ большую свободу дѣйствій въ Литвѣ для достиженія своей главной цѣли—объединить остальныя литовскія племена и образовать сильное, единое государство. Возстаніе жмудиновъ, служившихъ опорой внутренней реакціи противъ централистическихъ стремленій Миндовга, онъ ликвидируетъ въ 1259 г. уступкой всей Жмуди крестоносцамъ, являя этимъ ордену свидѣтельство тѣснаго союза съ нимъ и наружной преданности. Миндовгъ идетъ дальше и, не ограничиваясь этой уступкой, въ 1260 г. выдаетъ ордену грамату, по которой вся Литва, въ случаѣ прекращенія рода его, переходитъ во владѣніе ордена.

Со стороны Миндовга всѣ эти уступки, также какъ и принятіе христіанства, были только вѣрно разсчитанными политическими мѣрами для того, чтобы сокрушить сопротивленіе, встрѣченное имъ на пути своихъ объединительныхъ стремленій внутри литовскихъ земель. Литва и Жмудь должны были наглядно убѣдиться въ томъ, что, упорствуя въ своей разрозненности, онѣ рано или поздно сдѣлаются добычей нѣмецкаго ордена и испытаютъ на себѣ всю тяжесть этого господства Политика уступчивости и терпѣнія со стороны Миндовга привела, наконецъ, къ желанному результату: управленіе ордена въ уступленныхъ ему земляхъ, насильственное обращеніе жителей ихъ въ христіанство, раздача отнятыхъ у туземнаго населенія земель католическому духовенству, рыцарямъ и германскимъ колонистамъ, сборъ десятины и податей, наконецъ угроза окончательнаго подчиненія остальныхъ литовскихъ земель ордену, всѣ эти обстоятельства вызвали сильное волненіе среди народа. Волненіе это въ 1260 г. перешло въ открытое возстаніе жмудиновъ и ятвяговъ, которые первыми вторглись во владѣнія Тевтоно—Ливонскаго ордена и нанесли ему пораженіе при р. Дурбѣ (въ Курляндіи). Дурбинское пораженіе послужило сигналомъ ко всеобщему возстанію на Литвѣ и среди пруссовъ, подвергшихъ орденскія земли страшному опустошенію. При появленіи первыхъ признаковъ этого возстанія, Миндовгъ внезапно отрекся отъ христіанства, порвалъ съ орденомъ и, объявивъ себя врагомъ его, сталъ во главѣ всенароднаго движенія противъ рыцарей. Въ результатѣ борьбы орденъ потерялъ плоды многолѣтнихъ усилій и всѣ территоріальныя пріобрѣтенія, полученныя имъ отъ Миндовга.

Однако дѣятельность Миндовга остановлена была тѣми-же внутренними препятствіями, которыя были причиной первой его неудачи. Какъ только миновала непосредственная опасность порабощенія крестоносцами, такъ областные вожди вступили въ борьбу съ великокня-

жеской властью. Многочисленные князья литовскіе и русскіе, недовольные самовластіемъ Миндовга, составили противъ него заговоръ; въ 1263 г., воспользовавшись походомъ Миндовга на брянскаго князя Романа, заговорщики, въ числѣ которыхъ были Довконтъ, Тройнятъ и Товтвиллъ убили его въ лагерѣ вмѣстѣ съ двумя младшими его сыновьями.

Глава VI.

Смутное время.—Тройнятъ.—Шварнъ.—Войшелгъ.—Тройденъ.—Опасность распаденія Литовскаго Государства.— Вокняженіе новой жмудской династіи.—Лютауръ.—Витенъ.

Послѣ гибели Миндовга въ Литовскомъ государствѣ настаетъ смутный періодъ, втеченіе котораго великокняжеская власть переходитъ изъ рукъ въ руки. Однако государство, основанное Миндовгомъ, успѣло уже достаточно окрѣпнуть для того, чтобы не разложиться среди междоусобій, возникшихъ послѣ его смерти. Заговорщики, тяготившіеся самовластіемъ Миндовга и убившіе его за стремленіе къ самодержавію, сами спѣшатъ занять созданное имъ положеніе главы обширнаго государства. Между ними возникаетъ упорная борьба, въ которой рѣшающую роль играетъ уже не интересъ охраненія самостоятельности отдѣльныхъ областей и округовъ, а захватъ великокняжескаго престола.

Въ результатѣ этой борьбѣ мѣсто Миндовга занимаетъ жмудскій князь Тройнятъ (1264—1265) представитель языческой партіи, послѣ насильственной смерти котораго, великокняжескій престолъ переходитъ къ сыну Миндовга *Войшелгу* (*1265—1269*), Войшелгъ, утвердившись въ Литовскомъ государствѣ и желая упрочить въ немъ господство культурнаго русскаго вліянія, рѣшился ввести это княжество въ составъ галицко-русскихъ владѣній. Съ этой цѣлью онъ назвалъ себя сыномъ Василька волынскаго (брата Даніила галицкаго) и въ свою очередь усыновилъ сына Даніила, *Шварна*, которому и передалъ княженіе на Литвѣ; однако въ 1268 году послѣ бездѣтной смерти Шварна Даниловича, Войшелгъ снова занимаетъ отцовскій престолъ, но уже въ слѣдующемъ году падаетъ отъ руки брата Шварна, Льва Даніиловича, выступившаго въ качествѣ претендента на Литовское княженіе.

Послѣ смерти Войшелга національно-языческая партія на Литвѣ провозглашаетъ великимъ княземъ литовскимъ сначала Наримунта, а а затѣмъ *Тройдена* (*1271—1282*). Получивъ великокняжеское достоинство, Тройденъ поселился въ Керновѣ и все княженіе свое провелъ въ борьбѣ то съ волынско-галиційскими князьями, то съ поляками и нѣмцами.

Къ этому времени великое княжество Литовское начинаетъ уже въ значительной степени терять ту внѣшнюю силу и внутреннюю связь, которыя оно успѣло пріобрѣсти при Миндовгѣ. Послѣ смерти Шварна одно литовское племя за другимъ окончательно падаетъ въ борьбѣ съ иноплеменниками, которые со всѣхъ сторонъ вновь приближаются къ предѣламъ Жмуди и Соб. Литвы. Такъ, Ливонскій орденъ, несмотря на нѣсколько чувствительныхъ пораженій, нанесенныхъ ему литовцами, успѣлъ подчинить себѣ жемгалу; тевтоны окончательно подавили возстаніе пруссовъ, принудивъ ихъ или безусловно подчиниться власти ордена или бѣжать изъ отечества въ соб. Литву. Наконецъ польскіе князья, не взирая на опустошительные набѣги литовцевъ на Польшу и Мазовію, овладѣли той частью ятвяжской земли, которая не была еще покорена волынскими князьями. Такимъ образомъ опасность, отвращенная на время Миндовгомъ, опять стала угрожать великому княжеству Литовскому. Представители его поняли, что для спасенія своей родины имъ необходимо отказаться отъ исключительнаго преобладанія національныхъ литовскихъ началъ и для извлеченія новыхъ силъ къ борьбѣ за свою государственность обратиться за помощью къ Руси, какъ вошедшей уже въ составъ великаго княжества Литовскаго, такъ и сопредѣльной съ нимъ. Это историческое призваніе выполнилъ новый родъ литовскихъ владѣтелей, вокняжившійся въ концѣ XIII столѣтія— въ лицѣ Витена и наслѣдника его Гедимина.

По недостатку историческихъ свидѣтельствъ начало и возвышеніе новой жмудской династіи окружено густымъ туманомъ и первый значительный князь ея Лютауръ извѣстенъ только по имени. Есть основаніе полагать, что онъ соединилъ подъ своей властью часть сѣверной Литвы и Жмуди въ то время, когда на великокняжескомъ столѣ сидѣлъ еще Тройденъ. Послѣ смерти Тройдена, Лютауръ, (1282—1295) а затѣмъ сынъ его В*итенъ* (*1295—1316*), завладѣли великокняжескимъ престоломъ. Большую часть своего княженія Витенъ провелъ въ борьбѣ съ поляками и соединенными орденами съ перемѣннымъ успѣхомъ; но все-же ему удалось отстоять Литву отъ захвата ея со стороны напиравшихъ на нее сосѣдей и удачно продолжать дѣло объединенія литовско-русскихъ земель. Истиннымъ-же основателемъ новаго могущества Литвы является Гедиминъ (сынъ или братъ Витена), при которомъ государство Литовское окрѣпло, упрочилось и значительно расширилось въ территоріальномъ отношеніи.

Глава VII.

Гединминъ.—Отношеніе къ Руси.—Отношеніе къ Тевтонскому и Ливонскому орденамъ.—Первыя столкновенія съ Московскими князьями за Псковъ и Новгородъ. Русское вліяніе въ эпоху Гедимина.—Внутренняя дѣятельность Гедимина.

Гедиминъ (1316—1341) значительно расширилъ предѣлы Литовскаго государства вслѣдствіе присоединенія новыхъ русскихъ областей, которое совершалось главнымъ образомъ не силою оружія, а дипломатическими переговорами и вступленіемъ въ родственныя связи путемъ заключенія брачныхъ союзовъ. Съ упадкомъ Кіева, Владиміра-Волынскаго и Полоцка нѣкоторые удѣльные князья юго-западной Руси, тяготѣвшіе прежде къ этимъ средоточіямъ и слишкомъ слабые для самостоятельнаго существованія, неизбѣжно должны были подчиниться сильному литовскому государю. Таковы были князья смоленскіе, туровскіе, пинскіе и др., которыхъ мы видимъ сначала „подручниками" Гедимина, а затѣмъ уже и „намѣстниками" его въ этихъ присоединенныхъ къ Литвѣ земляхъ. Такимъ присоединеніямъ много способствовало стремленіе русскихъ областей избавиться отъ татарскаго ига, которому они предпочитали сравнительно легкое литовское господство. Свое политическое искусство Гедиминъ особенно проявилъ въ цѣломъ рядѣ родственныхъ связей, посредствомъ которыхъ онъ или подготовилъ присоединеніе къ Литвѣ новыхъ русскихъ областей (Витебское и Волынское княжества) [8]. или пріобрѣлъ сильныхъ союзниковъ [9].

Особенно выгоднымъ для Литвы оказалось установленіе родственныхъ связей съ польскимъ королемъ и мазовецкимъ княземъ: вмѣсто прежнихъ враговъ Гединминъ имѣлъ теперь въ полякахъ надежныхъ союзниковъ противъ общаго непріятеля—Тевтонскаго ордена. Въ борьбѣ съ нимъ соединенныя ополченія Литвы и Польши перешли къ наступательнымъ военнымъ дѣйствіямъ и нанесли этому ордену цѣлый рядъ пораженій, изъ которыхъ наиболѣе чувствительнымъ было пораженіе подъ Пловцами (1331 г). Въ отношеніи къ другому гер-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [8]. Одного изъ своихъ сыновей, Ольгерда, онъ женилъ на Маріи, дочери Витебскаго князья, не имѣвшаго мужского потомства; послѣ смерти своего тестя въ 1320 году Ольгердъ наслѣдовалъ Витебскій удѣлъ; другого сына, Любарта, онъ женилъ на дочери послѣдняго волынскаго князья Льва, по смерти котораго въ (1325 г.) Волынь досталась Любарту.

ПРИМѢЧАНІЕ [9]. Одну дочь Августу онъ выдалъ замужъ за Симеона, сына Ивана Калиты; другую, Марію - за его соперника, тверского князя Дмитрія Михайловича; третью, Альдону--за Казиміра, сына польскаго короля Владислава Локотка и четвертую—за мазовецкаго князя Болеслава Тройденовича.

манскому ордену, Ливонскому, Гедиминъ воспользовался той междоусобной враждой, которая разгорѣлась между этимъ орденомъ и городомъ Ригой, въ союзѣ съ Рижскимъ архіепископомъ. Гедиминъ сталъ на сторону архіепископа и городскихъ общинъ и немало способствовалъ крайнему истощенію орденскихъ силъ.

Въ борьбѣ противъ галицко-волынскихъ князей, дѣйствовавшихъ одно время въ союзѣ съ тевтонами, онъ также имѣлъ успѣхъ и въ результатѣ ея присоединилъ къ Литвѣ Подляхію съ городами: Берестьемъ, Дрогочиномъ, Мельникомъ, Бѣльскомъ и др. Упрочивъ свою власть въ раздробленныхъ русскихъ удѣлахъ, Гедиминъ задумалъ подчинить своему вліянію еще двѣ русскія области: Псковскую и Новгородскую. Но этому намѣренію помѣшалъ московскій князь Иванъ Калита, который къ этому времени замѣтно усилилъ московское княженіе и началъ предъявлять свои права на западную Русь. Такимъ образомъ оказалось, что по раздробленіи древней Руси на мелкіе удѣлы появилось два политическихъ центра на двухъ противоположныхъ окраинахъ ея территоріи: Литва—на западной, Москва—на восточной и оба государства съ одинаковыми политическими стремленіями. Поэтому нужно было ожидать столкновенія Литвы съ Москвою, какъ неизбѣжнаго слѣдствія ихъ стремленія къ одной политической цѣли: собиранія раздробленной Руси. Дѣйствительно, впервые столкновеніе это, кончившееся побѣдой московского князя, произошло при Гедиминѣ и Калитѣ сначала за Псковъ, а потомъ и за Новгородъ.

Ко времени Гедимина в. к. Литовское, на 2/3 состоя изъ русскихъ земель, во внутреннемъ своемъ устройствѣ подпадаетъ рѣшительному вліянію своихъ русскихъ областей, т. е. вліянію русской гражданственности. Это особенно отразилось на характерѣ военнаго дѣла. Безпорядочныя древне-литовскія ополченія смѣнились болѣе стройными многочисленными полками, которые не ограничиваются прежними набѣгами и грабежомъ, а совершаютъ уже продолжительные и отдаленные походы и ведутъ правильную осаду городовъ, при чемъ дѣйствуютъ стѣнобитными машинами и устраиваютъ лагери. Не полагаясь на болота и озера, т. е. на одну лишь естественную защиту страны, литовцы ограждаютъ свои границы рядомъ новыхъ замковъ и вновь укрѣпленныхъ городовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что значительную часть литовскихъ войскъ составляютъ чисто-русскіе полки во главѣ съ русскими вождями, по преимуществу изъ числа мѣстныхъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ [10]

ПРИМѢЧАНІЕ [10]. Самое видное мѣсто среди такихъ предводителей занималъ Давидъ, князь гродненскій, женатый на дочери Гедимина, — неоднократный побѣдитель Ливонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей.

О внутренней дѣятельности Гедимина до насъ дошли скудныя свѣдѣнія, свидѣтельствующія, впрочемъ, о заботахъ его въ отношеніи заселенія пустынныхъ земель и распространенія европейскихъ ремеслъ на Литвѣ. Эти заботы выразились не только въ приглашеніи на Литву западныхъ колонистовъ, мастеровъ, ученыхъ и въ дарованіи имъ различныхъ льготъ, но также и въ основаніи новыхъ городовъ (г. Троки на берегу озера Гальвы—въ 1320 г. и Вильно—1323 г.)[11]. Самъ оставаясь язычникомъ, Гедиминъ относился съ полной терпимостью къ христіанамъ всѣхъ исповѣданій. Въ хроникахъ и лѣтописяхъ мы не только не находимъ намековъ на какое-то бы-то ни было стѣсненіе христіанъ, но наоборотъ, имѣются указанія на то, что онъ, хорошо понимая значеніе христіанства какъ фактора прогресса, оказывалъ имъ всевозможное покровительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ считаться и съ національно-литовской языческой реакціей, принудившей Миндовга отступиться отъ новой религіи и продолжавшейся еще при Гедиминѣ. Эту реакцію, которую всемѣрно поддерживало и подогрѣвало жреческое сословіе, подкрѣпляла народная ненависть противъ Тевтонскихъ и Литовскихъ рыцарей, вводившихъ въ Литвѣ католичество силою меча, опустошеній и захватовъ. При такомъ настроеніи народа, Гедиминъ какъ умный политикъ старался, по мѣрѣ возможности, не дѣйствовать противъ языческой партіи и пользовался этимъ настроеніемъ массъ и вліяніемъ жреческаго сословія, какъ для успѣшной защиты литовской независимости отъ западныхъ сосѣдей, такъ и для упроченія собственной власти. Въ 1341 году, Гедиминъ палъ въ борьбѣ съ крестоносцами, пораженный пулею одного изъ первобытныхъ орудій, которыя только что начали входить въ употребленіи въ западной Европѣ и впервые появились въ войскѣ Тевтонского ордена. Такъ погибъ этотъ умный и энергичный князь, снискавшій себѣ общее расположеніе и преданность своей вѣротерпимостью и уваженіемъ народныхъ правъ. Не стѣсняя свободу вѣры и не отмѣняя древнихъ уставовъ и обычаевъ, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла покоренныхъ или добровольно отдавшихся подъ его власть земель, онъ всегда оставлялъ въ нихъ въ качествѣ своихъ намѣстниковъ прежнихъ князей. Такими мѣрами онъ привлекалъ на свою сторону населеніе присоединенныхъ къ Литвѣ областей и тѣмъ самымъ подготовилъ благодарную почву для того могущества и упроченія Литовской державы, котораго она достигла при ближайшихъ его преемникахъ.

ПРИМѢЧАНІЕ [11]. Въ мѣстности, гдѣ теперь находится г. Вильно уже до Гедимина существовалъ храмъ и капище Перкунаса; весьма вѣроятно, что еще до княженія Гедимина на мѣстѣ Вильно было селеніе и что Гедиминъ для упроченія своей власти заложилъ здѣсь два замка, а затѣмъ въ 1323 г. перенесъ сюда изъ Трокъ свою столицу.

Глава VIII.

Положеніе в. к. Литовскаго послѣ смерти Гедимина.—Смуты до вступленія на престолъ Ольгерда.—Борьба съ германскими орденами.—Кейстутъ.--Присоединеніе русскихъ княжествъ и отношеніе къ Руси.—Борьба съ Польшей за галицко-волынское наслѣдство.—Усиленіе русскаго вліянія.—Общая характеристика княженія Ольгерда.

Гедиминъ еще при жизни роздалъ семерымъ своимъ сыновьямъ области на правахъ удѣльныхъ князей. Старшій--Монтвидъ получилъ Керновъ и Слонимъ въ Южной Руси, Ольгердъ—Крево и Витебское княжество, Кейстутъ—Берестье (Брестъ), Гродно и Жмудь, Наримунтъ—Пинскъ, Любартъ—Волынь, Каріатъ—всю Черную Русь за исключеніемъ Слонима. Не установленно, получилъ-ли младшій сынъ Явнутъ какой нибудь удѣлъ отъ отца; извѣстно-лишь, что послѣ смерти Гедимина онъ вмѣстѣ съ матерью своей Евой поселился въ г. Вильно; восьмой удѣлъ—Полоцкій принадлежалъ племяннику Гедимина, Любку (сыну Война). Гедиминъ погибъ такъ внезапно, что не успѣлъ видимо распорядиться великимъ княженіемъ и назначить себѣ преемника, у котораго удѣльные князья находились бы въ подчиненіи. Вслѣдствіе такого неопредѣленнаго отношенія литовскихъ князей между собой, вновь основанному государству угрожала опасность разложиться на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, а сосѣдямъ представлялся удобный случай воспользоваться этимъ разъединеніемъ для захвата ближнихъ областей. И дѣйствительно, польскій король не замедлилъ предъявить претензіи на Волынь, а на сѣверо-западѣ усиленно начали бряцать оружіемъ соединенные германскіе ордена.

Къ счастью для Литвы это смутное время продолжалось всего около пяти лѣтъ. Конецъ ему положили объединенными силами два самыхъ видныхъ и даровитыхъ князя изъ сыновей Гедимина, Ольгердъ и Кейстутъ, рожденные отъ одной матери и связанные неразрывною дружбою. Зимою 1345 года они овладѣли г. Вильно, захватили Явнута въ плѣнъ и, торжественно провозгласивъ *Ольгерда* (*1355—1377*) великимъ княземъ литовскимъ, скрѣпили свой союзъ и перемѣны въ управленіи удѣловъ клятвеннымъ договоромъ, по которому условились совмѣстно управлять литовскимъ княжествомъ. По личному характеру, по политическимъ стремленіямъ и симпатіямъ своимъ оба брата представляли совершенную противоположность; но противоположность эта не только не мѣшала имъ состоять въ неразрывномъ единеніи, а наоборотъ они какъ-бы взаимно дополняли другъ друга, представляя въ совокупности всѣ качества, необходимыя для успѣшнаго управленія литовскимъ государствомъ,

Къ этому времени крестоносцы нѣсколько измѣняютъ свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Литвѣ. Вмѣсто большихъ походовъ они предпринимаютъ частыя и мелкія вторженія, т. н. „рейзы“, которыхъ втеченіе княженія Ольгерда насчитывается около ста. Но сила и энергія литовцевъ и германцевъ были приблизительно равны и потому рѣшительнаго перевѣса не оказалось ни на той ни на другой сторонѣ. Несмотря на всѣ усилія крестоносцевъ, имъ не удалось раздвинуть свои предѣлы въ глубь литовскихъ земель и границы остались тѣ-же, что и въ предыдущемъ столѣтіи: объединенная Литва остановила совмѣстный натискъ Тевтонскаго и Ливонскаго орденовъ и отстояла свою самобытность. Героемъ такой долгой, непрерывной борьбы съ нѣмцами явился трокскій князь *Кейстутъ* (*1245—1385*) любимецъ, кореннего литовскаго населенія, пользовавшійся неограниченнымъ авторитетомъ и довѣріемъ народа и въ свою очередь преданный ему и язычеству до страсти. Отличаясь откровенностью, прямотой, безкорыстіемъ и честностью, онъ извѣстенъ былъ далеко на западѣ своею гуманностью, человѣколюбіемъ и истино-рыцарскимъ великодушіемъ.

Защита Кейстутомъ западныхъ границъ государства отъ крестоносцевъ давала Ольгерду возможность всецѣло посвятить себя дѣлу расширенія литовскаго княжества на востокѣ и на югѣ за счетъ западно-русскихъ земель. Дѣйствительно мы видимъ, что въ княженіе Ольгерда къ Литвѣ присоединенъ былъ цѣлый рядъ зап.—русскихъ княжествъ. Т. н. воспользовавшись неурядицами, вызванными борьбой вѣча съ князьями, Ольгердъ въ 1356 г. присоединилъ къ Литвѣ Черниговo-Сѣверское княженіе. Почти одновременно съ этимъ онъ завладѣлъ сначала Подольскими землями, отнявъ ихъ отъ татаръ, а затѣмъ и Кіевомъ, который уже при Гедиминѣ находился въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Этимъ онъ вызвалъ сильное неудовольствіе Орды, которая все-таки продолжала считать Кіевскую область свой. Въ началѣ своего княженія Ольгердъ, дѣйствуя осторожно, избѣгалъ рѣшительныхъ столкновеній съ Золотой Ордой. Но когда въ Ордѣ наступили смуты, онъ началъ дѣйствовать рѣшительно. Одержавъ большую побѣду надъ тремя татарскими князьями при Синихъ Водахъ около 1362 г., онъ очистилъ отъ татаръ все Подолье и сосѣднія южныя степи между Днѣпромъ и Днѣстромъ до самаго Чернаго Моря. Окончательно присоединивъ къ своимъ владѣніямъ княжество Кіевское, онъ посадилъ тамъ сына своего Владиміра, а Подольскую область предоставилъ въ удѣлъ своимъ племянникамъ, сыновьямъ Коріата Гедиминовича. Что касается Смоленскаго княжества, которое уже по своему географическому положенію, между двумя объединяющими центрами русскихъ земель—Москвой и Литвой, не въ состояніи было

надолго сохранить свою самостоятельность, то при Ольгердѣ вліяніе Литвы на это княжество дѣлается чрезвычайно значительнымъ. Смоленское княженіе, хотя и не присоединяется къ Литвѣ, но признаетъ свою зависимость отъ литовскаго князя (1358) и уступаетъ ему въ полное владѣніе западную часть смоленской территоріи съ городами Мстиславлемъ, Бѣличемъ и др. Открытое столкновеніе двухъ соперницъ-собирательницъ Руси сдѣлалось неизбѣжнымъ, когда на Московскомъ столѣ явился энергичный князь Дмитрій Ивановичъ. Поводомъ къ такому столкновенію послужила борьба Твери съ Москвою, въ которой Ольгердъ, женатый во второмъ бракѣ на тверской княжнѣ Юліанѣ, явился союзникомъ тверскихъ князей. Однако борьба эта, втеченіе которой Ольгердъ даже занялъ хотя и не надолго Москву, окончилась для него неудачей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ольгердъ старается также упрочить свое положеніе въ Новгородѣ Великомъ и Псковѣ, которые еще при Гедиминѣ начали искать союза съ Литвой въ отпоръ властолюбивымъ и корыстнымъ стремленіямъ московскихъ князей. Впрочемъ попытки эти также оказались неудачными и только въ послѣдній годъ жизни Ольгерда, именно въ 1377 г., псковичи признали своимъ княземъ сына его Андрея.

Тяжелѣе была для Ольгерда борьба съ поляками за галицко-волынское наслѣдство. Борьба эта была очень продолжительной и только послѣ многихъ кровопролитій и взаимныхъ разореній окончена была миромъ съ польскимъ королемъ Людовикомъ Венгерскимъ въ 1377 году, незадолго до смерти Ольгерда. По этому миру большая часть Волыни, именно Владимірскій и Луцкій удѣлы, а также и Берстейская область отошли къ Литвѣ, а Галиція съ присоединеніемъ удѣловъ Холмскаго и Бельзскаго остались за Польшей.

Въ результатѣ своего 32-лѣтняго княженія Ольгердъ широко раздвинулъ предѣлы в. к. Литовскаго: оно простиралось отъ Балтійскаго до Чернаго морей и отъ верховьевъ Угры и Оки до З. Буга. Ольгердъ несомнѣнно въ высокой степени обладалъ тѣми качествами, которыми характеризуются основатели и распространители какой-либо новой политической силы, новаго государства, выступившаго на историческую арену. Искусный и осторожный политикъ, неутомимый военачальникъ, умный организаторъ и ловкій дипломатъ, онъ явился непосредственнымъ продолжателемъ своего отца въ дѣлѣ собиранія подъ властью Литвы западной Руси и образованія единаго, могущественнаго Литовско-Русскаго государства. Въ то время какъ сѣверная Русь съ самаго начала выказывала явное тяготѣніе къ Москвѣ, Русь южная и юго-западная, непосредственно угнетаемая татарскими ордами, склонялась на сторону Литвы. Къ этому времени Литовское государство, въ составъ котораго входили чисто-

русскія земли, представлявшія около $^9/_{10}$ земель всего Великаго Княжества, сдѣлалось княжествомъ по преимуществу Западно-Русскимъ. Въ немъ господствовала русская народность, составлявшая $^2/_3$ всего населенія Великаго Княжества, русскій языкъ, русскіе нравы и обычаи. Благодаря русскому вліянію на Литву проникала византійская культура, носителемъ которой явилась православная церковь. Постепенно проникала на Литву также и западная культура, развившаяся въ католическомъ мірѣ, но вліяніе этого начала несмотря на усилія римской куріи, было къ этому времени сравнительно слабое потому, что ближайшими представителями его были рыцари нѣмецкихъ орденовъ—заклятые враги литовцевъ. А такъ какъ распространеніе той или иной культуры находилось въ тѣснѣйшей связи съ вѣроисповѣданіемъ народа, то и католичество, въ эту эпоху отождествлявшееся въ представленіяхъ литовцевъ съ враждебнымъ началомъ, не находило среди нихъ распространенія. Между тѣмъ культурное вліяніе русской народности, чуждое насильственной пропаганды, проникало на Литву совершенно свободно и народность литовская быстро шла по пути культурнаго и политическаго сближенія съ русской. Характерно, что въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ вопросъ о происхожденіи и распредѣленіи верховной власти, Ольгердъ также явился проводникомъ политическихъ понятій, выработанныхъ русскимъ средневѣковымъ обществомъ. Въ силу этихъ началъ право княженія признавалось исключительно за членами одного княжескаго рода, имѣвшими вслѣдствіе принадлежности къ нему право на долю въ государствѣ; всѣ они княжили въ своихъ удѣлахъ, подчиняясь старшему члену рода на основаніи нравственнаго, семейнаго начала. Въ то же время Ольгердъ рѣшительно отрицалъ народный выборъ какъ источникъ власти и въ этомъ отношеніи безусловно расходился съ понятіями, установившимися среди литовскаго народа.

Это сближеніе литовской и русской народности подъ преобладающимъ воздѣйствіемъ болѣе развитой изъ нихъ, русской, шло такъ успѣшно, что еще два—три поколѣнія и къ началу XVI вѣка можно было ожидать полнаго сліянія Литвы съ зап. Русью. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ чьей властью объединены будутъ эти земли подъ властью Гедиминовичей или потомковъ Ивана Калиты. Есть основанія полагать, что задачу эту удалось бы скорѣе всего выполнить Гедиминовичамъ, т. к. характеръ литовской удѣльной системы имѣлъ нѣкоторыя преимущества передъ русской. Раздавая удѣлы, великій князь литовскій обязывалъ удѣльныхъ князей извѣстными служебными отношеніями и, создавая родъ вассальной зависимости, являлся почти независимымъ главою государства. Отчасти этимъ и объясняется быстрый ростъ литовской государственности и усиленіе въ ней централь-

ной власти, которая получала такимъ образомъ возможность не только противостоять натиску враговъ извнѣ, но и усиленно продолжать собиранiе земель за счетъ русскихъ княжествъ.

Глава IX.

Вступленiе на престолъ Ягайло.—Отношенiя къ Кейстуту.— Борьба съ Витовтомъ.— Перемѣна въ отношенiяхъ Витовта, Ягайло и Ордена.

Однако вскорѣ послѣ смерти Ольгерда, оставившагося послѣ себя 12 сыновей и вступленiи на престолъ сына его Ягайло, намѣчавшiйся ходъ событiй измѣнился и направилъ исторiю Литвы въ другую сторону. Передъ смертью Ольгердъ раздѣлилъ свое обширное государство между своими сыновьями, но порядокъ въ наслѣдованiи великаго княженiя очевидно не успѣлъ еще окончательно оформиться. Какъ послѣ Гедимина, такъ и теперь, послѣ Ольгерда, вопросъ о старшинствѣ является спорнымъ. Старшимъ въ родѣ Гедиминовичей былъ Кейстутъ; однако, уступая желанiю брата, престарѣлый герой призналъ надъ собой старшинство племянника и остался по прежнему удѣльнымъ княземъ трокскимъ. Выборъ Ольгерда палъ не на самаго старшаго изъ сыновей его, Андрея Полоцкаго, а на старшаго сына отъ второго брака *Ягайло* (1377—1434) [12].

Первые годы своего княженiя Ягайло остается бездѣятельнымъ, его не слышно въ Литовской исторiи. Москва, ободренная этой бездѣятельностью, отрываетъ часть его владѣнiй: Сѣверскую область съ гор. Трубчевскомъ и Стародубомъ и принимаетъ въ подданство его родныхъ братьевъ. Съ другой стороны и Орденъ, разсчитывая на нерѣшительностью Ягайло, семь разъ нападалъ на Литву втеченiи 1378 г. и три раза втеченiе 1379 г. Источники ничего не сообщаютъ о мѣрахъ, которыя были приняты Ягайло для защиты государства; одинъ только Кейстутъ мстилъ рыцарямъ, отвѣчая на ихъ походы внезапными вторженiями въ Пруссiю. Однако однихъ силъ его для борьбы съ Орденомъ было недостаточно, а потому Кейстутъ въ 1379 г. охотно присоединился къ договору о перемирiи Ягайло съ рыцарями, не подозрѣвая того, что договоръ этотъ явился началомъ тайной противъ него коалицiи Ягайло съ Ливонскимъ орденомъ.

Несмотря на то, что Ягайло въ полученiи великокняжескаго стола болѣе всего обязанъ былъ великодушiю Кейстута, онъ скоро сталъ

ПРИМѢЧАНIЕ [12]. Это обстоятельство по мнѣнiю нѣкоторыхъ историковъ служитъ однимъ изъ доказательствъ того, что Ягайло, вопреки распространенному взгляду, основанному на сообщенiяхъ враждебныхъ Ягайло хронистовъ, былъ умнымъ, остсрожнымъ и даже выдающимся княземъ.

тяготиться вмѣшательствомъ дяди въ дѣло правленія и искалъ способа освободиться отъ него. Но прежде чѣмъ приступить къ рѣшительному образу дѣйствій Ягайло, долженъ былъ сосчитать свои силы и хорошо приготовиться къ борьбѣ. Онъ еще не чувствовалъ себя такъ твердо на великокняжескомъ престолѣ, а Кейстутъ силенъ былъ тѣми симпатіями, которыя питалъ къ нему литовскій народъ. Ягайло нуженъ былъ союзникъ, который и нашелся въ лицѣ ливонскаго магистра. Въ началѣ 1380 г. Ягайло заключилъ съ нимъ тайный договоръ, по которому миръ, установленный этимъ соглашеніемъ, не распространялся на Кейстута и его владѣнія; за этимъ въ 1381 г. послѣдовало свиданіе съ магистромъ Тевтонскаго ордена подъ Давидишками, въ которомъ кромѣ Ягайло и его придворныхъ, участвовали также сынъ Кейстута Витовтъ и его внукъ Иванъ. Въ результатѣ этого свиданія Ягайло заключилъ съ Тевтонскимъ орденомъ союзъ, по которому предположены были совмѣстныя дѣйствія противъ Кейстута и лишеніе какъ его самаго, такъ и всего его потомства удѣловъ въ Литовскомъ государствѣ. Союзъ этотъ заключенъ былъ въ такой тайнѣ, что Витовтъ не только не зналъ о существованіи его, но продолжалъ считать Ягайло своимъ искреннимъ другомъ. Однако, благодаря Остеродскому комтуру ордена фонъ-Лебштейну, содержаніе этого договора стало извѣстно Кейстуту, который, несмотря на увѣренія Витовта въ лойяльности Ягайло, рѣшился дѣйствовать энергично. Онъ внезапно напалъ на Вильно и, захвативъ въ плѣнъ Ягайло, нашелъ среди бумагъ его подлинный текстъ договора, заключеннаго съ Орденомъ. Лишивъ Ягайло великаго княженія, Кейстутъ провозгласилъ себя великимъ княземъ Литовскимъ, а ему отдалъ отцовскій удѣлъ, которымъ владѣлъ Ольгердъ, не будучи еще великимъ княземъ, т. е. Витебскъ и Крево. Вскорѣ однако, воспользовавшись походомъ Кейстута на Дмитрія Корибута, князя Новгородъ-Сѣверскаго, не желавшаго признать дядю своимъ верховнымъ государемъ, Ягайло въ союзѣ съ тевтонами напалъ сначала на Вильно, а затѣмъ и на Троки. Не имѣя возможности осилить Кейстута въ открытомъ бою, Ягайло хитростью заманилъ его и Витовта въ свой лагерь, откуда 80-тилѣтній Кейстутъ, закованный въ цѣпи, отправленъ былъ въ Кревскій замокъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней, вѣроятно по приказанію Ягайло, былъ задушенъ.

Та-же участь ждала и Витовта, переведеннаго изъ Виленскаго въ Кревскій замокъ. Но Витовтъ, переодѣвшись въ платье одной изъ служанокъ своей жены, бѣжалъ изъ замка сначала въ Слонимъ, а затѣмъ въ Мазовію, откуда черезъ нѣсколько дней отправился въ столицу Пруссіи Маріенбургъ къ магистру Тевтонскаго ордена Конраду Цольнеру, у котораго нашелъ радушный пріемъ и поддержку и съ кото-

рымъ заключилъ договоръ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Ягайло. По условіямъ этого договора Витовтъ, въ 1383 г. принявшій католичество, обязался въ случаѣ успѣха предпріятія уступить ордену часть соб. Литвы и всю Жмудь а также признать себя въ вассальной зависимости отъ него. Началась упорная и жестокая война, закончившаяся миромъ съ Ягайло въ 1384 г., по которому Витовтъ получилъ во владѣніе: Брестъ (Берестье), Дрогочинъ, Гродно, Бѣлостокъ, Суражъ и часть земель по З. Бугу, а нѣсколько позднѣе и Луцкъ.

Послѣ этого Витовтъ внезапно порываетъ съ Орденомъ, овладѣваетъ нѣмецкими крѣпостями Юрбургомъ, Маріенвердеромъ и уходитъ въ Литву къ Ягайло. Причина такой быстрой перемѣны въ отношеніяхъ Витовта, Ягайло, и Ордена заключалась въ томъ новомъ направленіи, которое приняла политика Ягайло къ сосѣдней Польшѣ. Это новое направленіе привело къ событію, имѣвшему громадное политическое значеніе и рѣшительно измѣнившему намѣчавшійся историческій ходъ развитія Литовскаго государства.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ

(ПОДГОТОВКА РЕАЛЬНОЙ УНІИ)

(Съ 1386 по 1569 г.)

Глава X.

Положеніе Польши къ 1386 г.—Бракъ Ядвиги съ Ягайло.—I Люблинская унія.—Послѣдствія этой уніи.—Крещеніе Литвы.—Борьба съ Витовтомъ.

Къ концу XIV столѣтія внутреннее состояніе Польши представляется въ слѣдующемъ видѣ. Власть польскаго короля, ограниченная шляхтой, была сведена къ нулю; шляхта, составлявшая многочисленное и могучее сословіе, фактически управляло страной при посредствѣ своихъ представительныхъ учрежденій (сейма и семиковъ) и такимъ образомъ интересы его отождествлялись съ интересами всего государства. Въ то же самое время положеніе крестьянства, лишеннаго всякихъ гражданскихъ правъ и находившагося въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, было чрезвычайно тяжелымъ и можетъ быть опредѣленно какъ состояніе полнѣйшаго рабства. Финансы королевства, вынужденнаго вести частыя войны, главнымъ образомъ съ нападавшими на него тевтонами, истощены были до крайности, а налоговое бремя, неравномѣрно распредѣленное между населеніемъ, не могло быть болѣе увеличено. Такого было положеніе Польши, когда послѣ смерти Людовика Венгерскаго въ ней вспыхнула междоусобная война за королевскій престолъ. Наконецъ, въ 1384 г. поляки, отстранивъ прочихъ претендентовъ, пригласили на польскій престолъ младшую дочь умершаго Людовика Венгерскаго, 14-ти лѣтняюю Ядвигу и вступили съ Ягайло въ переговоры относительно брака его съ ней въ цѣляхъ соединенія Литвы съ Польшей. Политическій расчетъ заключался съ одной стороны въ пріобрѣтеніи надежнаго союзника для успѣшной защиты Польскаго государства отъ тевтоновъ и въ возвращеніи Балтійскаго поморья, а съ другой-польская шляхта надѣялась, что Ягайло, обязанный ей своимъ избраніемъ, укрѣпитъ и еще болѣе расширитъ шляхетскія вольности и привилегіи и дастъ возможность распространить польское вліяніе черезъ Литву на западную Русь, Волынь, Подолію и Украину. На сторонѣ Ягайло было и высшее польское духовенство, которое съ обращеніемъ его въ католичество надѣялось обратить въ эту вѣру и все населеніе Литвы. Съ своей стороны Ягайло полагалъ, ставъ королемъ и принявъ католичество со

всѣмъ своимъ народомъ, найти въ Польшѣ и въ папѣ поддержку противъ опаснаго Тевтонскаго Ордена и закрѣпить за собою великокняжескій литовскій престолъ, сильно поколебленный борьбой съ Витовтомъ. Надеждой на занятіе польскаго престола и объясняется желаніе Ягайло возможно скорѣе помириться съ Витовтомъ, чтобы изъ опаснаго непріятеля сдѣлать его союзникомъ и надежнымъ защитникомъ отъ Ордена.

Переговоры о бракѣ Ягайло съ Ядвигой и о соединеніи Литвы съ Польшей начались сейчасъ-же послѣ заключенія мира съ Витовтомъ въ 1384 году. 12 февраля Ягайло въѣхалъ въ Краковъ, гдѣ послѣ крещенія его по католическому обряду совершено было бракосочетаніе его съ Ядвигой, а 4 марта онъ торжественно корновался польскою короной подъ именемъ Владислава II, предварительно подписавъ въ Люблинѣ выработанную на Волковыскомъ съѣздѣ представителей польской шляхты и литовско-русскихъ чиновъ личную унію Литвы съ Польшей на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Ягайло, вступая въ бракъ съ Ядвигой, провозглашается единымъ государемъ Польши и Литвы; 2) Ягайло и его подданные, за исключеніемъ жмудиновъ и русскихъ, принимаютъ католичество; 3) дипломатическія сношенія съ иностранными державами въ дѣлахъ, касающихся обоихъ государствъ, ведутся сообща; 4) заключается польско-литовскій оборонительно-наступательный союзъ; 5) во внутреннемъ управленіи оба государства остаются совершенно самостоятельными: каждое изъ нихъ сохраняетъ своихъ особыхъ должностныхъ лицъ, особые финансы и особое войско. Кромѣ того, Ягайло клятвенно обязался не нарушать условныхъ статей (Pacta Conventa), данныхъ польскому дворянству прежними королями. Въ дополненіе къ этому польскіе паны потребовали отъ него подписанія слѣдуюшихъ обязательствъ, спеціально относившихся къ Польшѣ и ставившихъ Ягайло въ совершенную зависимость отъ польской шляхты. Въ силу этого Ягайло обязывался: а) раздавать почести и должности во всѣхъ областяхъ Польши только мѣстнымъ помѣщикамъ и лишь по приговору шляхты, б) вознаградить польскую шляхту за всѣ издержки, понесенныя ею во время послѣднихъ заграничныхъ походовъ и заплатить убытки, причиненные внутреннею войной, в) возвратить изъ Литвы всѣхъ плѣнныхъ поляковъ, г) ограничиться податью въ размѣрѣ двухъ грошей съ каждаго осѣдлаго лана, д) навсегда упразднить королевскія должности, т. н. „оправцевъ“, имѣвшихъ въ дѣлахъ уголовныхъ судебную власть. Къ числу обязательствъ, данныхъ Ягайло лично отъ себя, относятся слѣдующія: уплата бывшему жениху Ядвиги, Вильгельму 200 тысячъ червонцевъ за отказъ его вступить съ нею въ бракъ и перемѣщеніе изъ Вильно въ Польшу всѣхъ сокровищъ своего отца и дѣда.

Значеніе и послѣдствія 1-ой Люблинской уніи слѣдуетъ признать чрезвычайно существенными не только для Литвы, но и для всей восточной Европы. Это было механическое соединеніе двухъ несродныхъ и даже враждебныхъ государствъ, скорѣе дипломатическая интрига, разсчитанная на обоюдныя недоразумѣнія, чѣмъ политическій актъ, основанный на единствѣ взаимныхъ интересовъ. Будучи вызвано чисто случайными для Литовскаго государства причинами, это соединеніе въ 1386 г. рѣшительно не было подготовлено, а потому и отразилось гибельно на Литвѣ. Однако Польшѣ оно оказало несомнѣнную услугу, предоставивъ надежный заслонъ отъ вторженія тевтоновъ; а придавъ разрушающемуся польскому государственному организму свѣжія жизненныя силы, оно отсрочило паденіе его еще на четыре столѣтія. Со времени этой уніи русское вліяніе въ литовскомъ княжествѣ начало замѣтно вытѣсняться польскимъ, проникавшимъ туда различными путями. Однимъ изъ нихъ служили сеймы, на которыхъ рѣшались общія дѣла обоихъ союзныхъ государствъ: литовско-русскіе вельможи, встрѣчаясь здѣсь съ польскими панами, знакомились съ ихъ политическими понятіями и съ порядками, господствовавшими въ Польшѣ. Съ другой стороны, польское вліяніе проводилось жалованными граматами великихъ князей литовскихъ, т. н. „привилеями", устанавливавшими въ Литвѣ такой-же порядокъ управленія, такія-же права и отношенія сословій, какія господствовали въ Польшѣ. Проникая этими путями, вліяніе польской культуры, несомнѣнно болѣе сильной и развитой, нежели литовская, глубоко измѣнило какъ устройство управленія, такъ и складъ общества всего в. к. Литовскаго. Вмѣстѣ съ этимъ подъ вліяніемъ Польши измѣнилась въ неблагопріятную сторону и политика Литвы въ отношеніи къ своимъ западно-русскимъ владѣніямъ, выразившаяся въ преслѣдованіи православія и угнетеніи русской народности. Это обстоятельство, обусловившее переходъ нѣкоторыхъ западно-русскихъ земель подъ покровительство московскихъ князей, а также и постоянныя внутреннія тренія съ Польшей, ослабившія наступательное движеніе Литвы на востокъ, благотворно отразились на ростѣ Московскаго государства и значительно облегчили князьямъ московскимъ собираніе западно-русскихъ земель подъ своей властью. Послѣ вступленія на польскій престолъ, Ягайло избралъ мѣстомъ своего постояннаго пребыванія Краковъ, а на Литвѣ въ управленіи удѣлами оставилъ своихъ братьевъ. Столица Литвы, Вильно, не была отдана никому и великаго князя назначено не было [13].

ПРИМѢЧАНІЕ [13]. Распространенное мнѣніе, будто Скиргайло назначенъ былъ великимъ княземъ литовскимъ, основано на недоразумѣніи.

Во исполненіе своего обязательства передъ Польшей, Ягайло въ 1387 году въ сопровожденіи королевы Ядвиги, многихъ епископовъ, князей и магнатовъ польскихъ отправился на Литву для того, чтобы приступить къ крещенію ея по обряду римской церкви. На созванномъ имъ съ этой цѣлью сеймѣ въ Вильно постановлено было крестить всѣхъ природныхъ литовцевъ обоего пола и всякаго званія, за исключеніемъ жмудиновъ; русскихъ же, а также и тѣхъ литовцевъ, которые приняли уже православіе, рѣшено было не принуждать къ перемѣнѣ религіи [14]. Вмѣстѣ съ тѣмъ для большаго поощренія литовскихъ бояръ къ переходу въ католицизмъ въ томъ же году изданъ былъ привилей, по которому всѣмъ литовскимъ боярамъ, принявшимъ католичество, предоставлялось: 1) право неограниченнаго распоряженія своимъ имуществомъ и выдачи дочерей замужъ по своему собственному усмотрѣнію, 2) освобожденіе отъ всѣхъ почти личныхъ повинностей 3) право на скорѣйшее отправленіе правосудія. Горожанамъ обѣщано было, въ случаѣ принятія католичества, введеніе „нѣмецкаго" или т. н. „магдебургскаго права", [15] а простой народъ привлекался раздачей новокрещенымъ бѣлой суконной одежды. Впрочемъ, несмотря на всѣ старанія Ягайло и духовенства католическая пропаганда не дала ожидавшихся результатовъ: въ это время крещено было всего около 30.000 литовцевъ.

Вскорѣ однако обнаружилось на Литвѣ сильное неудовольствіе поляками и Ягайло. Этимъ неудовольствіемъ воспользовался сынъ Кейстута, Витовтъ, который, привлекши на свою сторону жмудиновъ и вступивъ въ сношенія съ Орденомъ, предпринялъ рядъ походовъ на соб. Литву противъ Ягайло. Въ 1391 г. послѣдній увидѣлъ себя вынужденнымъ признать Витовта независимымъ великимъ княземъ литовскимъ и 4-го августа того-же года заключилъ съ нимъ торжественное условіе въ Вильно, обязавъ его только оказывать Польшѣ, въ случаѣ нужды, военную помощь.

ПРИМѢЧАНІЕ [14]. Это послѣднее постановленіе исполнено не было: есть извѣстіе, что нѣкоторыхъ своихъ вельможъ, не желавшихъ измѣнить православію Ягайло предалъ казни.

ПРИМѢЧАНІЕ [15]. Магдебургское право заключалось въ томъ, что жители городовъ „мѣщане" („мѣсто"-городъ) въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ подчинены были юрисдикціи избраннаго ими суда въ составѣ войта и 12 лавниковъ.

Глава XI.

Витовтъ.—Попытки его къ уничтоженію на Литвѣ удѣльной системы. Присоединеніе Смоленска.—Вопросъ о Подоліи.—Салинскій миръ съ рыцарями.—Походы противъ татаръ.—Пораженіе при р. Ворсклѣ и ея послѣдствія.—Виленскій договоръ 1401 г.—Отношенія къ Москвѣ и къ Ордену.—Грюнвальдская битва и ея значеніе для Литвы.—Политика Витовта послѣ Грюнвальдской битвы.

Событіе 1392 г. не было для Литвы простою перемѣною князя-оно было началомъ новой и, казалось, многообѣщавшей эпохи въ его исторической жизни. При Витовтѣ литовское государство достигло высшей степени своей силы и внѣшняго блеска и стало однимъ изъ значительныхъ факторовъ восточно-европейской политики. Но уже къ концу его почти сорокалѣтняго правленія обнаружились тѣ внутреннія и внѣшнія противорѣчія, которыя, естественно вытекая изъ положенія, созданнаго уніей 1386 г. съ Польшей, положили начало разложенію могучей литовской державы.

Первыя усилія Витовта, послѣ вступленія его на великокняжескій престолъ, направлены были на уничтоженіе въ Литвѣ удѣльной системы. Воспользовавшись возстаніемъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, недовольныхъ возвышеніемъ Витовта и происшедшими въ связи съ этимъ перемѣнами въ удѣлахъ, онъ вступилъ съ ними въ борьбу, которая окончилась присоединеніемъ Сѣверскаго и Витебскаго удѣловъ, части Волыни и всей Подоліи [16]. Этимъ сдѣланъ былъ важный шагъ къ постепенному уничтоженію на Литвѣ удѣльной системы и объединенію Литовскаго государства подъ единой властью самодержавнаго монарха.

Покончивъ счеты съ нѣкоторыми недовольными князьями и тѣмъ упрочивъ свое положеніе на престолѣ, Витовтъ устремился на востокъ и, воспользовавшись смутами, происходившими въ это время въ Смоленскомъ княжествѣ, окончатально присоединилъ его въ 1395 г. къ Литвѣ и оставилъ тамъ своего намѣстника.

Однако стремленія Витовта къ новымъ пріобрѣтеніямъ повели къ недоразумѣніямъ съ Польшей, поводомъ для которыхъ послужилъ вопросъ о Подоліи, управлявшейся литовскими чиновниками и подчиненной Витовту. Въ концѣ концовъ споръ этотъ въ 1395 г. былъ на время улаженъ передачей значительной части Подоліи въ управленіе польскому магнату Спытко Мельштинскому съ уравненіемъ его въ правахъ съ литовскими удѣльными князьями и подчиненіемъ Витовту [17].

ПРИМѢЧАНІЕ [16]. Кіевское княженіе перешло въ руки Витовта нѣсколько позднѣе, послѣ смерти княжившаго тамъ Скиргайло.

ПРИМѢЧАНІЕ [17]. Кромѣ того Витовтъ вѣроятно получилъ и денежное вознагражденіе.

Въ слѣдующемъ 1396 г. Витовтъ началъ усиленныя приготовленія къ борьбѣ съ тевтонами, продолжавшими свои набѣги на Литву. Однако въ это самое время на берегахъ Волги, въ Золотой Ордѣ, совершилось событіе, заставившее его не только прекратить вооруженія противъ крестоносцевъ, но даже заключить съ нимъ миръ. Событіе это—переворотъ въ Золотой Ордѣ и изгнаніе Тамерланомъ хана Тохтамыша, бѣжавшаго на Литву къ Витовту съ просьбой о помощи—дали новое направленіе политической дѣятельности литовскаго князя. Витовтъ заключилъ съ Тохтамышемъ союзъ, по которому обѣщалъ ему вооруженное содѣйствіе для возведенія его на престолъ Сарайской Орды и въ свою очередь получалъ отъ него помощь въ борьбѣ своей съ Москвой. Предполагая начать борьбу съ татарами, Витовтъ долженъ былъ обезпечить себя съ тыла, а потому рѣшилъ заключить съ рыцарями миръ, подтвержденный 12-го апрѣля 1398 года при свиданіи его съ магистрами Тевтонскаго и Ливонскаго Орденовъ на о. Салинѣ (на р. Дубиссѣ). Условія этого соглашенія были слѣдующія: Витовтъ 1) содѣйствуетъ распространенію католичества на Литвѣ, 2) уступаетъ Ордену Жмудь, 3) оказывать Ордену военную помощь въ цѣляхъ покоренія Пскова, 4) Витовтъ и Орденъ взаимно обязуются не пропускать черезъ свои владѣнія въ Пруссію и Литву иностраннаго войска, хотя бы и христіанскаго [18]. Въ свою очередь рыцари принимали на себя обязательства: 1) отпустить на свободу брата Витовта, Сигизмунда, находившагося у нихъ съ 1391 г. въ качествѣ заложника и 2) содѣйствовать Витовту въ покореніи В. Новгорода.

По заключеніи союза съ Орденами, Витовтъ въ 1398 г. добился признанія Новгородомъ Великимъ своей зависимости отъ Литвы, а затѣмъ предпринялъ рядъ набѣговъ на области Золотой Орды. Первый походъ его лѣтомъ 1398 г., закончившійся разореніемъ нѣсколькихъ татарскихъ улусовъ, постройкой крѣпости Ивановской на нижнемъ теченіи Днѣпра и захватомъ огромнаго количества плѣнныхъ татаръ, былъ удаченъ. Однако второй походъ его на Золотую Орду въ 1399 году, въ которомъ наряду съ дружинами литовскихъ и русскихъ князей приняли участіе многіе польскіе паны со своими отрядами, татарское ополченіе подъ предводительствомъ Тохтамыша а также и нѣсколько сотъ орденскихъ рыцарей, окончился жестокимъ пораженіемъ соединеннаго войска при рѣкѣ Ворсклѣ 12 августа 1399 года. [19] Опус-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [18]. Эта статья очевидно была направлена противъ поляковъ, т. к. судя по географическому положенію Польши, Литвы и Пруссіи, только польскія войска могли-бы проходить черезъ Литву во владѣнія Ордена.

ПРИМѢЧАНІЕ [19]. Общее количество Витовтова войска опредѣляется въ 70.000 чѣловѣкъ.

тошивъ окрестныя страны, татары подъ предводительствомъ хана Эдигея вторглись въ Кіевъ и дошли даже до самаго Луцка, но ограничились, впрочемъ, однимъ только разореніемъ страны и скоро вернулись въ свои степи. Пораженіе это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія, т. к. сосѣди, пользуясь истощеніемъ силъ Литвы, начали противъ нея враждебныя дѣйствія: въ Новгородѣ Великомъ московская партія одержала верхъ надъ литовской, Смоленское княжество временно отдѣлилось отъ Литвы, а рыцари подъ угрозой войны предъявили требованіе о выполненіи Витовтомъ Салинскаго договора. Эти обстоятельства ставили Литву въ тяжелое положеніе и принудили Витовта, отложивъ на время свои планы объ образованіи самостоятельнаго Литовско-Русскаго государства, искать поддержки у Польши.

По этому поводу въ январѣ 1401 года состоялся въ Вильно съѣздъ литовскихъ князей и бояръ совмѣстно съ представителями польской шляхты [20]. На Виленскомъ съѣздѣ были выработаны и оформлены особымъ актомъ условія, которыя подтверждали политическую унію Литвы съ Польшей и по которымъ: 1) Витовтъ, а также и всѣ литовскіе князья, бояре и прелаты обѣщали сохранять вѣрность и покорность Польшѣ; 2) Витовтъ получалъ Литву въ пожизненное владѣніе; 3) польскій король и его преемники признаны были, на случай смерти Витовта, законными наслѣдниками литовскаго престола; въ случаѣ же смерти Ягайло, поляки не должны были избрать новаго короля безъ предварительнаго соглашенія съ Витовтомъ и литовцами. Такимъ образомъ актъ 1401 года, вызванный временнымъ ослабленіемъ в. к. Литовскаго былъ первымъ формальнымъ актомъ, которымъ подтверждалась и узаконялась политическая унія Литвы съ Польшей и впервые устанавливался законъ наслѣдованія великокняжескаго достоинства въ Литовскомъ государствѣ.

Благодаря этой уніи, при поддержки со стороны Польши, Витовтъ возобновилъ свое наступательное движеніе на сѣверную и восточную Русь: въ 1405 году онъ снова завладѣлъ Смоленскимъ княжествомъ, которое съ этого времени болѣе 200 лѣтъ находится уже подъ властью Литвы и, вторгнувшись въ Псковъ, подвергъ его опустошенію. Эти посягательства на русскія земли вовлекли Витовта въ новыя войны съ великимъ княземъ московскимъ, закончившіяся въ

ПРИМѢЧАНІЕ [20]. Православные бояре Литовской Руси въ этомъ съѣздѣ участія не принимали, по крайней мѣрѣ подъ актомъ 1401 года ихъ подписей не имѣется.

1408 году миромъ на рѣкѣ Угрѣ [21], не лишавшемъ, правда, Витовта завоеваннаго имъ Смоленска, но принудившаго его совершенно отказаться отъ вмѣшательства въ дѣлѣ Новгорода и Пскова.

Особенно тяжкій ударъ польско-литовская унія нанесла ближайшему сосѣду этихъ государствъ, исконному врагу Литвы и Польши—Тевтонскому Ордену. Воспользовавшись возстаніемъ Жмуди, отданной Витовтомъ во время своей борьбы съ Ягайло тевтонамъ, возстаніемъ, которое вызвано было жестокимъ правленіемъ Ордена, а также и недоразумѣніями между Орденомъ и Польшей по поводу Бранденбургскаго Маркграфства, Витовтъ въ тѣсномъ союзѣ съ Ягайло во главѣ статысячнаго войска, состоявшаго изъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ полковъ а также и татарской конницы, въ іюнѣ 1410 г. вторгся въ предѣлы Пруссіи съ цѣлью соединенными силами нанести ударъ въ самое сердце орденскихъ владѣній. 15 іюня произошло кровопролитное сраженіе съ Орденской арміей, предводимой отважнымъ Магистромъ Ордена Ульрихомъ фонъ-Юнгингеномъ, закончившееся полнымъ разгромомъ тевтоновъ, отъ котораго они впослѣдствіи уже не могли болѣе оправиться. [22]. Въ первые дни послѣ этой побѣды казалось, что зданіе созданнаго съ такими трудами Прусско-Нѣмецкаго государства готово рушиться и сдѣлаться добычей побѣдителей. Ягайло, осадивъ столицу Ордена Маріенбургъ, во всѣ стороны разослалъ требованія покорности; города и области Пруссіи начали сдаваться одни за другими; туземное населеніе, ненавидѣвшее своихъ притѣснителей, рыцарей—монаховъ, съ энтузіазмомъ встрѣчало освободителей. Однако скоро сказались съ одной стороны нѣкоторыя ошибки верховнаго предводителя Ягайла, а съ другой, и это было самымъ существеннымъ, недостатокъ единодушія въ соединенныхъ войскахъ. Осада Маріенбурга, храбро защищаемаго комтуромъ фонъ-Плауеномъ затянулась, въ войскахъ открылись болѣзни; на помошь Ордену шли подкрѣпленія изъ Ливоніи и Германіи. А главное не замедлили сказаться противорѣчія интересовъ поляковъ и Витовта, носив-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [21]. Рѣка Угра была самой крайней пограничной чертой, до которой когда либо доходило литовское государство на востокѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ [22]. Битва при Грюнвальдѣ послужила лишь внѣшнимъ толчкомъ, ускорившимъ паденіе Ордена. Истинная же причина этого паденія заключалась въ самой орденской организаціи, уже отжившей свой вѣкъ. Къ этому времени Орденъ пересталъ уже быть распространителемъ христіанства и въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ являлся чисто свѣтскимъ государствомъ. Неподвижная орденская организація, потерявшая свой **raison d'etre**, не могла приспособиться къ новымъ условіямъ и измѣнившимся потребностямъ времени, а потому естественно должна была погибнуть.

шагося съ прежними мечтами о самостоятельности Литвы и опасавшагося слишкомъ большого усиленія польскаго могущества. Витовтъ со своимъ войскомъ первымъ покинулъ Пруссію и, не дожидаясь окончанія борьбы, ушелъ на Литву, предоставивъ Ягайло своимъ собственнымъ силамъ. Война съ Орденомъ тянулась до 1411 года и закончилась миромъ въ Торунѣ (Торнѣ), по которому Орденъ удержалъ за собою всѣ свои владѣнія, кромѣ Жмуди, отошедшей къ Литвѣ и Добрынской земли, отошедшей къ польской коронѣ. Хотя сила Ордена была значительно поколеблена, тѣмъ не менѣе онъ и послѣ Грюнвальдскаго пораженія и Торунскаго мира тревожилъ своими набѣгами литовскія владѣнія; враждебныя дѣйствія продолжались еще 11 лѣтъ и окончательно прекратились только въ 1422 году съ заключеніемъ мира при озерѣ Мелно.

Оцѣнивая значеніе Грюнвальдской битвы слѣдуетъ признать, что матеріальныя выгоды побѣдителей въ сравненіи съ тѣмъ, что могла имъ дать эта побѣда, были не велики. За то моральныя послѣдствія ея были огромны. Грюнвальдское сраженіе было одною изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы цѣлыхъ государствъ. Сила и могущество Ордена были надломлены. Покорители слабыхъ и разъединенныхъ прусскихъ племенъ встрѣтили огромное ополченіе изъ трехъ сосѣднихъ народовъ восточной Европы, передъ которымъ организація и искусство рыцарей оказались недостаточными. Военное братство, существовавшее для борьбы съ язычниками не имѣло болѣе ни средствъ, ни цѣли для этой борьбы—силы его поникли передъ соединенными силами трехъ христіанскихъ народовъ. Съ этого времени Орденъ предоставленъ былъ собственнымъ средствамъ; потерянныя силы не восполнялись болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ концовъ Европы потому, что Орденъ не велъ болѣе войнъ съ невѣрными, а слѣдовательно и существованіе его становилось уже безцѣльнымъ и ненужнымъ.

Такимъ образомъ западный сосѣдъ Литвы сдѣлался ей безопаснымъ, предѣлы ея увеличились возвращеніемъ Жмуди; восточные сосѣди уже прежде получили рѣшительный отпоръ и съ этой стороны также нечего было опасаться. Только южные сосѣди—поляки усилились; обезпечивъ себя отъ угрозы со стороны Прусскаго ордена, всегда готоваго союзника Витовта противъ Польши, поляки больше всѣхъ воспользовались плодами Грюнвальдской побѣды. Правда, что упадокъ Ордена отчасти развязывалъ руки и Витовту, такъ какъ Орденъ былъ почти столько же врагомъ, сколько и другомъ Литвы, но изъ двухъ побѣдителей, Польши и Литвы, первая отъ этой побѣды выиграла гораздо больше потому, что въ случаѣ войны между Литвой и Польшей Орденъ былъ на сторонѣ Литвы: заинтересованные въ раздѣленіе Литвы и Польши, рыцари постоянно поддерживали всѣхъ недовольныхъ поль-

скимъ королемъ. Такимъ образомъ единственными опасными для самостоятельности Литвы сосѣдями оказались поляки. Это понялъ Витовтъ, когда ушелъ со своимъ войскомъ изъ Пруссіи еще до окончанія войны. Съ этого времени начинается поворотъ въ политикѣ Витовта, новое направленіе въ исторіи литовскаго государства. Уничтоженіе удѣловъ, расширеніе и безопасность внѣшнихъ границъ, эти двѣ задачи выполнены Витовтомъ уже въ первую половину его княженія; оставалось исполнить еще одну задачу—уничтожить зависимость отъ Польши и образовать независимое государство. Поэтому въ исторіи Литвы съ 1410 года отношенія къ Польшѣ выступаютъ на первый планъ.

Глава XII.

Городельская унія 1413 г.—Слѣдствія этой уніи.—Отдѣленіе литовской православной церкви отъ московской митрополіи.—Внѣшнее положеніе Литвы.—Крещеніе Жмуди.—Миръ при оз. Мелно 1422 г.—Планы Витовта объ отдѣленіи Литвы отъ Польши.—Луцкій и Виленскій съѣзды.—Внутренняя дѣятельность Витовта.—Развитіе торговли.—Положеніе в. к. Литовскаго къ концу княженія Витовта.

Пользуясь временнымъ истощеніемъ силъ Литвы послѣ борьбы съ Орденомъ и большими потерями, понесенными ею въ Грюнвальдской битвѣ, а также и желаніемъ Витовта обезпечить себя отъ наступательныхъ дѣйствій усиливающейся Москвы, поляки добились въ 1413 г. заключенія новой уніи. На съѣздѣ литовскихъ бояръ и польскихъ вельможъ, собравшихся въ г. Городло (на берегу З. Буга), при участіи Ягайло и Витовта, 2-го октября 1413 г. состоялось подписаніе торжественнаго акта уніи Литвы съ Польшей. Условія этой уніи, несомнѣнно болѣе благопріятныя для Литвы, нежели условія Виленской уніи 1401 г., заключались въ слѣдующемъ: 1) въ случаѣ бездѣтной смерти Ягайло или Витовта преемникъ ему избирается литовцами—католиками совмѣстно съ представителями Польши; 2) литовскимъ дворянамъ католическаго вѣроисповѣданія предоставляются права и вольности польской шляхты, а также польскіе гербы [23]; 3) на Литвѣ учреждаются сеймъ и должности по образцу польскихъ; 4) для рѣшенія вопросовъ, касающихся общихъ интересовъ обоихъ государствъ созываются общіе сеймы. [24]

ПРИМѢЧАНІЕ [23]. Для этого знатные литовскіе роды пріобщены были къ польскимъ фамиліямъ, имѣвшимъ свои знаки или гербы по образцу зап.-европейскаго рыцарства.

ПРИМѢЧАНІЕ [24]. Польско-Литовскіе сеймы не привились къ жизни и изрѣдка собирались лишь до тѣхъ поръ, пока соблюдалась эта унія.

Таковы главныя статьи Городельскаго акта, въ силу котораго отмѣнялись наслѣдственныя права польскаго короля на литовскій престолъ, установленныя Виленскимъ договоромъ 1401 г. и обѣ стороны какъ-бы, уравновѣшивались установленіемъ совмѣстнаго права избиранія наслѣдника. Приравненіемъ литовскихъ бояръ къ польской шляхтѣ, учрежденіемъ на Литвѣ должностей по образу польскихъ и введеніемъ духовно-шляхтскихъ сеймовъ [25] сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ по пути къ усиленію польско-шляхтскаго вліянія на литовскую государственность, выразившееся въ ослабленіи власти великаго князя Литовскаго, до этого времени почти неограниченной. Особое значеніе получила Городельская унія въ смыслѣ установленія польско-католическаго вліянія, т. к. только литовцы-католики уравнивались въ правахъ съ польской шляхтой.

По отношеніи къ своимъ русскимъ областямъ Витовтъ, постоянно стремясь къ образованію независимаго литовскаго государства, энергично проводилъ политику противодѣйствія ихъ церковному подчиненію Москвѣ, тѣмъ болѣе, что митрополичьи доходы, собираемые съ Литовской Руси, шли на усиленіе и обогащеніе соперника. Съ этой цѣлью онъ хлопоталъ въ Константинополѣ объ учрежденіи на Литвѣ отдѣльной митрополіи съ назначеніемъ особаго митрополита и носился даже съ планомъ соединенія православной церкви съ католической подъ главенствомъ папы, однако въ этихъ своихъ начинаніяхъ успѣха не имѣлъ.

Къ двадцатымъ годамъ XV столѣтія в. к. Литовское достигло вершины своего могущества и славы—вліяніе его простиралось далеко за государственныя границы на сѣверную и восточную Русь; великій князь московскій въ своемъ завѣщаніи поручалъ своего юнаго сына защитѣ и опекѣ Витовта; послѣ смерти Василія Дмитріевича, рязанскій и тверской князья попали въ нѣкоторую зависимость отъ Витовта. Въ то же время Новгородъ и Псковъ испытали на себѣ тяжесть его оружія и деньгами покупали у Витовта миръ; крымскіе и черноморскіе татары оказывали ему почести и съ уваженіемъ произносили его имя.

Желая съ одной стороны окончательно уничтожить предлогъ для вмѣшательства въ литовскія дѣла рыцарей, обвинявшихъ литовскаго князя въ поддержаніи язычества на Жмуди, а съ другой—ослабить силу жмудскаго сепаратизма, Витовтъ съ помощью Ягайло приступилъ къ

ПРИМѢЧАНІЕ [25]. Въ Польшѣ какъ и въ Литвѣ Сеймъ являлся исключительно сословно—дворянскимъ учрежденіемъ, т. к. состоялъ только изъ представителей дворянства; духовенство участвовало въ сеймахъ не какъ духовное сословіе, а какъ шляхетское.

крещенію ея населенія. На Жмуди, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, сильно развился и окрѣпъ племенной индивидуализмъ, который въ свою очередь поддерживалъ индивидуализмъ политическій. До XV вѣка Жмудь была оплотомъ литовскаго народнаго начала: она охотно повиновалась тѣмъ вел. князьямъ, политика которыхъ носила рѣзко выраженный національный характеръ (напр. Кейстуту), и возставала противъ тѣхъ, которые такъ или иначе измѣняли національной идеѣ (Миндовгъ, Ягайло, Витовтъ). Сами вел. князья Литовскіе не разъ отказывались отъ этой области и отдавали ее нѣмцамъ, что разумѣется, не могло не усиливать отчужденія ея отъ Литвы. Начало тѣсному сближенію Жмуди съ соб. Литвою положилъ Витовтъ крещеніемъ жмудиновъ въ 1413 г. Это крещеніе не обошлось безъ кровопролитнаго народнаго возстанія, подавленнаго съ необычайной жестокостью. Объ успокоеніи Жмуди донесено было тогдашнему папѣ Мартину V, буллою 1418 г. усыновившаго ея жителей и приказавшаго Ордену не предпринимать болѣе походовъ на Литву.

Черезъ четыре года послѣ этого, а именно въ 1422 г., Витовтъ заключилъ съ рыцарями миръ при оз. Мелно, по которому Литва съ одной стороны получала выходъ къ морю (Палангенъ), а съ другой — клиномъ врѣзываясь во владѣнія Ливонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей, разъединяла ихъ и такимъ образомъ обезпечивала себя отъ соединенныхъ дѣйствій Орденовъ.

Но самую важную сторону литовской политики въ эпоху правленія Витовта составляли отношенія къ Польшѣ. Витовтъ, привыкшій самовластно распоряжаться въ собственномъ государствѣ, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на дѣйствія польской королевской канцеляріи и на возраставшее значеніе шляхетскихъ сеймовъ, все болѣе и болѣе ограничивавшихъ его власть. Никогда не оставлявшій мысли объ окончательномъ отдѣленіи Литвы отъ Польши и образованіи самостоятельнаго Литовскаго государства, Витовтъ тяготился своими вассальными отношеніями къ польской коронѣ и не предвидѣлъ отъ уніи ничего для Литвы хорошаго, тѣмъ болѣе, что княжество литовское, какъ государство болѣе слабое въ культурномъ отношеніи, должно было, очевидно, занять въ ней положеніе не только второстепенное, но и подчиненное.

Тевтонскіе магистры и германскій императоръ Сигизмундъ, для которыхъ соединеніе Литвы съ Польшей было крайне нежелательно, т. к. давало бы объединенному государству значительный перевѣсъ, старались использовать польско-литовскія недоразумѣнія и всячески помѣшать уніи. Сигизмундъ имѣлъ при этомъ еще особый интересъ: онъ хотѣлъ отвлечь Витовта отъ союза со своими мятежными чешскими

подданными, гусситами, тоторые получали поддержку изъ Литовской Руси и даже предлагали Витовту чешскую корону. Въ свою очередь Сигизмундъ дѣятельно началъ поощрять Витовта къ тому, чтобы упрочить за Литвою полную политическую самостоятельность и какъ на одно изъ средствъ указалъ на пріобрѣтеніе имъ титула короля Литовскаго. Витовтъ съ жаромъ ухватился за мысль о королевскомъ вѣнцѣ и съ этой цѣлью созвалъ въ 1429 г. въ г. Луцкѣ съѣздъ, на который, кромѣ польскаго короля Ягайло, московскаго князя Василія, митрополита Фотія, епископа краковскаго Збигнева Олесницкаго, хана Перекопской Орды, Тевтонскаго и Ливонскаго магистровъ, прибылъ также германскій императоръ Сигизмундъ. Однако съѣздъ этотъ не привелъ къ желанному результату, т. к. вопросъ о признаніи Витовта королемъ Литовскимъ вызвалъ рѣшительный отпоръ со стороны поляковъ, справедливо усматривавшихъ въ этомъ актѣ важный шагъ къ отдѣленію Литовскаго государства отъ Польши. Такой же неудачей окончилась и слѣдующая попытка на Виленскомъ съѣздѣ 1430 г., а вскорѣ затѣмъ, 27-го октября того же года, Витовтъ скончался въ своемъ трокскомъ замкѣ.

Подводя итоги правленію Витовта слѣдуетъ отмѣтить, что при немъ Литва достигла наибольшаго своего расцвѣта политическаго и экономическаго. Не было ни одной почти отрасли государственнаго управленія, которой не коснулся бы Витовтъ въ стремленіи своемъ реформировать государство сообразно съ духомъ времени. Оставаясь до конца жизни своей вѣрнымъ католикомъ, онъ, желая обезпечить себѣ содѣйствіе русскихъ областей Литовскаго государства, проводитъ принципъ религіозной вѣротерпимости и, по мѣрѣ возможности, пытается установить въ Литвѣ равноправіе православной и католической церквей. Стремясь къ упроченію своего положенія какъ неограниченнаго правителя и встрѣчая въ этомъ противодѣйствіе со стороны литовской знати и бояръ, онъ, введеніемъ въ городахъ магдебургскаго права и предоставленіемъ разныхъ преимуществъ „земянамъ господарскимъ“, ищетъ опоры въ сословіяхъ горожанъ и мелкихъ земельныхъ владѣльцевъ.

Хорошо сознавая значеніе торговли, Витовтъ, пользуясь выгоднымъ географическимъ положеніемъ Литвы на рубежѣ западной и восточной Европы, принималъ всѣ мѣры къ развитію торговли. Литва и Западная Русь издавна славилась воими торговыми сношеніями съ чужими народами. Кіевъ, Полоцкъ и др. города были торговыми посредниками между Балтійскимъ, Каспійскомъ и Чернымъ морями. При Витовтѣ торговля получила особенное развитіе. Черезъ Литву и изъ Литвы направлялись товары къ Балтійскимъ портамъ: жмудскій янтарь, цѣнившійся наравнѣ съ драгоцѣнными камнями, лѣсъ,

разныя рыбы уже съ давныхъ временъ обращали на себя вниманіе купцовъ; видную роль играла торговля мѣхами: у литовцевъ были зубры, туры, медвѣди, олени, бобры, лисицы. Ленъ, пенька, льняное сѣмя, медъ и воскъ въ большихъ количествахъ уходили въ другія страны. Витовтъ пользовался всякимъ перемиріемъ съ Орденомъ, всякимъ договоромъ съ Новгородомъ и Псковомъ, чтобы расширить кругъ торговыхъ оборотовъ и выговорить для Литвы извѣстныя коммерческія выгоды. Литовскія суда постоянно наполняли Нѣманъ и сплавляли соленое мясо, лѣсъ, шкуры и другое сырье. Особенное значеніе по своимъ оборотамъ имѣли для Литвы торговыя сношенія съ нѣмцами, которыя, однако, нарушались частыми войнами съ Орденомъ. Послѣ сближенія съ Польшей, Литва ищетъ торговыхъ путей съ нею для полученія необходимыхъ къ борьбѣ съ рыцарями предметовъ (оружіе, хлѣбъ) и такимъ образомъ мѣсто Кенигсберга и Данцига занимаютъ Варшава и Краковъ. Однако торговля съ Польшей не могла вполнѣ замѣнить сношеній съ нѣмцами въ виду того, что Польша съ одной стороны не имѣла всѣхъ необходимыхъ для Литвы товаровъ, а съ другой—не могла служить достаточнымъ рынкомъ сбыта для литовскаго сырья, т. к. сама вывозила это сырье. Вслѣдствіе этого Литва, вынужденная искать новыхъ путей для торговли съ нѣмцами и ганзейскими городами (Грейсвальдъ, Штеттинъ), въ обходъ Кенигсбергу и Данцигу, обратилась въ сторону Риги, которая съ этого времени пріобрѣтаетъ для Литвы и ея торговли первостепенное значеніе. Съ востокомъ велась торговля черезъ Каффу (нынѣшняя Ѳеодосія), съ Венгріей—черезъ Польшу. Палангенъ у Балтійскаго моря и Хаджибей (близъ нынѣшней Одессы) были главными литовскими портами, соединявшими водными путями Балтійское и Черное моря. Новгородъ, Псковъ и др. ганзейскіе города состояли въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Литвой. При Витовтѣ впервые установлены были съ фискальными цѣлями ввозныя пошлины на иностранные товары и на днѣпровскомъ островѣ Тавани учреждена была таможня, т. н. „Витовтова баня“. Хорошо понимая значеніе для торговли путей сообщенія, Витовтъ заботился объ ихъ улучшеніи: расчищались непроходимые лѣса, прокладывались новыя дороги, строились мосты и переправы. Различными привиллегіями Витовтъ привлекалъ иностранныхъ купцовъ; т. н. ганзейскимъ купцамъ въ 1388 г. предоставлено было право безпошлиннаго ввоза и вывоза всякихъ товаровъ и открытіе своихъ конторъ на большихъ узловыхъ пунктахъ торговыхъ путей—въ Ковно, Вильно и др. городахъ. Татарамъ и евреямъ, поселившимся въ Литвѣ, онъ даровалъ особыя права и преимущества и тѣмъ немало способствовалъ развитію обмѣна и созданію въ Литвѣ торговаго класса.

Стараясь такимъ образомъ упрочить внутренній порядокъ въ Литовскомъ государствѣ и укрѣпить его экономическое положеніе, Витовтъ успѣшно дѣйствовалъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Съ одной стороны онъ упорно боролся съ Польшей за обособленіе Литвы въ качествѣ самостоятельнаго, независимаго государства, съ другой — съ представителемъ русскаго начала, княземъ Скиргайло, стремившимся занять великокняжескій столъ и доставить господство въ Литвѣ русскому удѣльному строю. Для Москвы, Новгорода и Пскова Витовтъ постоянно былъ грознымъ сосѣдомъ, не разъ дававшимъ чувствовать свою силу; татары видѣли его побѣдителемъ у себя, среди степей, татарскіе ханы искали у него зашиты другъ противъ друга и даже побѣдитель его Эдигей заискивалъ дружбы; прусскіе и ливонскія рыцари склоняются передъ его силой, а германскій императоръ Сигизмундъ выражаетъ ему свое расположеніе и уваженіе. Велико было могущество Витовта, обширны были и его планы: есть указанія на то, что онъ хотѣлъ подчинить себѣ Псковъ, Новгородъ и даже Москву, а нѣкоторые приписываютъ ему намѣреніе овладѣть Польшей и Пруссіей и образовать великое литовско-славянское государство. Со смерти Витовта Литва лишилась несомнѣнно крупнѣйшей фигуры своей исторіи, недюжинаго дипломата и государственнаго дѣятеля. Уничтоживъ удѣльную систему, создавъ хотя и непрочное могущество Литвы и постоянно преслѣдуя свою цѣль—образованіе самостоятельнаго Литовскаго государства, онъ надолго задержалъ окончательное и тѣсное соединеніе в. к. Литовскаго съ Польшей и болѣе чѣмъ на 150 лѣтъ отсрочилъ то событіе, которое произошло въ 1569 г. и привело къ уничтоженію Литвы какъ самостоятельнаго государственнато организма.

Глава XIII.

Свидригайло.—Сигизмундъ.—Унія 1432 г.—Борьба Сигизмунда съ Свидригайло.— Казиміръ.—Положеніе в. к. Литовскаго въ первую половину его правленія.—Избраніе его на польскій престолъ.—Усиленіе Москвы.—Литовско-русскіе сеймы и причины ихъ возникновенія.—Привилеи 1447 г. и 1457 г.—Судебникъ Казиміра Ягеллона 1468 г.—Общая характеристика эпохи правленія Казиміра.

Послѣ смерти Витовта, Ягайло подъ давленіемъ литовско-русской партіи призналъ великимъ княземъ литовскимъ брата своего *Свидригайло (1420—1432 г.).* Вступивъ на престолъ, Свидригайло сразу заявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ отдѣленія отъ Польши, вслѣдствіе чего отношенія между Польшей и Литвой приняли враждебный характеръ, а послѣ нападенія поляковъ на Подолію и Волынь, перешли даже въ военныя дѣйствія. Борьба эта, которую Свидригайло успѣшно велъ въ союзѣ съ Орденомъ, закончилась въ 1431 г. перемиріемъ, по которому обѣ стороны оставались при прежнихъ своихъ

владѣніяхъ. Для заключенія вѣчнаго мира назначенъ былъ въ 1432 г. въ гор. Парчевѣ съѣздъ, на который, однако, Свидригайло не явился. Тогда польскіе паны, не имѣя возможности смирить его открытой силой, возбудили въ Литвѣ враждебные ему элементы: братъ Витовта, Сигизмундъ, опираясь на литовскихъ вельможъ, недовольныхъ тѣмъ покровительствомъ, которое оказывалъ Свидригайло русскому элементу въ Литвѣ, напалъ на Ошмяны, гдѣ находился великій князь и овладѣлъ Литвой. Самъ Свидригайло едва успѣлъ спастись и еще около шести лѣтъ держался въ русскихъ областяхъ в. к. Литовскаго.

По вступленіи своемъ на престолъ *Сигизмундъ* (*1432—1440*) заключилъ въ 1432 г. съ Польшей вѣчный миръ и, вновь возобновивъ польско-литовскую унію, призналъ Литву въ ленной зависимости отъ польской короны. По условіямъ этой уніи 1) великое княжество Литовское послѣ смерти Сигизмунда переходитъ по наслѣдству къ королю польскому и его сыновьямъ Владиславу и Казиміру, 2) Литва отказывается отъ всякихъ притязаній на Подольскую землю и 3) Волынская земля остается въ пожизненномъ владѣніи Сигизмунда, послѣ смерти котораго отходитъ подъ власть Польши. Въ маѣ 1432 г. скончался король Ягайло, преемникомъ котораго на польскій престолъ возведенъ былъ старшій сынъ его, десятилѣтній Владиславъ. Пользуясь малолѣтствомъ короля, коронный совѣтъ, во главѣ котораго стоялъ краковскій епископъ Збигневъ Олесницкій, захватилъ власть въ свои руки. Для того чтобы навсегда обезпечить Польшу отъ возможнаго занятія литовскаго престола Свидригайло, коронный совѣтъ побудилъ Сигизмунда, предоставивъ ему значительную поддержку деньгами и войскомъ, возобновить борьбу съ Свидригайло. Борьба эта привела къ битвѣ на р. Святой, около Вилкомира и къ совершенному пораженію Свидригайло, который бѣжалъ на югъ и провозгласилъ себя княземъ Кіевской, Волынской и Подольской областей. Утвердившись на великокняжескомъ престолѣ Литовскаго государства, Сигизмундъ подчиненіемъ польскому вліянію и жестокимъ преслѣдованіемъ сторонниковъ Свидригайло, возбудилъ противъ себя неудовольствіе высшей литовской знати и въ 1440 г. палъ жертвою заговора, во главѣ котораго стали братья князья Чарторыйскіе, виленскій воевода Довгирдъ и трокскій —Лелюшъ.

Смерть Сигизмунда вызвала волненіе на Литвѣ. Свидригайло, немедленно провозглашенный заговорщиками великимъ княземъ Литовскимъ по пути въ Вильно задержался у Луцка, а къ этому времени сила и значеніе перешли къ противной партіи, во главѣ которой стоялъ ольшанскій князь Юрій, созвавшій съѣздъ знатнѣйшихъ князей и бо-

яръ Литовскаго государства для выбора великаго князя. Голоса раздѣлились: одни хотѣли Михаила, сына Сигизмунда, другіе—Владислава, короля польскаго, третьи—Свидригайло. Послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ рѣшено было пригласить на литовскій престолъ сына Ягайло, Владислава. Но Владиславъ, избранный въ то же самое время королемъ венгерскимъ, для упроченія за собой этого престола долженъ былъ спѣшить въ Венгрію и потому, чтобы не потерять окончательно Литвы, послалъ туда въ качествѣ намѣстника брата своего, 14-ти лѣтняго Казиміра. Однако по прибытіи послѣдняго въ Вильно, литовскіе князья и бояре, усматривая въ назначеніи Казиміра намѣстникомъ польскаго короля опасность для самостоятельности Литвы, потребовали принятія имъ титула великаго князя литовскаго а также и присяги его въ томъ, что Волынь, Подолія и Кіевское княжество не будутъ имъ уступлены Польшѣ. Казиміръ принялъ условія и въ 1440 вѣнчанъ былъ короною Гедимина на великокняжескій литовскій престолъ.

Княженіе *Казиміра* (*1440—1492 г.*) въ первое время не отличалось спокойствіемъ и тишиной. Съ одной стороны поляки носились съ планами о раздѣленіи Литвы между четырьмя князьями—претендентами на литовскій престолъ, чтобы раздробленіемъ литовскаго государства на части обезсилить его и облегчить присоединеніе къ Польшѣ. Съ другой стороны жмудины, избравъ себѣ отдѣльнаго князя въ лицѣ Михаила (Сигизмундовича), обнаружили стремленіе отдѣлиться отъ Литвы; въ то же время произошло возстаніе въ Смоленскѣ. Но Казиміру удалось усмирить это возстаніе а также и парализовать попытку жмудскаго сепаратизма, послѣ чего на Литвѣ наступаетъ нѣкоторое затишье.

Между тѣмъ король польскій Владиславъ въ 1444 г. убитъ былъ въ турецкомъ походѣ подъ Варной и поляки, желая съ одной стороны вознаградить себя за потерю Венгріи, избравшей на престолъ сына чешскаго короля Альбрехта, а съ другой—путемъ личной уніи вновь связать Литву съ Польшей, предложили польскую корону Казиміру. Послѣ долгихъ колебаній, вызванныхъ рѣшительными протестами со стороны литовскаго боярства, не желавшаго уніи, а также и подъ давленіемъ польскихъ угрозъ избрать королемъ мазовецкаго князя Болеслава, тестя Михаила, Казиміръ принялъ предложеніе и въ 1447 г. коронованъ былъ въ Краковѣ польской короной подъ именемъ Казиміра IV. Съ этого времени вниманіе его главнымъ образомъ посвящено было вопросамъ польско-литовскимъ. Поляки на цѣломъ рядѣ сеймовъ энергично требовали возстановленія Городельскаго акта 1413 г. во всей его полнотѣ, соединенія Литвы съ Польшей и присоединенія Волыни

и Подоліи [26]; литовцы мужественно отстаивали независимость великаго княжества и волненія не прерывались въ обоихъ государствахъ. Эта эпоха особенно богата общими польско-литовскими сеймами (Люблинскій, Парчевскій, Серадзскій, Петроковскій), созывавшимися съ цѣлью помирить противоположные интересы и достигнуть полюбовнаго соглашенія. Однако эти сеймы не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и только новая война Польши съ Орденомъ отвлекла на время отъ этихъ внутреннихъ смутъ [27].

Въ то-же самое время обнаружились наступательныя движенія на Литву Василія Темнаго, выразившіяся въ томъ, что великій князь московскій, продолжая собираніе подъ своей властью раздробленной Руси, вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Литовскаго государства пытается поддерживать внутри его смуты. Непріязненныя отношенія начались со времени присоединенія къ Москвѣ Новгорода. Событіе это, само по себѣ нанесшее прямой ущербъ территоріальнымъ интересамъ в. к. Литовскаго, имѣло и другую сторону, еще больше существенную: послѣ покоренія Новгорода, московское княжество значительно усилилось и, придвинувшись къ предѣламъ литовскаго государства, сдѣлалось опаснымъ для него сосѣдомъ. Оно оказалось настолько могущественнымъ, что стало привлекать подъ свою власть сосѣднія территоріи, даже безъ всякаго активнаго воздѣйствія съ своей стороны, обаяніемъ своей силы. Этому способствовали еще и слѣдующія причины. Въ цѣляхъ упроченія династической связы Литвы съ Польшей, польское правительство съ духовенствомъ во главѣ предприняло уси-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [26]. На Люблинскомъ сеймѣ 1448 г. поляки предъявили требованіе о томъ, чтобы Литва вошла въ составъ польскаго королевства на тѣхъ-же условіяхъ, на какихъ вошли земли Краковская, Сандомирская и др., т. е. на основаніи инкорпораціи.

ПРИМѢЧАНІЕ [27]. Въ Пруссіи, вскорѣ послѣ грюнвальдской битвы, началась открытая борьба нѣмецкихъ городовъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ противъ притязаній Ордена, обременявшаго страну податями и налогами и стѣснявшаго городскую торговлю. Еще въ концѣ XIV вѣка свѣтскіе рыцари и большіе торговые города заключили между собой конфедерацію для отстаиванія своихъ правъ. Когда же въ возникшемъ спорѣ римскій папа и германскій императоръ стали на сторону Ордена, то въ 1454 г. конфедерація обратилась къ Казиміру съ просьбой о принятіи ея въ свое подданство. Въ результатѣ этого ходатайства Польша объявила Ордену войну, окончившуюся въ 1460 г. миромъ въ Торнѣ, по которому Орденъ уступилъ Польшѣ Хельминскую и Поморскую земли а также города Маріенбургъ Данцигъ и Эльбингъ; восточная часть Пруссіи со столицею Кенигсбергомъ (Кролевцемъ) осталась за Орденомъ, но признана была въ вассальной зависимости отъ польскаго короля.

ленную пропаганду католицизма среди православной Литовской Руси. Пропаганда эта особеннаго напряженія достигла при Казимірѣ, около половины XV в. и немедленно вызвала сильный отпоръ со стороны православнаго населенія Литвы. Благодаря этому, уже въ концѣ XV в., нѣкоторые православные русскіе и даже литовскіе князья начали отходить отъ Литвы на службу къ великому князю московскому [28]. Въ цѣляхъ противодѣйствія этому наступательному движенію Москвы и привлеченія на сторону Литвы православныхъ русскихъ князей и бояръ, Казиміръ въ 1447 г. издалъ привилей объ уравненіи православныхъ въ правахъ съ католиками и возобновилъ отдѣленіе западной православной церкви отъ московской митрополіи. Впрочемъ, московское правительство не рѣшалось еще вступить въ открытую войну съ Литвой, а потому возбуждало противъ нея крымскихъ татаръ. Агитація эта имѣла успѣхъ и съ 80-хъ годовъ XV в. начались нападенія крымцевъ на южныя окраины великаго княжества: такъ, въ 1482 г. крымскій ханъ Менгли-Гирей овладѣлъ Кіевомъ и увелъ въ плѣнъ множество жителей; въ 1492 г. татары страшно опустошили мѣстности между Кіевомъ и Черниговомъ. Только къ концу 1492 г. начались открытыя враждебныя дѣйствія со стороны Москвы. Московское войско перешло границу в. к. Литовскаго, сожгло города Мценскъ и Любутскъ и временно овладѣло г. г. Хлѣпенемъ и Рогачевомъ. Но особенное развитіе эта наступательная политика Москвы получаетъ уже послѣ смерти Казиміра, послѣдовавшей въ 1492 г. и вступленіи на литовскій престолъ сына его, Александра.

Борьба Литвы съ растущимъ московскимъ государствомъ и татарами захватывала не только литовскія земли, но и большинство русскихъ областей, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. Ему угрожала опасность лишенія всѣхъ своихъ русскихъ владѣній, а русскимъ землямъ предоставлялась перспектива перейти подъ власть московскаго государя. Хотя національныя и религіозныя преданія естественно влекли къ Москвѣ, но примѣръ Новгорода заставлялъ ихъ опасаться за сохраніе тѣхъ правъ и вольностей, которыми они пользовались подъ властью великаго князя Литовскаго. Этотъ общій интересъ борьбы вызвалъ усиленную дѣятельность населенія не толко на полѣ брани но и въ формѣ общихъ литовско-русскихъ сеймовъ, которыми такъ богатъ разсматриваемый періодъ. Необходима была организація народнихъ силъ, требовалось единство рѣшеній по тѣмъ государственнымъ дѣламъ, которыя являлись обязательными условіями успѣшной борьбы. Въ борьбѣ съ Москвой важно было сохранить внутрен-

ПРИМѢЧАНІЕ [28]. При вел. князѣ Казимірѣ перешли на службу къ Московскому государю князья Воротынскіе, Бѣлевскіе, Одоевскіе и др.

нее единство Литовско-Русскаго государства, заключавшееся прежде всего въ избраніи государя съ общаго согласія всѣхъ составныхъ частей великаго княжества. Далѣе, необходимы были высокій подъемъ и напряженіе личныхъ силъ и имущественныхъ средствъ населенія, т. е. усиленіе воинской повинности и податныхъ тягостей. Наконецъ, при недостаточности собственныхъ усилій, Литовско-Русскому государству приходилось вступать въ союзъ съ другими заинтересованными державами, чтобы сообща отбиваться отъ насѣдавшаго врага. До окончательнаго установленія единодержавія въ Литовско-Русскомъ государствѣ, всѣ эти вопросы, поскольку они касались интересовъ той или иной области, рѣшались на мѣстныхъ сеймахъ. Но такой порядокъ, послѣ столкновенія Литвы съ Москвой, не могъ болѣе продолжаться: требуя согласныхъ рѣшеній по всѣмъ указннымъ дѣламъ, онъ вызвалъ къ жизни образованіе общихъ литовско-русскихъ сеймовъ великаго кн. Литовскаго.

Эти сеймы подготовлены были уже привилеемъ Казиміра, изданнымъ въ 1447 г., по которому права и привиллегіи польской шляхты, предоставленныя на Городельскомъ сеймѣ литовскимъ боярамъ католическаго вѣроисповѣданія, распространены были и на православную знать. Привилей 1447 г. вообще имѣлъ важное значеніе въ развитіи соціально-политическаго строя в. к. Литовскаго. По этому привилею вновь подтверждалось уравненіе литовскихъ дворянъ—землевладѣльцевъ съ польскими въ правахъ владѣнія вотчинами и жалованными имѣніями, а также освобожденіе ихъ отъ всѣхъ налоговъ и повинностей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ, имѣвшихъ не столько финансовое, сколько символическое значеніе, какъ знакъ подданства. Крестьяне господскіе изъяты были отъ суда великокняжескихъ урядниковъ и подчинены юрисдикціи своихъ господъ; сверхъ того воспрещенъ переходъ крестьянъ съ земель частныхъ владѣльцевъ на великокняжескія и обратно. Эти постановленія положили начало закрѣпощенію крестьянъ въ Литовскомъ государствѣ по примѣру Польши, гдѣ крѣпостное право установлено было еще въ XIV в. Земскій привилей 1457 г., вновь подтвердившій права и вольности литовскаго дворянства, устанавливалъ въ интересахъ этого сословія цѣлый рядъ новыхъ преимуществъ. Къ числу самыхъ существенныхъ изъ нихъ относятся: 1) отмѣна наказанія по одному доносу или подозрѣнію, безъ суда и безъ рѣшенія, основаннаго на обычаяхъ и правахъ польскихъ, 2) отмѣна круговой поруки: „никто за чужую вину, жена за мужа, мужъ за жену, сынъ за отца, отецъ за сына, слуга за господина, если не былъ соучастникомъ, отвѣчать не будетъ“. Такимъ образомъ литовско-русское дворянство постепенно сравнивалось въ правахъ и вольностяхъ съ польской шляхтой и пріобрѣтало значеніе господствующа-

го сословія въ княжествѣ съ обширной властью надъ крестьянскимъ населеніемъ, жившимъ на его земляхъ и съ вліятельнымъ участіемъ въ законодательствѣ, судѣ и управленіи.

Изданіемъ въ 1468 году т. н. „Судебника Казиміра Ягеллона“ сдѣлана была первая попытка собрать и зафискировать различные литовскіе обычаи и, приведя ихъ въ соствѣтствіе съ распоряженіями, узаконеніями и уставами великихъ князей Литовскихъ, системанизировать въ видѣ сборника для руководства въ дѣлахъ уголовныхъ. Судебникъ этотъ, утвержденный литовскимъ сеймомъ, получилъ общеземское значеніе. Содержаніе—его уголовное право и процесъ; особенное вниманіе посвящено въ немъ воровству, „татьбѣ“ въ разныхъ видахъ[29]. Хотя въ немъ и преобладаетъ еще частно-правовой взглядъ на преступленіе, какъ на ущербъ, причиненный отдѣльной личности, но видны уже признаки возникающаго государственнаго (публично-правоваго) взляда[30]. Наказанія, установленныя Судебникомъ суровы: висѣлица употребляется довольно часто.

Эпоху правленія Казиміра можно характеризировать какъ время усиленія внутреннихъ противорѣчій Литовскаго государства. Сознавая всѣ невыгоды соединенія съ Польшей, Литва, благодаря введенію польскихъ учрежденій и измѣненію всего соціальнаго ея строя въ этомъ направленіи, постепенно подпадала подъ вліяніе Польши и неуклонно шла по пути тѣснаго политическаго сближенія съ ней. Между тѣмъ ростъ Москвы, ставшей уже къ концу XV в. средоточіемъ Руси и усиленныя попытки Польши ввести въ Литовской Руси католицизмъ, вызвали отпаденіе отъ Литвы части русскихъ земель, до того времени находившихся подъ ея властью и подготовили начало тому распаденію Литовскаго государства, которое яснѣе намѣчается уже въ правленіе Александра.

Глава XIV.

Александръ.—Отношенія къ Москвѣ.—Избраніе его на польскій престолъ и Петроковская унія 1501 г. — Перемиріе съ Москвой 1503 г. — Результаты правленія Александра и причины ослабленія в. к. Литовскаго.

Послѣ смерти Казиміра литовско-русскіе князья и бояре, будучи освѣдомлены о томъ, что въ Польшѣ предполагается избраніе старшаго сына Казиміра, Яна Ольбрахта, и желая предупредить новое сое-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [29]. Изъ 26 статей судебника воровству посвящено 19.

ПРИМѢЧАНІЕ [30]. Т. н. воръ ни подъ какимъ видомъ не могъ быть освобожденъ отъ наказанія, къ которому приговоренъ.

диненіе съ Польшей въ личной уніи, поспѣшили провозгласить великимъ княземъ литовскимъ младшаго брата Яна, *Александра (1492—1506)* и такимъ образомъ временно добились обособленія отъ польскаго королевства. Особенную роль въ этомъ избраніи сыграла русская партія съ Михаиломъ Глинскимъ во главѣ, который, благодаря этому искусному политическому шагу а также и своимъ способностямъ и образованію, сразу занялъ при дворѣ Александра видное положеніе и втеченіе всего его правленія оказывалъ на великаго князя значительное вліяніе. Хорошо сознавая грозившую для в. к. Литовскаго со стороны Москвы опасность, заключавшуюся въ привлеченіи на свою сторону русскихъ земель, входившихъ въ составъ княжества, Глинскій всячески старался училить значеніе русской партіи въ литовскомъ государствѣ и проводилъ политику благожелательности къ русскимъ областямъ в. княжества Литовскаго.

Къ этому времени московскій князь Иванъ Васильевичъ III въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ Менгли—Гиреемъ началъ энергичное наступательное движеніе на Литву и въ 1493 г. присоединилъ къ Москвѣ литовскіе города: Мценскъ, Любутскъ, Хлепень, Рогачевъ и др. Не имѣя возможности открытой силой противостоять натиску Москвы, литовско-русскіе чины, въ цѣляхъ обезпеченія Литвы отъ дальнѣйшихъ захватовъ со стороны Ивана III, устроили бракъ Александра съ дочерью его Еленой. Соглашаясь на это, Иванъ полагалъ посредствомъ Елены и ея будущаго потомства пріобрѣсти вліяніе на литовское государство и тѣмъ подготовить для своихъ преемниковъ вѣрный путь къ пріобщенію подъ свою власть русскихъ областей в. к. Литовскаго. Впослѣдствіи однако, когда выяснилась несостоятельность расчетовъ Ивана III на вліяніе Елены, эти родственныя связи не помѣшали дальнѣйшимъ наступательнымъ его дѣйствіямъ на Литву, приведшимъ къ битвѣ при р. Ведрошѣ (у Дорогобужа) и присоединенію къ Москвѣ нѣсколькихъ смоленскихъ и чернигово-сѣверскихъ удѣловъ.

Въ это время въ Торнѣ скончался польскій король Янъ Ольбрахтъ и Александръ, тѣснимый Москвой и видя въ новой польско-литовской уніи единственную возможность увеличить свои силы для борьбы съ ней, рѣшился искать польскаго престола. Его домогательства увѣнчались успѣхомъ и въ 1501 г. онъ избранъ былъ на Петроковскомъ съѣздѣ королемъ польскимъ, подтвердивъ актомъ 1501 г. политическую унію Литвы съ Польшей. По условіямъ это уніи 1) Литва и Польша на вѣчныя времена вновь соединяются въ лицѣ общаго государя, 2) избраніе этого государя происходитъ на общемъ сеймѣ, 3) литовское дворянство католическаго вѣроисповѣданія уравнивается въ правахъ

съ польскимъ, 4) для обоихъ государствъ издаются общіе законы и уставы, за исключеніемъ судебныхъ [31].

Унія 1501 г. дала Александру возможность соединенными силами Литвы и Польши задержать дальнѣйшее продвиженіе московскаго князя на Литовскую Русь и заключить съ нимъ перемиріе, по которому Александръ, хотя и долженъ былъ уступить Москвѣ большую часть Смоленскихъ и Чернигово-сѣверскихъ удѣловъ съ г. г. Черниговомъ, Стародубомъ, Путивлемъ, Рыльскомъ, Новгородъ-Сѣверскимъ, Мосальскомъ, Бѣлымъ, Гомелемъ, Любечемъ, Почепомъ, Брянскомъ, Мценскомъ, Серпейскомъ и Торопцомъ, но за то удержалъ за собой Смоленскъ и Кіевъ. Однако отношенія съ Иваномъ III послѣ этого перемирія не на много улучшились, т. к. ясно было, что Москва не оставитъ своихъ агрессивныхъ плановъ по отношенію къ Литовской Руси и только собирается съ силами, чтобы начать новую борьбу.

Въ общемъ итогѣ, правленіе Александра слѣдуетъ признать чрезвычайно для Литвы неудачнымъ. Ни при одномъ изъ литовскихъ государей великому княжеству не нанесенъ былъ такой значительный территоріальный ущербъ, какъ при Александрѣ. Но не въ личности этого правителя надо искать причинъ этихъ потерь; онѣ лежатъ гораздо глубже. Столкновеніе Московскаго и Литовскаго государствъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка не было эпизодическомъ фактомъ—оно имѣло значеніе глубокое, а не случайное и переходящее. Это было начало борьбы не на жизнь, а на смерть. Борьба эта, конечная цѣль которой опредѣлилась вполнѣ ясно уже въ самомъ ея началѣ, продолжалась нѣсколько вѣковъ и кончилась присоединеніемъ западно-русскихъ княжествъ подъ власть Москвы. Не подлежитъ сомнѣнію, что польско-литовскія уніи оказали громадное вліяніе на результаты этой борьбы. Въ то время какъ соціально-политическій строй литовскаго государства, благодаря соединенію съ Польшей, все больше и больше проникался элементами анархіи, безпорядка и религіозной нетерпимости, въ московскомъ государствѣ утверждались, благодаря твердой центральной власти, единство, порядокъ, внутренняя сила и крѣпость, пользуясь которыми московскіе князья, начиная уже съ Василія Темнаго, наступаютъ на Литву, наносятъ ей тяжкіе удары и, отрывая одну область за другой, успѣшно продолжаютъ дѣло собиранія Литовск. Руси подъ своей властью.

ПРИМѢЧАНІЕ [31]. Нѣкоторые польскіе юристы относятъ окончательное соединеніе Литвы съ Польшей ко времени этой уніи, т. е. къ 1501 г., называя это государство—„Рѣчью Посполитой“ (республикой); однако названіе это не было еще оффиціально признано сеймомъ; оно признано было и вошло во всеобщее употребленіе только послѣ 2-ой Люблинской уніи 1569 г.

Глава XV.

Сигизмундъ I.—Михаилъ Глинскій и попытка зап. Руси отдѣлиться отъ Литвы.—Причина ея неудачи. — Война съ Москвой. — Борьба Сигизмунда съ шляхтой.—Борьба рядового шляхетства съ магнатами.—Литовскій Статутъ.

Преемникомъ Александра на литовскомъ престолѣ избранъ былъ литовско-русскими боярами съ Михаиломъ Глинскимъ во главѣ, безъ предварительнаго соглашенія съ Польшей, младшій сынъ Казиміра, *Сигизмундъ (1506—1548)*. Такая поспѣшность объясняется желаніемъ литовско-русскихъ вельможъ еще разъ сдѣлать попытку разорвать политическую унію съ Польшей. Но поляки, хорошо оцѣнивая значеніе этого шага, поспѣшили парализовать эту попытку и черезъ нѣсколько дней послѣ провозглашенія Сигизмунда в. княземъ литовскимъ, избрали его на Петроковскомъ сеймѣ королемъ Польши. Къ этому времени относится предложеніе московскаго князя Василія III о соединеніи Польши и Литвы съ Москвой подъ его скипетромъ съ обязательствомъ сохранить внутреннюю самостоятельность этихъ государствъ и не касаться католической религіи. Попытка эта, предпринятая къ тому же послѣ состоявшагося избранія Сигизмунда, успѣха не имѣла и отношенія Литвы съ Москвой снова приняли враждебный характеръ.

Между тѣмъ внутри литовскаго государства при содѣйствіи московскаго князя вспыхнула смута, подготовленная впавшимъ въ немилость у Сигизмунда Михаиломъ Глинскимъ и имѣвшая цѣлью отдѣленіе отъ Литвы ея русскихъ областей. Однако, далеко не всѣ русскія земли, входившія въ составъ великаго княжества, сочувственно отнеслись къ этой попыткѣ: въ сѣверо-западной Руси, составлявшей главную военную силу края, Глинскій встрѣтилъ или равнодушіе или враждебное настроеніе. Области эти съ преобладающимъ сословіемъ „земянъ", т. е. мелкихъ дворянъ, обязанныхъ государству военной службой, успѣли свыкнуться уже съ мыслью о сословныхъ выгодахъ и преимуществахъ, вытекавшихъ изъ уніи Литвы съ Польшей; съ переходомъ подъ власть самодержавной Москвы они справедливо опасались лишенія своихъ сословныхъ привиллегій и совершенной утраты вліянія на государственныя дѣла. Поэтому планъ Глинскаго, поднявъ Литовскую Русь для вооруженной борьбы съ Литвой, побудить ее перейти къ Москвѣ, потерпѣлъ рѣшительную неудачу. Такъ кончилась послѣдняя попытка „княжеской" Руси отдѣлиться отъ Литвы. Очевидно, княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ; его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ; они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли подвинуть его на борьбу за общее, народное дѣло. Княжеская партія сталкивалась съ интересами или съ равнодушіемъ другихъ сословныхъ

группъ и оказалась для своего времени немощною. Первый актъ борьбы западной Руси съ польскимъ вліяніемъ, подъ знаменемъ русско-литовскихъ князей, былъ проигранъ. Но въ нѣдрахъ Кіевской области скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было въ послѣднюю эпоху начать эту борьбу и повести ее съ большимъ для себя успѣхомъ.

Всѣми этими неурядицами отчасти объясняется то, что война Сигизмунда I съ Москвой закончилась безъ рѣшительнаго перевѣса одной изъ сторонъ. Втеченіе этой войны Василій III, послѣ занятія имъ Смоленска, Мстиславля, Кричева и Дубровны, потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ 1514 г. подъ Оршей и вынужденъ былъ заключить въ 1522 г. пятилѣтнее перемиріе, по которому за Москвой остался только Смоленскъ. Перемиріе это было продолжено въ 1526 г. на семь, въ 1537 г. на дальнѣйшіе пять и въ 1542 г. еще на пять лѣтъ. По договору 1537 г. Литва, получивъ Себежъ и Заволочье, уступала московскому князу, Ивану Грозному, Гомель.

На неудачный исходъ войны съ Москвой немалое вліяніе оказало внутреннее состояніе в. к. Литовскаго въ правленіе Сигизмунда, ознаменовавшееся съ одной стороны шумной борьбой великаго князя противъ претензій литовско-русскаго дворянства, претензій, направленныхъ къ расширенію его шляхетскихъ правъ и въ частности къ допущенію его на общіе или „вальные“ сеймы, а съ другой—разладомъ между рядовой шляхтой и высшей знатью. Ввиду того, что раздача дворянамъ земель прежними вел. князьями и освобожденіе владѣльцевъ ихъ отъ государственныхъ повинностей тяжело ложились на казну. Сигизмундъ на сеймѣ 1535 г. добился постановленія о провѣркѣ шляхетскихъ правъ на землю, согласно „коронной метрики“. Онъ рѣшился также произвести „экзекуцію правъ“, т. е. общую повѣрку шляхетскихъ правъ и статутовъ и возстановить нѣкоторые налоги, отмѣненные его предшественниками.

Одновременно съ борьбой Сигизмунда I противъ притязаній дворянства въ самой средѣ этого сословія усиливаются противорѣчія и соперничество интересовъ между вельможами съ одной и среднимъ и мелкимъ шляхетствомъ съ другой стороны. Противорѣчія эти, намѣчавшіяся уже къ концу XV в. и замѣтно усилившіяся въ эпоху Сигизмунда I, вытекали изъ стремленія рядового шляхетства уравняться въ правахъ съ высшей знатью и находили поддержку со стороны Польши.

Благодаря такой политической поддержкѣ, общественное положеніе рядового литовскаго шляхетства стало приближаться къ положенію магнатовъ и закрѣпленно было въ XVI в. законодательнымъ

сводомъ литовскаго княжества „*Литовскимъ Статутомъ*“. Начало этому своду, давшему судьямъ точное руководство закона вмѣсто прежней неопредѣленности обычнаго права, положено было при Сигизмундѣ I изданіемъ Статута 1529 г. Наряду съ необходимостью кодификаціи законовъ, вытекавшей изъ пестроты литовскаго права, источниками котораго служили старые обычаи и новыя жалованныя граматы или „привилеи“ великихъ князей Литовскихъ, значительную роль въ изданіи Статута сыграло стремленіе усилившейся шляхты высвободиться изъ подъ тяжести великокняжеской власти. Мысль о кодификаціи законовъ конкретно оформилась уже на Виленскомъ сеймѣ 1514 г; чины сейма представили это ходатайство вел. князю, какъ одно изъ условій, при выполненіи котораго они соглашались на продолженіе войны съ московскимъ государемъ, войны, принявшей тогда особенно напряженный характеръ. Отсюда ведетъ свое начало изданный въ 1529 г. на русскомъ языкѣ Литовскій Статутъ „первой редакціи“, который объединилъ въ систему и формулировалъ сложившійся въ предшествующую эпоху феодальный порядокъ, преимущественно въ отношеніи высшихъ сословій. Въ то же время онъ провелъ уже довольно рѣзкую грань между всей шляхтой и остальными непривиллегированными сословіями, грань, окончательно опредѣлившуюся законодательствомъ послѣдующаго времени, втеченіи пяти-шести десятковъ лѣтъ. Все-же Статутъ этотъ не вполнѣ удовлетворялъ стремленіямъ шляхты и къ тому-же содержалъ въ себѣ не мало устарѣлыхъ и весьма суровыхъ постановленій. Поэтому уже въ 1544 г. на Берестейскомъ сеймѣ литовскіе чины просили Сигизмунда I о пересмотрѣ и исправленіи Статута. Впослѣдствіи этотъ первый сводъ неоднократно пересматривали и дополняли, соглашая его съ польскимъ законодательствомъ, вслѣдствіе чего на немъ сильно отразилось значительное вліяніе польскаго права, смѣшавшагося въ Статутѣ съ тѣми древнерусскими юридическими обычаями, какіе сохранились въ Лиговской Руси еще отъ временъ Русской Правды [32].

Глава XVI.

Сигизмундъ II Августъ.— Внѣшнее положеніе в. к. Литовскаго въ его правленіе.— Дѣла Ливонскія.—Присоединеніе Ливоніи къ Литвѣ и его послѣдствія.

Въ 1545 г. Сигизмундъ I передалъ управленіе Литвою сыну своему, Сигизмунду - Августу, еще въ 1526 г. провозглашенному на Виленскомъ сеймѣ великимъ княземъ Литовскимъ, а въ 1548 году 88-лѣтній Сигизмундъ I скончался. Послѣ смерти отца, Сигизмундъ-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [32]. Внутреннюю и внѣшнюю исторію Литовскаго Статута см. Приложеніе.

Августъ подъ именемъ *Сигизмунда II (1548—1572)* коронованъ былъ польскимъ королевскимъ вѣнцомъ и такимъ образомъ личная унія Литвы съ Польшей не была нарушена. Мать Сигизмунда-Августа, королева Бона, властолюбивая и гордая итальянка, давно лелѣяла мысль о томъ, чтобы всецѣло взять въ свои руки управленіе государственными дѣлами. А потому она уже съ раннихъ лѣтъ дала сыну соотвѣтствующее своимъ цѣлямъ и стремленіямъ воспитаніе; окруживъ его роскошью, всевозможными развлеченіями, обществомъ избранныхъ „аристократовъ" и куртизанками, не допуская его ни до какихъ серьезныхъ умственныхъ занятій, она ослабила душевныя его силы и притупила природныя его способности. Естественно, что воспитаніе это гибельно отразилось на всемъ его правленіи и въ насмѣшку онъ прозванъ былъ „королемъ-завтра", по привычкѣ откладывать рѣшеніе государственныхъ дѣлъ и медлить ихъ выполненіемъ. Онъ трижды былъ женатъ: первая и третья его жены, обѣ изъ австрійскаго дома, не могли привязать его къ себѣ; вторая, любимая его жена, литвинка Варвара Гаштольдъ, урожденная княжна Радвиллъ, которую онъ, несмотря на нерѣшительный свой характеръ, такъ мужественно отстоялъ противъ сената и сейма, требовавшихъ развода, скоро умерла послѣ своей побѣды и коронаціи. Послѣдніе годы жизни Сигизмундъ-Августъ провелъ окруженный наложницами, которыя его грабили и колдуньями, которыхъ онъ призывалъ для возстановленія своихъ потерянныхъ силъ. Правленіе его можетъ быть отмѣчено полнымъ разстройствомъ его обширныхъ владѣній, медленностью въ отправленіи государственной жизни а также и неудачами военныхъ его предпріятій. Само собою разумѣется, что всѣ эти неустройства и неудачи зависѣли не только отъ личныхъ качествъ Сигизмунда-Августа; причины были глубокія, корнями своими лежавшія въ нѣдрахъ соціальнаго и политическаго строя государства. Въ то же самое время жажда покоя, изнѣженность, стремленіе къ роскоши неудержимо овладѣли высшимъ сословіемъ какъ Польши, такъ и Литвы. Этотъ упадокъ нравственныхъ силъ въ литовскихъ вельможахъ, эту страсть къ матеріальнымъ наслажденіямъ отмѣчаютъ многіе современники, между прочимъ, папскій легатъ, кардиналъ Commendoni и московскій выходецъ, князь Курбскій.

Въ связи съ этимъ внутреннимъ разстройствомъ внѣшнее положеніе в. к. Литовскаго все болѣе и болѣе ухудшалось. Поляки прилагали всяческія усилія къ скорѣйшему достиженію польско-литовскаго слiянія въ единый государственный организмъ, татары участили свои набѣги на литовскія окраины, а великій князь Московскій, Иванъ Грозный, усилившійся и окрѣпшій, требуя признанія за нимъ титула „царя всея Руси", все настойчивѣй предъявлялъ свои права на Литовскую Русь. Въ 1556 г. заключено было шестилѣтнее перемиріе съ Моск-

вой, прерванное, однако, въ 1558 г. еще до окончанія срока, Ливонской войной Ивана Грознаго, которая въ то же самое время послужила непосредственной причиной новой войны его съ Сигизмундомъ Августомъ.

Ливонія имѣла для Литвы первостепенной важности значеніе, т. к. съ одной стороны черезъ эту страну шелъ весь литовскій экспортъ (зерно, лѣсъ) а съ другой—при посредничествѣ Ливоніи, Москва получала изъ Германіи мастеровъ и оружіе, необходимое ей для борьбы съ татарами и Литвой. Поэтому въ интересахъ этой послѣдней было возможное усиленіе Ливоніи подъ ея протекторатомъ для того, чтобы образовать надежный заслонъ отъ вторженія напиравшей Москвы на Ливонскую территорію и не допустить снабженія соперника военными матеріалами изъ Германіи. Между тѣмъ войска Ивана IV успѣшно продвигались вглубь Ливоніи и заняли цѣлый рядъ укрѣплннныхъ городовъ: Дерптъ, Нарву и др. и обложили Ревель. При такихъ обстоятельствахъ Ливонскій магистръ, Готардъ Кеттлеръ, увидѣлъ себя вынужденнымъ искать поддержки у сосѣдей. Послѣ ряда попытокъ заключить союзъ съ Германіей, Даніей и Швеціей, онъ обратился за помощью къ Сигизмунду-Августу, съ которымъ въ 1559 г. и заключено было соглашеніе въ г. Вильно. Однако союзъ этотъ не измѣнилъ существенно положенія дѣлъ въ Ливоніи, т. к. московское войско, не взирая на предупрежденія Литовскаго правительства о томъ, что Ливонія находится подъ защитой Литвы, продолжало свое продвиженіе черезъ Ливонію къ границамъ великаго княжества.

Рыцари увидѣли, что не могутъ долѣе продолжать самостоятельное существованіе и въ 1561 г. началось полное разложеніе Ливоніи. Первыми отдѣлились жители гор. Ревеля и подчинились Швеціи, а затѣмъ островъ Эзель въ качествѣ Эзельскаго епископата, отошелъ къ Даніи. Самый же Орденъ по 2-му Виленскому договору, заключенному между княземъ Радвилломъ и магистромъ Ордена Кеттлеромъ, въ 1561 г. отдался въ ленную зависимость Литвѣ. Магистръ Ордена, становясь свѣтскимъ княземъ получилъ титулъ герцога Курляндіи съ главнымъ городомъ Митавой.

Присоединеніе къ Литвѣ Ливоніи повело къ новой войнѣ съ Москвой, втеченіе которой русскіе заняли Полоцкъ и, опустошая страну, дошли почти до самого Вильно. Между тѣмъ переговоры съ Иваномъ IV о мирѣ затягивались и Сигизмундъ-Августъ все болѣе начиналъ склоняться на сторону польской политики, надѣясь въ польско-литовской реальной уніи найти исходъ тому затруднительному положенію, въ какое оба государства, Литва и Польша, попали, съ одной стороны благодаря неудачно сложившемуся для нихъ внѣшнему положенію, а съ другой—вслѣдствіе растущаго внутренняго ихъ неустройства.

Для того, чтобы уяснить себѣ значеніе событія, происшедшаго въ правленіе этого послѣдняго Ягеллона и заключавшагося въ завершеніи имъ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей въ реальной уніи, необходимо ознакомиться съ политическимъ положеніемъ и общественной жизнью в. к. Литовскаго XV и XVI в. и съ тѣми измѣненіями, которыя внесены были въ его соціальный строй долговременнымъ и постепенно усиливавшимся вліяніемъ Польши, измѣненіями, въ ряду другихъ причинъ подготовившими 2-ую Люблинскую унію 1569 г. и облегчившими ея проведеніе въ жизнь.

Глава XVII.

Измѣненіе внутренняго строя в. к. Литовскаго къ XVI в.- Разрушеніе родового владѣнія князей.—Рада Литовская.—Уряды.—„Кормленіе".—Областное управленіе и его характеръ.—Шляхта.—Уравненіе ея въ правахъ съ высшей знатью.

Общественный строй Литовскаго государства, начиная съ XV и кончая второй половиной XVI вв., носитъ на себѣ глубокій отпечатокъ тѣхъ противорѣчій, которыя вызваны были въ немъ борьбой двухъ противоположныхъ началъ: русскаго и польскаго. Въ наслѣдство отъ зап. Руси Литва получила роды удѣльныхъ князей, вѣчевое устройство городовъ, единство города и земли. Польша внесла въ нее понятіе шляхетскаго равенства, магдебургское право городовъ и прикрѣпленіе крестьянъ. Сначала Литва находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Руси и ея соціальнаго уклада, но въ дальнѣйшемъ произошло коренное переустройство литовскаго общественнаго строя на новыхъ началахъ, которое главнымъ образомъ вызвано было необходимостью защиты страны отъ внѣшней опасности.

Для борьбы съ преобладающими силами Орденовъ, великіе князья Литовскіе, въ цѣляхъ увеличенія своего войска, уже въ XIV вѣкѣ устремляются на ослабѣвшую отъ удѣльнаго дробленія и татарскаго нашествія зап. Русь и, покоривъ ее, стараются придать ей такое устройство, которое болѣе всего обезпечивало бы имъ притокъ значительныхъ военныхъ силъ. Для этого великіе князья Литовскіе раздаютъ боярскому служебному сословію въ покоренныхъ областяхъ земли на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ эти раздачи происходили и въ собств. Литвѣ вліятельнымъ литовскимъ родамъ. А именно, выдавая служилымъ людямъ жалованныя граматы на потомственное владѣніе отдѣльными участками земли, князья Литовскіе обязываютъ ихъ признавать надъ собою верховную власть великаго князя и доставлять ему, по его требованію, опредѣленное количество вооруженныхъ людей. На тѣхъ же основаніяхъ и удѣльные князья, владѣвшіе своими удѣлами на древнемъ *родовомъ* правѣ, подчиняясь власти великаго князья Литовскаго, получали отъ него свои бывшія княженія въ „вотчину" на

наслѣдственномъ правѣ, а иногда и во временное владѣніе „до своей господарской воли". Правда, князья эти, обязанные службой и данью, пользовались въ своихъ вотчинахъ большими правами. Имѣя свои дворы, своихъ намѣстниковъ, тевуновъ и др. урядниковъ, они выдаютъ отъ себя жалованныя граматы монастырямъ, церквамъ, боярамъ и сохраняютъ полную свободу распоряженія своей вотчиной, во внутреннія дѣла которой в. к. Литовскіе не вмѣшиваются. Этимъ разрушено было старинное родовое владѣніе князей и къ началу XV в. они, ставъ въ бывшихъ своихъ княжествахъ служилыми вотчинниками, вмѣстѣ съ знатнѣйшими боярами и литовскими вельможами, образовали землевладѣльческую аристократію подобную польской и даже болѣе вліятельную.

Члены этой аристократіи, *паны*, составили правительственный совѣтъ или „*раду*" в. к. Литовскаго, которая значительно ограничивала его власть и состояла изъ духовныхъ и свѣткихъ лицъ, входившихъ въ составъ ея частью въ силу правъ, присвоенныхъ изстари нѣкоторымъ княжескимъ и боярскимъ фамиліямъ, частью же (и такихъ членовъ было значительное большинство) въ силу занятія той или другой земской или придворной должности [33]. Радные паны, въ противоположность рядовому дворянству, рѣже поддавались интересамъ мѣстнаго сепаратизма и хотя служили выразителями интересовъ мѣстныхъ князей и бояръ, все же стояли на общегосударственной точкѣ зрѣнія главнымъ образомъ потому, что, выдаваясь среди другихъ своей экономической состоятельносью, они до начала XVI в. пользовались привиллегированнымъ положеніемъ въ государствѣ, особенно въ области суда, управленія и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ разбросанность ихъ обширныхъ имѣній по разнымъ частямъ территоріи создавала имущественную связь радныхъ пановъ съ различными мѣстностями великаго княжества. Занимаясь государственными дѣлами въ роли областныхъ правителей, въ званіи членовъ великокняжескаго сейма, они постоянно находились въ курсѣ государственнаго управленія и оказывали сильное вліяніе на всю внѣшнюю и внутреннюю политику великаго княжества. Такъ напр. паны-рады избирали великаго князя, который не могъ безъ согласія ихъ вести сношенія съ иноземными государствами, издавать и из-

ПРИМѢЧАНІЕ [33]. Рада литовская въ XIV в. состояла, кромѣ выдающихся представителей литовской поземельной аристократіи, изъ слѣдующихъ лицъ, входившихъ въ нее „ex officio": епископа виленскаго, луцкаго, брестскаго, жмудскаго и кіевскаго; гетмана и канцлера в. к. Литовскаго, воеводъ: трокскаго, виленскаго, новогрудскаго, полоцкаго, витебскаго, подляшскаго; каштеляновъ: виленскаго и трокскаго; старостъ: жмудскаго и гродненскаго; маршалка земскаго; подскарбіевъ земскаго и дворнаго и др.

мѣнять законы, распоряжаться государственными доходами и расходами, назначать на должности и т. п. [34]. Мнѣнія рады вел. князь признавалъ для себя обязательными и, даже въ случаѣ своего несогласія съ ними, все же принималъ ихъ къ исполненію „ради своей и общей пользы“. Естественно, что великіе князья литовскіе начинаютъ тяготиться такой зависимостью отъ пановъ—рады и въ противовѣсъ имъ всячески стараются поднять значеніе мелкой шляхты. Положеніе вельможъ замѣтно ухудшается начиная съ середины XV в., послѣ изданія въ 1457 г. Казиміромъ IV земскаго привилея „литовскому, русскому и жмудскому дворянству, рыцарямъ, боярямъ и земянамъ“, положившаго въ в. к. Литовскомъ начало уравненію въ правахъ рядовой шляхты съ вельможами. Все-же до начала XVI в. литовская знать играетъ еще очень большую роль и продолжаетъ оказывать на государственныя дѣла рѣшающее вліяніе. Вліяніемъ этимъ паны—рады нисколько не намѣрены была дѣлиться съ остальной шляхтой и попыткамъ ея уравняться въ правахъ съ ними оказывали упорное сопротивленіе. Этимъ объясняется то обстоятельство, что изъ всѣхъ вводимыхъ въ в. к. Литовскомъ измѣненій и учреждаемыхъ въ цѣляхъ сближенія внутренняго строя Литвы и Польши должностей, къ началу XVI в. удержались главнымъ образомъ лишь тѣ, которыя были въ интересахъ этого высшаго класса.

Къ числу такихъ должностей относятся такъ назыв. „*уряды*“. По польскому образцу въ Литвѣ введены были слѣдующія высшія правительственныя должности или „уряды“. *Гетманъ* (съ 1512 г.)—главный предводитель войска и судья всѣхъ военныхъ людей, имѣвшій право приговаривать къ смертной казни; *канцлеръ*, вначалѣ носившій названіе „писаря“—хранитель государственной печати и начальникъ канцеляріи великаго князя; два *подскарбія*: *земскій*—вѣдавшій общегосударственные доходы и расходы и *подворный*—по дворцовому хозяйству и личному имуществу вел. князя; *воеводы* или *палатины*—начальники отдѣльныхъ областей, бывшихъ прежде удѣльными княжествами; значеніе воеводы въ области было весьма большое: ему принадлежала высшая судебная власть въ воеводствѣ, онъ собиралъ земскую рать, которой въ случаѣ нужды начальствовалъ, а также наблюдалъ за сборомъ податей и пошлинъ [35]. *Каштеляны*—коменданты городовъ, помощники воеводъ;

ПРИМѢЧАНІЕ [34]. По привилею вел. кн. Александра 1492 г.

ПРИМѢЧАНІЕ [35]. Власть воеводы ограничивалась мѣстными обычаями; т. н. въ Полоцкой области воевода назначался не иначе, какъ по согласію мѣстныхъ жителей и судить долженъ былъ вмѣстѣ со старшими боярами и мѣщанами.

старосты—правители одного или нѣсколькихъ округовъ или повѣтовъ на которые дѣлились воеводства; *маршалки*—представители шляхты, имѣвшіе нѣсколько ступеней: *земскій*—представитель всего вел. княжества, *дворный*—представитель служилыхъ людей великокняжескаго двора и *повѣтовые*; *хоружинжіе* (земскій, дворный и повѣтовый)—носили знамя и объявляли указы. Съ введеніемъ на Литвѣ магдебургскаго права появились въ городахъ *войты*—представители городского населенія. Рядомъ съ новыми, польскими урядами на Литвѣ долгое время держались еще древніе литовско-русскіе *намѣстники и тевуны*—управлявшіе княжескимъ хозяйствомъ по волостямъ и назначавшіеся большей частью для производства суда, управы и сбора княжескихъ доходовъ [36].

При отправленіи своихъ административныхъ обязанностей воеводы, старосты, намѣстники получали разные доходы, которые разсматривались какъ жалованье за ихъ службу вел. князю и сильно разнообразились по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Самыя воеводства и намѣстничества разсматривились какъ *кормленія* и служили однимъ изъ средствъ содержанія высшаго правительственнаго слоя военнослужилаго класса. Воззрѣніе на держанія, какъ на „кормленія", ясно обнаруживается въ обычаѣ давать сразу по нѣсколько держаній, приводившемъ къ тому, что лица, получавшіе ихъ, нерѣдко передавали, съ согласія вел. князя, свои держанія родственникамъ и близкимъ людямъ. При отправленіи судебныхъ функцій эти урядники также получали въ свою пользу нѣкоторые доходы [37]. Иногда они получали также отъ вел. князя разные сборы, обыкновенно собиравшіеся имъ въ свою пользу. Кромѣ того, по особому пожалованію или „уставѣ", они получали отъ вел. князя и часть собственныхъ великокняжескихъ доходовъ за свои особыя заслуги или за то, что принимали на себя нѣкоторыя обязанности, не связанныя прямо съ занимаемой ими должностью. Въ свою очередь урядники при назначеніи на должность платили великому князю „челобитное" и въ XV в. эти назначенія, нерѣдко носившія характеръ настоящей продажи ихъ, создавали конкурренцію лицъ, добивавшихся данной должности [38]. Идея „кормленія",

---

ПРИМѢЧАНІЕ 36. Тевуны (отъ слова tevas—отецъ) замѣнены были впослѣдствіе намѣстниками—державцами.

ПРИМѢЧАНІЕ 37. Т. н. они получили „пересуды"—отдѣльный % съ суммы иска, „заклады"—судебныя пари, „поколодное"—съ выпускаемыхъ изъ тюрьмы, часть „вижового" и „дѣцкованія".

ПРИМѢЧАНІЕ 38. По земскому привилею 1492 г. вел. князь обѣщалъ впредь не требовать „челобитнаго" при назначеніи на должность, а довольствоваться лишь добровольными взносами.

въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и дѣйствіи въ жизни постепенно вызвала въ сознаніи правительства и общества противоположную, хотя на первыхъ порахъ еще и смутную идею оплачиваемой опредѣленнымъ окладомъ „государственной должности".

Введеніемъ всѣхъ этихъ должностей, центральное и областное управленіе Литвы приблизилось къ польскому и получило аристократическій строй, характеризующійся въ Литовскомъ государствѣ этой эпохи отсутствіемъ рѣзкаго раздѣленія между правительственнымъ классомъ и обществомъ. Дѣло въ томъ, что областное дѣленіе в. к. Литовскаго являлось результатомъ всей предшествующей исторіи этого государственнаго организма, представлявшаго собой обширную литовско-русскую федерацію. Въ этой федераціи соб. Литва, усиліями которой создалось государство, естественно заняла политически преобладающее и привиллегированное положеніе. Одна часть зап.-русскихъ земель (Подляшье и княжества Турово-Пинскія) примкнули къ соб. Литвѣ тѣснѣе другихъ, т. к. были слишкомъ слабы, чтобы занять самостоятельное положеніе въ федераціи; другая часть русск. земель (Полоцкая, Витебская Кіевская, Волынская земли, княжества Чернигово-Сѣвер. и Подолія), а также и Жмудь, примкнувшія къ Литвѣ по соглашенію и договору, съ сохраненіемъ мѣстной самобытности, продолжали удерживать въ составѣ вел. княжества свое обособленное отъ Литвы положеніе. Это сохраненіе мѣстной политической старины, помимо географическаго положенія перечисленныхъ областей, благопріятствовавшаго ихъ независимости, находилось также въ связи съ отсутствіемъ у литовскаго правительства оригинальныхъ творческихъ стремленій въ дѣлѣ государственнаго строительства, что свою очередь обуславливалось сравнительной политической слабостью и относительной отсталостью господствовавшаго племени. Этимъ обясняется то, что великокняжеское управленіе въ областяхъ носило до извѣстной степени характеръ областного самоуправленія, т. к. организовано было изъ мѣстныхъ политическихъ элементовъ, къ числу которыхъ принадлежали и сами воеводы и старосты, выходившіе, подобно другимъ высшимъ урядникамъ, обыкновенно изъ среды мѣстныхъ князей и пановъ. Ввиду этого должностныя лица — „урядники" не были пассивными орудіями въ рукахъ великаго князя и далеко не всегда являлись проводниками идей и стремленій литовскаго правительства; нерѣдко они служили выразителями интересовъ мѣстныхъ князей и пановъ и даже ближайшіе совѣтники вел. князя, паны—радные, не были изолированы отъ воздѣйствія со стороны населенія.

Ниже пановъ—рады стоялъ многочисленный классъ мелкихъ и среднихъ дворянъ—бояръ, отличительнымъ признакомъ котораго отъ

ругихъ свободныхъ сословій великаго княжества являлось отбываніе эмской военной службы. Первоначально это дворянство состояло изъ отомковъ литовско-русскихъ княжескихъ дружинниковъ и свободныхъ эмледѣльцевъ. Начиная съ XVI вѣка, преимущества шляхетскаго званія ѣсно связываются съ обладаніемъ поземельной собственностью, а зданіемъ земскихъ привилеевъ — для всего княжества и мѣст-ыхъ—для отдѣльныхъ областей, въ Литвѣ постепенно устанавли-ются сословныя права и отношенія подобныя тѣмъ, какія существо-ли въ Польшѣ. Поляки со временъ Ягайло поставили себѣ задачу кончательно присоединить Литву къ польской коронѣ. Для облегче-я этой инкорпораціи необходимо было съ одной стороны подгото-ть сближеніе внутренняго сословнаго строя в. к. Литовскаго съ поль-имъ, а съ другой—противопоставить сопротивленію высшей литов-ой знати интересы какого нибудь другого класса. Единственнымъ ементомъ, на который въ дѣлѣ уніи могла опереться Польша, была довая литовская шляхта; необходимо было поднять и усилить ее на-олько, чтобы сдѣлать ее независимой отъ литовскихъ магнатовъ. Въ омъ именно и заключается смыслъ цѣлаго ряда законодательныхъ товъ, начиная уже съ конца XIV вѣка.

Попытку къ уравненію мелкаго литовскаго дворянства въ пра-хъ съ польской шляхтой, можно отмѣтить уже въ привилеѣ Ягайло 37 г., подтвержденномъ затѣмъ на Городельскомъ сеймѣ изданіемъ ивилея 1413 г., по которому литовскіе бояре, принявшіе католицизмъ, лучали права и преимущества польской шляхты; привилей Казиміра 47 г. распространилъ эти права и на православное дворянство. Въ 57 году Казиміръ IV выдалъ жалованную грамату всему дворянству икаго княжества относительно свободнаго распоряженія наслѣд-омъ, выдачи замужъ дочерей и др. правъ и преимуществъ. Послѣ го мелкое литовское дворянство стало получать польскіе гербы и яхтскіе дипломы. А при Сигизмундѣ I все оно юридически приз-о было равноправнымъ польской шляхтѣ и съ 1544 года рядовое яхетство уже принимаетъ участіе въ сеймахъ. Съ этого времени де-аты отъ рядовой литовской шляхты постоянно призываются на такіе ціе или „вальные" сеймы, на которыхъ они каждый разъ добива-ся новыхъ уступокъ. Уступки дворянству растутъ неимовѣрно быстро, бенно съ того момента, когда Сигизмундъ—Августъ, потерявъ вся-о надежду имѣть наслѣдника, подъ скипетромъ котораго продолжа-ь бы литовско-польская личная унія, старается во что-бы то ни стало ществить соединеніе Литвы съ Польшей въ уніи реальной. Для при-ненія на сторону своихъ плановъ литовской рядовой шляхты, онъ сеймѣ 1551 г. отказывается отъ денежныхъ штрафовъ или „винъ",

поступавшихъ въ казну съ убійцъ; соглашается на назначеніе приставовъ—„вижей“ на Жмуди и Волыни только изъ числа „осѣдлыхъ“ шляхтичей и т. д.; на сеймѣ 1559 г. литовскому шляхетству дѣлается весьма важная и по своимъ послѣдствіямъ гибельная для торговли страны уступка, а именно: шляхтѣ предоставляется право безпошлиннаго вывоза всѣхъ товаровъ и продуктовъ, выработанныхъ на ея собственной землѣ; въ 1563 г. шляхетскіе дома въ городахъ освобождаются отъ городскихъ повинностей; въ слѣдующихъ 1564 и 1565 годахъ рядовой шляхтѣ сдѣланы дальнѣйшія чрезвычайно существенныя уступки, заключавшіяся въ лишеніи воеводъ и другихъ „урядниковъ“ юрисдикціи надъ лицами шляхетскаго званія и передачи ея судьямъ, свободно избраннымъ самимъ дворянствомъ - шляхтой. Для совѣщанія о нуждахъ государства и для избранія „земскихъ пословъ“ на вальный сеймъ, шляхтѣ въ 1565 г. предоставленно право собирать малые „повѣтовые сеймы“ или „сеймики“. На эти съѣзды должны были собираться не только „земяне“, но и „паны—рады“ и государственные чиновники, помѣстья которыхъ расположены были въ данномъ повѣтѣ. Такимъ образомъ реформа 1565 г., выполняя созданіемъ этихъ сеймиковъ неотложныя организаціонныя задачи государства, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и сословнымъ интересамъ рядового шляхетства, такъ какъ допускала его къ участію въ политической жизни страны. Реформа эта не только уравнивала его въ правахъ съ князьями и панами, но вслѣдствіе численнаго перевѣса на сеймикахъ рядового шляхетства, предоставляла этому сословію рѣшающее вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ великаго княжества.

Глава XVIII.

Крестьяне и ихъ землевладѣльческія права.—Различныя группы въ средѣ литовскаго крестьянства.—Господарское хозяйство.—Формы крестьянскаго землевладѣнія.—Крестьянскія повинности.—Возникновеніе крѣпостного права и его развитіе.

Одновременно съ измѣненіемъ положенія рядового шляхетства въ интересахъ этого послѣдняго происходятъ перемѣны и въ положеніи крестьянскаго сословія на Литвѣ. Вслѣдствіе отсутствія до XV вѣка рѣзкихъ классовыхъ перегородокъ среди свободнаго населенія Литвы и возможности перехода изъ одного класса въ другой, главнымъ образомъ обусловленнаго измѣненіемъ матеріальнаго состоянія даннаго лица, положеніе крестьянства въ в. к. Литовскомъ до XV вѣка слѣдуетъ признать относительно удовлетворительнымъ. Впрочемъ, землевладѣльческое право крестьянъ отличалось отъ того, которое принадлежало другимъ сословіямъ, т. к. оно не было обставлено такими гарантіями, какъ шляхетско-боярское или мѣщанское. Такъ, несмотря на имѣвшія мѣсто продажи и запродажи крестьянами своихъ земель и угодій, вел. князь

могъ отбирать эти земли во всякое время, чего не могъ сдѣлать въ отношеніи шляхты и мѣщанъ. Если можно все-же говорить о землевладѣльческихъ правахъ крестьянства, то лишь въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу, а также и по отношенію къ землевладѣльцамъ другихъ сословій.

Литовское крестьянство къ серединѣ XIV в. дѣлилось на слѣдующіе разряды: на *челядь* — несвободныхъ, *помѣщичьихъ людей* — населявшихъ имѣнія частныхъ владѣльцевъ и *господарскихъ людей* — жившихъ на великокняжескихъ земляхъ. Большая часть изъ нихъ къ концу этого вѣка владѣла поземельной собственностью и пользовалась, за исключеніемъ сравнительно небольшой группы челяди, значительной личной свободой, иногда только связывая себя добровольными, краткосрочными контрактами съ помѣщиками. Основою, изъ которой развилось на Литвѣ крѣпостное право, послужили села, населенныя невольною челядью (рабами), вплоть до конца XV в. единственнымъ на Литвѣ безправнымъ крестьянскимъ сословіемъ. Группа челяди, населявшая какъ великокняжескія такъ и помѣщичьи земли, образовалась съ одной стороны изъ военноплѣнныхъ, а съ другой изъ: 1) продававшихся въ рабство—„закуповъ“, 2) выданныхъ головой за преступленіе, 3) рожденныхъ отъ рабовъ и 4) вступившихъ въ бракъ съ лицомъ несвободнаго состоянія. Однако кромѣ плѣна, всѣ другіе способы отреченія отъ личной свободы ограничены были обычаемъ до значенія временной, срочной сдѣлки или вовсе имъ отстранены. Кромѣ челяди, земли частныхъ владѣльцевъ населяли земледѣльцы разныхъ наименованій, стоявшіе къ вотчиннику въ разнообразныхъ отношеніяхъ. Ближе всего къ челяди стояли *отчичи* или *дѣдичи*, зависимость которыхъ отъ помѣщика обуславливалась обязанностью не сходить съ земли, находившейся въ ихъ пользованіи на правахъ собственности и уплачивать помѣщику опредѣленную аренду натурой или работой [39]; на земли вотчинныя или жалованныя землевладѣлецъ могъ, а иногда даже и объязанъ былъ „приживать“ новыхъ поселенцевъ—*слободичей*; поселясь на пустопорожнихъ участкахъ, они давали владѣльцу ихъ „запись“, которою обязывались за полученную въ арендное пользованіе землю службою или оброкомъ (натурою или деньгами — „платомъ“). Люди эти дѣлились на *засядлыхъ* и *незасядлыхъ*. Первые получали отъ помѣщика кромѣ земли еще и пособіе, а потому не имѣли права сойти со своихъ участковъ до возврата этого пособія; вторые—могли свободно

ПРИМѢЧАНІЕ [39]. Крестьяне эти не могли быть проданы помѣщикомъ отдѣльно, безъ ихъ земельныхъ участковъ.

сойти, заплативъ извѣстный выкупъ [40]. Переходную ступень отъ крестьянъ частновладѣльческихъ къ господарскимъ составляла многочисленная крестьянская группа *данниковъ*. Это были собственники земельныхъ участковъ, имѣвшіе право перехода съ одного участка на другой и обязанные только извѣстными податями въ пользу того лица, кому жаловалъ эти сборы великій князь [41]. Дань съ этихъ крестьянъ по большей частью взималась натурою; упоминаются съ нихъ дани медовая, бобровая, куничная, рѣже житная и грошевая (денежная).

Таковы были разряды крестьянъ, сидѣвшихъ, за исключеніемъ данниковъ, на земляхъ шляхетскихъ. По закону и обычаю нѣкоторые изъ этихъ разрядовъ пользовались значительной долей свободы: кромѣ права перехода, они владѣли землей и собирались на *копы* (сходки). Эти „копы“ или „громады“, первоначально имѣвшія важное значеніе въ вотчинной администраціи, въ эпоху Статутовъ являются волостными судами по дѣламъ о запашкѣ чужого поля, потравахъ, воровствѣ, убійствѣ и т. д. Къ концу XVI в. „копные суды“, возникшіе на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей оттуда власти надъ ними, съ усиленіемъ законодательства въ пользу шляхты, начинаютъ терять свое значеніе и впослѣдствіе собираются только для выслушанія воли помѣщика. Что касается до *господарскихъ людей*, т. е. крестьянъ, заселявшихъ великокняжескія земли и управлявшихся намѣстниками—державцами, то политическое и экономическое положеніе ихъ было лучше, чѣмъ положеніе частновладѣльческихъ; обязанные великому князу уплатой извѣстнаго оброка, они владѣли обрабатываемыми ими участками на правахъ собственности и сохранивъ за собою право перехода на другія земли, подчинены были юрисдикціи господарскихъ урядниковъ.

Господарско-великокняжеское хозяйство получило особое развитіе въ соб. Литвѣ, гдѣ было наибольшее количество господарскихъ дворовъ и дворцовъ съ пашнями и угодьями. Возникновеніе княжескаго дворцоваго хозяйства стоитъ въ связи съ развитіемъ рабства и захватомъ князьями въ свое распоряженіе пустыхъ земель и угодій. Въ приложеніи къ этимъ землямъ, господарское хозяйство явилось средствомъ эксплоатаціи вначалѣ рабскаго труда, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи - труда крестьянскаго населенія Литвы. Количество крестьянъ втеченіе XIII и

ПРИМѢЧАНІЕ [40]. Впослѣдствіе люди, зажившіеся на одномъ мѣстѣ болѣе 10 лѣтъ, т. е. болѣе срока земской древности—„старожилы“, обратились въ крѣпостныхъ.

ПРИМѢЧАНІЕ [41]. Лицо получившее такое „пожалованіе“, по своему характеру близкое къ русскому „помѣстью“ (но только передаваемому въ потомство), обязано было усиленной военной повинностью князю

XIV вв. значительно увеличилось выходцами изъ Пруссіи, Жмуди и Руси, такъ что въ XV и началѣ XVI вв. соб. Литва была самою населенною частью великаго княжества. Господарское хозяйство въ соб. Литвѣ поддерживалось и развивалось еще и вслѣдствіе того, что до середины XVI в. великіе князья литовскіе обыкновенно имѣли постоянное жительство въ Литвѣ и лишь изрѣдка наѣзжали въ Польшу. Въ противоположность Литвѣ, великокняжеское хозяйство Литовской Руси замѣтно падало, съ одной стороны вслѣдствіе затруднительности надзора и контроля изъ центра, а съ другой—вслѣдствіе разоренія и опустошенія края внѣшними врагами. На Жмуди господарское хозяйство также не прогрессировало, вслѣдствіе особаго политическаго положенія этой области: привилей Жмудской земли гарантировалъ ее отъ дальнѣйшаго увеличенія числа господарскихъ дворовъ, оставивъ великому князю лишь тѣ изъ нихъ, которые существовали еще при Витовтѣ.

Въ старину крестьяне селились и владѣли землею общинами. Это поселеніе—*волость*, состояло изъ *селъ* и *приселковъ*, въ свою очередь составлявшихся изъ отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ, *службъ* или *дворовъ*. Начиная съ середины XV в. на смѣну этому старинному общинному землевладѣнію приходитъ нѣмецкое мызное хозяйство, разселеніе по отдѣльнымъ участкамъ, *волокамъ*, которые и явились объектомъ обложенія различными податями и повинностями. Инструкція Сигизмунда-Августа различаетъ волока „служебные“, дававшіеся лицамъ, обязаннымъ военной службой и „тяглые“, за которые крестьяне отбывали барщину и платили „чиншъ“.

Повинности крестьянскія дѣлились на *издѣльныя, натуральныя и денежныя*. Кромѣ хлѣбопашества, кошенія сѣна и др. полевыхъ работъ въ пользу помѣщика, крестьяне строили господарскія постройки, ставили имъ подводы, сторожей, занимались для нихъ рыбною ловлею и охотой. Натуральныя повиности заключались въ платежѣ помѣщику естественными продуктами—*дякломъ* [42], а иногда въ обязанности содержать помѣщика—*стаціи*. Денежная повинность состояла въ *серебрянной* или *грошевой дани* (впослѣдствіе чиншъ). [43] Были такіе разряды тяглыхъ людей, которые обязывались исключительно службой: огород-

ПРИМѢЧАНІЕ [42]. „Дякло“—русское „тягло“ относится къ числу древнѣйшихъ видовъ податей на Литвѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ [43]. Серебрянная дань—„серебщизна“, взимавшаяся съ сохъ, сначала была постоянной и въ нѣкоторыхъ областяхъ шла на дань татарамъ. Со времени жалованной граматы 1457 г. она сдѣлалась временной и количество ея каждый разъ опредѣлялось особой „уставой“. Съ людей, не имѣвшихъ сохъ, но пользовавшихся землею или огородами, серебщизна взималась въ меньшемъ размѣрѣ.

ники, бобровники и т. п.; нѣкоторые обязывались службой военной, таковы: бояре „панцырные“ и „путные“, встрѣчающіеся какъ въ господарскихъ, такъ и въ частныхъ владѣніяхъ. Размѣры натуральныхъ повинностей были неодинаковы не только въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, но даже въ одномъ и томъ же имѣніи: они стояли въ зависимости отъ количества обрабатываемой крестьяниномъ земли, числа скота, а иногда и числа работниковъ въ семьѣ. На господарскихъ и великокняжескихъ земляхъ повинности соразмѣрялись даже не только съ количествомъ, но и съ качествомъ ея. Частновладѣльческіе крестьяне по Статуту 1529 г. были освобождены отъ всякихъ податей, даней и повинностей въ пользу государства, за исключеніемъ повинности содержать въ исправности дороги, мосты и замки; повинностное право перешло въ руки владѣльцевъ, подчиняясь частью обычаю, частью произволу, а потому въ этомъ Статутѣ не имѣется никакихъ опредѣленій крестьянскихъ платежей или отбываемыхъ ими въ дѣйствительности работъ. Господарскіе крестьяне въ большинствѣ случаевъ платили опредѣленный оброкъ и обязаны были нѣкоторыми повинностями. Въ разгарѣ сельско-хозяйственныхъ работъ на подмогу дворной челяди и тяглымъ людямъ выходили и другіе господарскіе крестьяне и даже мѣщане небольшихъ мѣстъ. Повинность эта называлась *толокой* и отъ нея частновладѣльческіе крестьяне, по общему правилу, были освобождены.

Задолженность крестьянства въ связи съ стремленіемъ правительства перенести повинности съ волости на отдѣльную личность, повела къ прикрѣпленію крестьянина къ землѣ. На первыхъ порахъ это прикрѣпленіе не было безусловнымъ, а проводилось лишь постольку, поскольку оно гарантировало исправность отправленія лежавшей на землѣ службы. Впослѣдствіе однако, благодаря сильному вліянію „нѣмецкаго“ права и, главнымъ образомъ, стремленію Польши предоставить мелкому и среднему литовскому дворянству въ отношеніи крестьянъ права польской шляхты и тѣмъ привлечь ихъ на свою сторону, положеніе крестьянъ въ в. к. Литовскомъ стало постепенно приближаться къ положенію польскихъ „хлоповъ“. Ухудшеніе въ положеніи литовскаго крестьянства становится особенно замѣтнымъ со времени Казиміра, т. е. уже къ XV в., опредѣленныя же формы крѣпостное право получаетъ на Литвѣ съ изданіемъ въ 1457 г. жалованной граматы, запретившей переходъ крестьянъ съ частныхъ земель на государственныя и наоборотъ. Тогда же начинаетъ постепенно развиваться и вотчинный судъ помѣщика, къ концу XV и къ началу XVI вв. сдѣлавшійся принадлежностью землевладѣнія. Каждый слѣдующій за Казиміромъ великій князь издавалъ постановленія, клонившіяся къ еще большему закрѣпленію крестьянъ за шляхтой. Этотъ процессъ постепеннаго закрѣпо-

щенія находитъ свое завершеніе во второй половинѣ XVI вѣка, когда всѣ разряды литовскихъ крестьянъ: отчичи, слободичи, данники и др. окончательно сравнены были съ невольной челядью и низведены до положенія рабочаго скота—„быдло". Съ этого времени положеніе ихъ становится настолько тяжелымъ, что къ концу XVI столѣтія они цѣлыми толпами убѣгаютъ въ степи, на нижнее теченіе Днѣпра и южнаго Буга.

Глава XIX.

Города и причины упадка ихъ въ XV в.—Мѣры противъ обѣдненія городовъ и „магдебургское" право.—Вліяніе его на сословныя отношенія въ Литвѣ.

Вліяніе Польши, содѣйствовавшее усиленію дворянства на Литвѣ, сопровождалось упадкомъ старинныхъ городовъ, особенно Литовской Руси. Литовское государство по обстоятельствамъ времени стремилось къ созданію по преимуществу военнаго строя. Съ этой цѣлью вел. князья начали раздавать земли въ вотчины съ условіемъ военной службы и съ подчиненіемъ населенія юрисдикція вотчинника или урядника съ изъятіемъ изъ вѣдѣнія города. Такимъ образомъ, съ введеніемъ господарскихъ урядовъ, областной городъ оторвался отъ своей области: мѣсто „вѣча" заступилъ назначаемый великимъ княземъ воевода съ подручными ему старостами, каштелянами и другими державцами; земско-городовое управленіе замѣнено было короннымъ. Вмѣстѣ съ разложеніемъ общины и развитіемъ частнаго землевладѣнія въ XV вѣкѣ замѣчается также слѣдующее явленіе: служилые землевладѣльцы, бояре и земяне, прежде входившіе въ составъ городскихъ обществъ, теперь своими шляхетскими привиллегіями обособились отъ „мѣщанъ" [44], городского торгово-промышленнаго населенія и начали покидать города, селясь въ своихъ вотчинахъ и жалованныхъ имѣніяхъ. Принадлежавшія городамъ области постепенно разлагались на княжескія и панскія вотчины и обезсиленный городъ оставался беззащитнымъ среди этихъ чуждыхъ и часто враждебныхъ ему владѣльцевъ, расхитившихъ его исконную волость. Съ другой стороны города, разоряемые постоянными войнами, много терпѣли какъ отъ нашествія враговъ, такъ и отъ реквизиціи собственныхъ войскъ и къ XV в. многіе изъ нихъ, въ особенности находившіеся на рубежѣ государства, пришли въ состояніе крайняго обѣдненія.

Великокняжескіе урядники, воеводы, каштеляны и старосты также притѣсняли горожанъ и государству, заинтересованному въ развитіи городовъ, какъ средоточій торгово-промышленной жизни страны, пришлось принять мѣры противъ упадка и обнищанія этихъ центровъ. Съ этой

ПРИМѢЧАНІЕ [44]. Отъ слова „miestas"—по литовски городъ.

цѣлью великіе князья начали предоставлять городамъ „нѣмецкое“ самоуправленіе или такъ назыв. *магдебургское право*, еще въ XIII в. вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами проникшее въ Польшу, а немного позднѣе и на Литву. Освобождаясь отъ подсудности воеводъ и другихъ правительственныхъ урядниковъ, жители города—„мѣщане“ получали нѣкоторыя торговыя привиллегіи и льготы по отправленію казенныхъ повинностей. Граматы на магдебургское право давались или по просьбѣ городовъ или независимо отъ таковой самими великими князьями въ видѣ особой милости. Всѣ они по формѣ и содержанію чрезвычайно сходны между собой и, различаясь только въ отношеніи размѣровъ и подробностей городскихъ доходовъ и государственныхъ податей, обыкновенно содержали въ себѣ слѣдующія права и привиллегіи: 1) городъ совершенно освобождается отъ дѣйствія общихъ законовъ и вся законодательная регламентація внутри его предоставляется самимъ горожанамъ, 2) городъ освобождается отъ суда и управленія великокняжескихъ чиновниковъ и получаетъ право самоуправленія по судебнымъ и административнымъ дѣламъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ городъ управляется двумя коллегіями: *лавой*, члены которой („лавники“—присяжные) въ числѣ 12 подъ предсѣдательствомъ назначаемаго вел. княземъ *войта* (нѣм. Vogt) производили судъ надъ горожанами и *радой* съ выбранными изъ числа горожанъ „радцами“ (нѣм.—ratmann) и „бурмистромъ“ во главѣ ихъ, которые завѣдывали дѣлами по хозяйству, торговлѣ, благоустройству и благочинію города [45], 3) городу предоставляются права на поземельную собственность внутри и вокругъ его, 4) жители города, „мѣщане“, получаютъ нѣкоторыя преимущества и льготы въ торговлѣ и ремеслахъ, право въѣзда въ великокняжескіе и частные лѣса для удовлетворенія своихъ нуждъ въ дровяномъ и строительномъ матеріалѣ и пр. 5) мѣщане нерѣдко освобождаются также отъ различныхъ повинностей и пошлинъ (напр. отъ военной службы, подводной и сторожевой повинности, отъ „мыта“ и пр.).

Магдебургское право начало распространяться на Литвѣ еще въ XIV вѣкѣ,; однимъ изъ первыхъ городовъ, получившихъ это право былъ г. Вильно (въ 1387 г.). Будучи первоначально учрежденіемъ для Литвы чуждымъ, оно значительно видоизмѣнялось подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, вслѣдствіе чего въ в. к. Литовскомъ не выработалось одного общаго типа городского самоуправлеаія. Разнообразіе это уве-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [45]. Порядокъ этотъ въ распредѣленіи обязанностей „лавы“ и „рады“ однако постоянно нарушался: число „радцевъ“ и „лавниковъ“ видоизмѣнялось; въ обѣихъ коллегіяхъ нерѣдко предсѣдательствовалъ войтъ, а иногда эти коллегіи сливались въ одно учрежденіе—„магистратъ“.

личивалось еще существованіемъ т. н. „владѣльческихъ“ городовъ, находившихся въ собственности частныхъ лицъ, владѣльцы которыхъ, предоставляя городамъ, съ согласія вел. князя „магдебургію“ [46], оставляли за собой право наблюденія за судомъ, доходами и управленіемъ и тѣмъ самымъ лишали самоуправленіе этихъ городовъ большей части своего значенія. Самое введеніе магдебургскаго права въ городахъ в. к. Литовскаго встрѣчало сильныя затрудненія главнымъ образомъ со стороны господарскихъ намѣстниковъ и старостъ, а ввиду „исключительнаго“ характера этого права, вызвало усиленіе сословной борьбы и возстаніе земскихъ классовъ другъ противъ друга.

Глава XX.

Судъ господарскій (урядовый).—Компетенція его.—Составъ суда и участіе въ немъ населенія.—Судебные чиновники.—Общинный судъ: „судъ на торгу“ и „копные суды“.—Упадокъ общинныхъ судовъ и замѣна ихъ вотчинными.—„Земскій“ и „градскій“ суды. — Измѣненіе судоустройства въ интересахъ шляхты и суд. реформа 1564-1565 гг.—Еврейскій судъ.—Общій характеръ судоустройства в. к. Литовскаго до XVI в.

Въ связи съ измѣненіемъ сословныхъ отношеній въ в. к. Литовскомъ къ концу XIV вѣка, заключавшемся съ одной стороны въ постепенномъ отграниченіи дворянства отъ другихъ сословій, а съ другой—въ стремленіи рядовой шляхты уравняться въ правахъ съ высшей литовской знатью, стоитъ и измѣненіе характера судоустройства великаго княжества. Въ концѣ XIV и началѣ XV вв. высшая судебная власть въ областяхъ принадлежала воеводамъ и старостамъ [47], а въ волос-

---

ПРИМИЧАНІЕ [46]. „Магдебургское право“— особое городское право, впервые появилось въ Германіи къ концу X в. послѣ знакомства германскихъ императоровъ съ итальянскими городами. Оттонъ Великій (912—973 г.), основывалъ саксонскіе города на Заалѣ, Эльбѣ и Одерѣ обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, куда съѣзжались купцы на ярмарку. Впослѣдствіе, когда города высвободились изъ подъ королевской власти, они получили особыя права и привиллегіи (Markrecht, Burgfrieden, Weichbild). Средневѣковое городское уложеніе, обезпечивавшее городамъ широкую автономію, носило характеръ отдѣльныхъ привиллегій, которыя предоставлялись городамъ императ., королями и герцогами за извѣстныя услуги; нерѣдко впрочемъ эти привиллегіи добывались у государей самими городскими общинами силою оружія. Къ концу XII в. появился сборникъ законовъ „Магдебургскаго права“, образовавшійся изъ „Саксонскаго Зерцала“ и древняго городского „шеффенскаго“ права.

ПРИМЕЧАНІЕ [47]. Старосты приравнивались воеводамъ съ тою лишь разницей, что они не завѣдывали военнымъ дѣломъ и потому носили названіе „судовыхъ старостъ“. Чаще всего они встрѣчаются на Волыни, Жмуди и Подоліи.

тяхъ-державцамъ (прежнимъ „тевунамъ") Юрисдикція ихъ простиралась на всѣхъ жителей области, въ томъ числѣ и на урядниковъ воеводства, за исключеніемъ только тѣхъ, которые назначены были великимъ княземъ и панами-радой непосредственно. Кромѣ того былъ цѣлый классъ лицъ, освобожденный отъ мѣстной подсудности и непосредственно подчиненный юрисдикціи вел. князя, таковы: паны—радные, княжата а также (по особымъ привилеямъ) и отдѣльныя лица [48].

Судебная компетенція воеводы простиралась на всѣ дѣла и споры въ предѣлахъ данной области, но существовала также категорія „великихъ" дѣлъ, непосредственно подлежавшихъ великокняжескому суду: такъ напр. споры о господарскихъ имѣніяхъ, дѣла о признаніи въ шляхетскомъ званіи, о лишеніи шляхетской чести, политическія преступленія, безправный грабежъ, убійство и пр. Первоначально, въ XIV и XV вв. судъ урядовый былъ окончательнымъ [49] и потерпѣвшій отъ неправаго рѣшенія долженъ былъ самъ „вѣдаться" съ судьею и съ него искать свои убытки. Однако мало по малу порядокъ этотъ, не удовлетворявшій юридическаго сознанія ни общества ни правительства, все болѣе подвергался ограниченіямъ и вырождался въ порядокъ апелляціонно-кассаціонный. Въ этомъ смыслѣ установленіе по 2-му Статуту 1566 г. апелляціи въ формѣ жалобы вел. князю на лицъ, оправданныхъ мѣстнымъ урядовымъ судомъ, не было кореннымъ нововведеніемъ, а только законодательной формулировкой того, что исподволь подготовлялось самой жизнью и уже негласно дѣйствовало въ судебной практикѣ.

На судѣ воеводъ и старостъ присутствовали и подавали „раду" господарскіе урядники. Иногда къ нимъ присоединялись князья, паны, старшіе бояре и земяне, но они играли пассивную роль и служили главнымъ образомъ въ качествѣ свидѣтелей, на которыхъ можно было ссылаться въ случаѣ вторичнаго возбужденія дѣла. Другая, болѣе важная функція этихъ лицъ, являвшихся представителями мѣстныхъ землевладѣльцевъ, состояла въ сообщеніи судьямъ такъ назыв. „науки", т. е. свѣдѣній о мѣстномъ обычномъ правѣ. Такъ какъ. при слабомъ развитіи публично-правового взгляда на судъ, нормы гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права не затрагивали прямо интересовъ литовскаго

ПРИМѢЧАНІЕ [48]. Отъ суда урядового съ подчиненіемъ непосредственно суду великаго князя обыкновенно освобождались, во избѣжаніе притѣсненій со стороны мѣстныхъ правителей, откупщики мыта, корчомъ, и др. великокянжескихъ доходныхъ статей.

ПРИМѢЧАНІЕ [49]. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ силу областныхъ прививлеевъ, рѣшенія не приводились въ исполненіе безъ великоняжескаго указа.

правительства, то оно нерѣдко полагалось на тѣ свѣдѣнія, которыя давало населеніе въ необходимыхъ случаяхъ. Что же касается вопросовъ о податяхъ и повинностяхъ, то хотя въ нихъ правительство и было заинтересовано непосредственно, однако и въ этой области, вслѣдствіе отсутствія кадастровыхъ книгъ, въ которыхъ бы фиксировались земельныя отношенія и финансовыя повинности населенія и нерегистраціи актовъ состоянія, оно также должно было обращаться къ содѣйствію мѣстныхъ людей. Съ помощью ихъ правительство узнавало и санкціонировало тѣ постановленія обычнаго права, которыя опредѣляли виды и размѣры финансовыхъ обязанностей населенія [50]. Въ этомъ смыслѣ институтъ *присяжныхъ земянъ*, установленный первымъ Статутомъ, былъ развитіемъ стараго учрежденія такихъ судебныхъ помощниковъ.

Воеводы и державцы часто поручали чинить судъ и управу своимъ намѣстникамъ и маршалкамъ, которые являлись такимъ образомъ ихъ замѣстителями. Кромѣ этихъ чиновниковъ были такъ наз. *вижы*, оффиціально удостовѣрявшіе различныя правонарушенія и *дѣцкіе*, о которыхъ литовскіе памятники говорятъ съ самыхъ древнихъ временъ. Спеціальнымъ назначеніемъ „дѣцкихъ" было совершеніе предварительныхъ судебныхъ дѣйствій (вызовъ и допросъ свидѣтелей) а также и исполненіе судебныхъ рѣшеній. Однако дѣцкіе, ввиду преобладающаго частно-правового характера литовскаго процесса, выступаютъ въ немъ не какъ представители государства, а только въ интересахъ и по просьбѣ истца.

Наряду съ судомъ княжескимъ, господарскимъ имѣлъ мѣсто и судъ общинный, наиболѣе распространенными формами котораго въ в. к. Литовскомъ являются: „судъ на торгу" и „копные суды". *Судъ на торгу* (in foro publico, communi), независимый отъ урядоваго суда, просуществовалъ на Литвѣ до 2-го Статута и во всѣхъ памятникахъ прямо противополагается суду княжему. Судъ на торгу состоялъ въ разбирательствѣ дѣла подъ присягою „добрыми людьми", либо по назначенію общины, либо по избранію самыхъ тяжущихся и въ этомъ случаѣ носилъ характеръ третейскаго разбирательства. *Копные суды* возникли на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей оттуда власти надъ ними. Въ „копномъ су-

ПРИМѢЧАНІЕ [50] Литовское правительство часто не знало, какой повинностью обязаны служить государству тѣ или другія лица — боярскою (воинской) или же тяглою. Въ такихъ случаяхъ вопросъ о принадлежности этихъ лицъ къ тому или другому классу рѣшался показаніями населенія. На основаніи такихъ показаній нерѣдко рѣшались также вопросы о принадлежности имѣнія тому или иному лицу, объ основаніи владѣнія недвижимостью и. т. д.

дѣ“ принимали участіе не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, а только домохозяева, имѣвшіе въ ней постоянную осѣдлость; они носили названія „сходатаевъ“, „панове—мужове“, „сосѣдей околичныхъ“. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также и женщины являлись въ собраніе только по особому требованію копы и притомъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній. Сверхъ „сходатаевъ“ на эти суды приглашались „сторонніе люди“, т. е. жители трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два изъ каждаго селенія; они также не принимали участія въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили лишь за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи. Помѣщики и ихъ управители также могли присутствовать на копѣ, не принимая однако въ ней никакого участія. Копные суды дѣйствовали тогда, когда потерпѣвшій созывалъ окольныхъ жителей искать въ своей средѣ преступника для разслѣдованія уголовныхъ дѣлъ; копа обычно собиралась на мѣстѣ преступленія. Копные суды рѣшали также нѣкоторыя гражданскія правонарушенія между сосѣдями (потравы и споры о поземельной собственности) [51] и постановленія ихъ, какъ особый видъ полюбовнаго разбирательства были для сторонъ обязательны. Въ порядкѣ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ—„копному праву“, противополагая его праву „посполитому“, т. е. писаннымъ законамъ Литовскаго Статута. Юрисдикціи копы подлежали всѣ лица не—шляхетскаго званія, имѣвшія свою осѣдлость въ „копной околицѣ“, границы которой не всегда совпадали съ предѣлами волостей, а имѣли самостоятельное происхожденіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ право, по добровольному соглашенію, предоставлять копѣ рѣшеніе возникавшихъ между ними споровъ.

Постепенно однако возраставшая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселянъ, произвела существенныя измѣнененія этихъ народныхъ судовъ: въ XVI вѣкѣ „копные суды“ начинаютъ уже терять свое прежнее значеніе, уступая власть помѣщикамъ, которые сами, нерѣдко въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ на основаніи Литовскаго Статута. „Судъ на торгу“ начинаетъ ограничиваться еще раньше: онъ теряетъ свою прежнюю самостоятельность уже въ XV в. въ періодъ усиленія сословныхъ различій и развитія шляхетскихъ вольностей [52]. Какъ одна изъ главныхъ

ПРИМѢЧАНІЕ [51]. Если предстояло рѣшить споръ о поземельной собствености, то копа собиралась на спорной землѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ [52]. Самостоятельный общинный судъ удерживается въ позднѣйшее время только въ привиллегированныхъ общинахъ съ магдебургскимъ правомъ.

доходныхъ статей, общинный судъ отходитъ частью къ уряду, частью же отчуждается привиллегированному классу пановъ. Право *вотчиннаго суда* помѣщиковъ надъ населенiемъ вотчины возникаетъ съ распространенiемъ на Литвѣ крѣпостного права и развивается параллельно постепенному усиленiю польскаго влiянiя. Сначала это право предоставляется только помѣщикамъ-католикамъ, но съ 1457 г. привилеемъ Казимiра оно распространено и на остальную шляхту [53].

Параллельно съ отдѣленiемъ шляхетства отъ другихъ сословiй в. к. Литовскаго, въ частности въ вопросѣ о подсудности, идетъ процессъ уравненiя рядового дворянства въ правахъ съ высшей знатью литовской и радными панами. Этому процессу содѣйствуетъ еще и слѣдующее обстоятельство. Въ эпоху шестидесятыхъ годовъ XVI в. потребовалась, въ силу военной необходимости, чрезвычайно напряженная сеймовая и военная дѣятельность мѣстныхъ правителей. Для облегченiя воеводъ, старостъ и каштеляновъ, судебныя дѣла шляхетства, согласно реформѣ 1564 г., изъяты были изъ юрисдикцiи урядниковъ и другихъ должностныхъ лицъ и переданы въ *земскiе суды*. Эти учрежденiя установлены были еще въ 1534 г. съ цѣлью придать мѣстному суду такую организацiю, которая исключала бы возможность перерыва въ его функцiяхъ во время отъѣзда великокняжескихъ урядниковъ на сеймы. Дѣло въ томъ, что во время сеймовъ мѣстные суды прiостанавливали свои функцiи, т. к. воеводы, старосты, тевтуны и др. урядники, которымъ въ ряду прочихъ дѣлъ, принадлежала и мѣстная юрисдикцiя, уѣзжали на сеймъ. Сохранялся только великокняжескiй судъ, который, въ силу необходимости, могъ быть данъ только на сеймѣ. Для выполненiя судебныхъ функцiй сеймовъ, переобремененныхъ судебными дѣлами, въ 1529 году учреждены были перiодическiе сеймы радныхъ пановъ сцецiально для суда. Этотъ институтъ „судебныхъ" сеймовъ вызванъ былъ стремленiемъ облегчить функцiи вел. князя и радныхъ пановъ во время общихъ или „вальныхъ" сеймовъ, которые созывались главнымъ образомъ для принятiя мѣръ по защитѣ государства. Первоначально эти „земскiе" повѣтовые суды, учрежденные для разбора гражданскихъ дѣлъ, состояли изъ урядника и двухъ земянъ, избиравшихся должностными лицами этихъ повѣтовъ. Съ 1566 г. составъ земскаго суда мѣняется въ интересахъ мѣстнаго шляхетства предоставленiемъ ему права въ своихъ повѣтахъ избирать по 4 кандидата въ судьи, подсудка и пасаря, всего 12 человѣкъ, утверждавшихся затѣмъ великимъ княземъ по своему выбору. Въ этомъ же году учреждены были

ПРИМЕЧАНIЕ. [53]. Изъ „вотчиннаго" суда изъяты были только нѣкоторыя важнѣйшiя уголовныя преступленiя — поджоги изнасилованiя и т. п. Такiя дѣла разбирались мѣстными правителями.

особые *градскіе суды* для разбора уголовныхъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ воеводы или старосты, въ составѣ 3-хъ судей и писаря, назначаемыхъ воеводой. Судебная реформа 1564—1565 гг. построенная на принципѣ децентрализаціи, дѣлала судъ близкимъ, скорымъ и легко доступнымъ населенію: она увеличила количество судебныхъ учрежденій въ каждомъ повѣтѣ и установила опредѣленные сроки судебныхъ сессій. Этой реформой сдѣланъ былъ также дальнѣйшій шагъ по пути къ уравненію рядового шляхетства съ высшей знатью: отмѣнена была прежняя привиллегированная подсудность вел. князю княжатъ, воеводъ, маршалковъ и др. урядниковъ, которые съ этого времени вмѣстѣ съ остальшляхтой подлежали юрисдикціи общихъ земскихъ судовъ.

Наравнѣ со шляхтой, боярами и другими свободными сословіями литовскіе евреи въ XIV и началѣ XV вв. подчинены были непосредственно вел. князю и установленнымъ отъ него мѣстнымъ властямъ [54]. Юрисдикція „мѣщанскаго войта" не распространялась на евреевъ: по всѣмъ уголовнымъ преступленіямъ они подлежали суду старосты—„еврейскаго судьи" (Judex Judaeorum); по гражданскимъ же дѣламъ между евреями право суда принадлежало еврейской общинѣ и только по желанію самихъ тяжущихся споръ могъ быть перенесенъ на разрѣшеніе „еврейскаго судьи". Съ середины XV в., съ развитіемъ и усиленіемъ общины, судебныя права евреевъ регулируются привилеями, предоставляемыми различнымъ общинамъ на подобіе „магдебургіи". Сущность этихъ привилеевъ заключалась въ освобожденіи евреевъ отъ общей юрисдикціи и передачи ея *еврейскомр войту*, избираемому евреями изъ среды своихъ единовѣрцевъ и пожизненно утверждаемому въ этомъ званіи великимъ княземъ. Компетенція этого войта по дѣламъ самихъ евреевъ была неограничена: евреи обязаны были отвѣчать передъ нимъ по всѣмъ дѣламъ, какъ малымъ такъ и большимъ [55].

Характеризуя судебное устройство Литовскаго государства въ разсматриваемую эпоху, необходимо отмѣтить, что судебныя права, которыми пользовались крестьяне въ своихъ народныхъ собраніяхъ, уже съ конца XV в. стнановятся въ рѣзкое противорѣчіе съ стремленіемъ помѣщиковъ къ неограниченной власти надъ крестьянами. Съ предоставленіемъ помѣщикамъ права жизни и смерти подпавшихъ въ безусловную отъ нихъ зависимость крестьянъ, общинный судъ теряетъ свое значеніе, а судебные приговоры общины, оставаясь безсильными, содѣйствуютъ отмиранію „копного" права. Такое состояніе сельскихъ

ПРИМИЧАНІЕ [54]. „Общественое и юридическое положеніе евреевъ въ Литвѣ до 1569 г." см. Приложеніе

ПРИМИЧАНІЕ [55] По дѣламъ христіанъ съ евреями назначался смѣшанный—„смѣстный судъ", состоящій изъ воеводы или его намѣстника и еврейскаго войта.

общинъ въ XVI вѣкѣ доказываетъ, что установленіе это уже отжило свой вѣкъ; находясь въ противорѣчіи къ новымъ формамъ общественной жизни, оно неминуемо должно было исчезнуть, съ одной стороны вслѣдствіе постепенной замѣны обычнаго права писанными законами, а съ другой — отъ усиленія власти помѣщиковъ надъ крестьянами, усиленія, связаннаго съ нравственнымъ и экономическимъ упадкомъ этихъ послѣднихъ. Въ то же самое время, съ введеніемъ магдебургскаго права, предоставившаго горожанамъ свое особое судоустройство, съ прогрессомъ крѣпостничества, связаннаго съ переходомъ суда надъ крестьянами непосредственно къ помѣщику и съ изъятіемъ шляхетства изъ подъ юрисдикціи воеводъ и старостъ, урядовый и господарскій судъ начинаетъ съуживаться и терять свой прежній общій характеръ. Такимъ образомъ къ концу XVI в., подъ сильнымъ вліяніемъ польскихъ учрежденій, первенствующее значеніе пріобрѣтаетъ шляхетскій „земскій судъ", какъ болѣе соотвѣтствующій интересамъ и главенствующему положенію того сословія, которое съ этого вѣка является руководящимъ судьбами Литвы.

Глава XXI.

Католическая церковь на Литвѣ въ XV м XVI в.в.—Высшее духовенство.—Капитулы и низшій клиръ.—Внутреннее состояніе католической церкви и причины ея упадка.—Положеніе православной церкви въ в. к. Литовскомъ.—Отдѣленіе ея отъ московской митрополіи.—Патронатъ и его вліяніе на церковный развалъ.—Попытки къ оздоровленію православной литовской церкви.

Внутреннее состояніе католической церкви на Литвѣ въ XV и серединѣ XVI вв. являетъ всѣ признаки разложенія и упадка. Великое княжество Литовское дѣлилось на 4 католическихъ епископіи: Виленскую, Жмудскую, Кіевскую и Луцкую; во главѣ каждой изъ нихъ стояли назначаемые великимъ княземъ и утверждаемые Святѣйшимъ Престоломъ епископы. Они являлись руководителями католической церкви на Литвѣ и имѣли широкія полномочія въ области суда и церковнаго управленія; т. н. имъ принадлежала судебная власть по всѣмъ дѣламъ надъ лицами духовнаго званія, а также надъ мірянами по дѣламъ о преступленіяхъ противъ религіи, споры о церковныхъ имуществахъ, брачныя дѣла и др. Наряду съ этимъ, они пользовались на территоріи обширныхъ церковныхъ владѣній неограниченнымъ правомъ гражданскаго и даже военнаго управленія. Доходы ихъ были весьма велики: каждая епископія приносила ежегоднаго дохода около 8000 золотыхъ флориновъ, сумму по тому времени огромную, а виленскій епископъ получалъ со своихъ церковныхъ латифундій даже 40.000 зол. флориновъ ежегодно, не считая прочихъ доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископы, будучи „ex officio" видными членами Сената, занимались государ-

ственными дѣлами въ ущербъ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, принимали въ политической жизни страны дѣятельное участіе. Являясь членами самыхъ аристократическихъ и богатыхъ семействъ, они занимали въ Сенатѣ первенствующее положеніе [56] и, пользуясь, благодаря своему происхожденію и богатству, значительнымъ авторитетомъ среди литовской знати, оказывали существенное вліяніе на внѣшнюю и внутреннюю политику государства.

Такое положеніе дѣлъ объясняется тѣмъ порядкомъ назначенія епископовъ, который практиковался въ в. к. Литовскомъ и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что на должности епископовъ попадали лица не въ зависимости отъ образованія и способностей ихъ къ духовному руководительству народа, а главнымъ образомъ въ силу принадлежности ихъ къ знатнымъ и наиболѣе вліятельнымъ семьямъ литовскихъ магнатовъ. Такимъ образомъ во главѣ литовской католической церкви первой половины XVI в. оказались по большей частью свѣтскіе князья и ловкіе царедворцы, у которыхъ не хватало ни времени, ни склонности надлежащимъ образомъ управлять дѣлами церкви и все вниманіе которыхъ поглощено было стремленію къ славѣ, богатству и удовольствіямъ. Кровь отъ крови, плоть отъ плоти высшей литовской аристократіи, эти князья церкви унаслѣдовали отъ нея всѣ ея недостатки—алчность, властолюбіе и нравственную распущенность и внесли въ духовную среду элементы разложенія и упадка. Развалъ этотъ особенно усилился къ концу царствованія престарѣлаго Сигизмунда I, когда бразды правленія взяла въ свои руки супруга его, королева Бона, ко времени которой относится установленіе порядка „продажи“ епископскихъ должностей.

Въ соотвѣтствіи съ такимъ положеніемъ дѣлъ, низшее духовенство и капитулы также являли картину печальнаго развала, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные акты Виленскаго и другихъ капитуловъ XVI в., а также и донесенія папскихъ нунціевъ [57]. Избраніе въ члены капитуловъ происходило не по желанію епископа или самаго капитула, а по указанію великаго князя. Естественно, что званіе члена капитула, приносившее значительный доходъ и не связанное съ исполненіемъ какихъ-либо обязанностей, предоставлялось великимъ княземъ только угоднымъ ему лицамъ, нерѣдко даже и свѣтскимъ, независимо отъ ихъ знаній и нравственныхъ качествъ. Въ члены капиту-

ПРИМѢЧАНІЕ [56]. Нунцій Commendoni (1563—1564 г.); епископъ Гозій 1551 г. и др.

ПРИМѢЧАНІЕ [57]. Т. н. Сигизмундъ II Августъ предоставилъ званіе Виленскаго каноника одному врачу въ награду за то, что послѣдній вылѣчилъ мать Сигизмунда—королеву Бону.

ловъ посвящались главнымъ образомъ сыновья аристократовъ, иногда даже несовершеннолѣтніе, стремленія которыхъ направлены были къ достиженію почестей и богатства. Рядовое духовенство было не лучше. Состоя въ значительной своей части изъ отбросовъ польскаго клира, безъ надлежащихъ нравственныхъ устоевъ и соотвѣтствующаго образованія [58], оно по примѣру высшаго духовенства и князей церкви погрязло въ алчности, обжорствѣ, пьянствѣ и развратѣ [59]. Оторванность отъ населенія, ввиду незнанія мѣстнаго языка, погоня за наживой и развращенность—всѣ эти признаки одичанія церковной жизни достигли къ серединѣ XVI в. своего апогея и, уменьшивъ внѣшній авторитетъ и внутреннюю силу сопротивленія литовской католической церкви, немало способствовали успѣху тѣхъ новыхъ идей реформаціи, которыя при Сигизмундѣ I занесены были изъ Германіи и Польши и съ необычайной быстротой распространились на Литвѣ.

Православная литовско-русская церковь, въ эту эпоху также переживала тяжелый кризисъ. Политика великихъ князей литовскихъ въ отношеніи ея отличалась неустойчивостью и опредѣлялась съ одной стороны необходимостью считаться съ весьма многочисленнымъ православнымъ населеніемъ Литовской Руси, а съ другой— съ усиленной пропагандой въ этихъ областяхъ польскаго духовенства и стремленіемъ его къ распространенію католицизма. Этой неустойчивостью объясняются тѣ нерѣдко противорѣчивыя привилеи и постановленія великихъ князей литовскихъ въ отношеніи православной церкви, которыя издавались ими въ поріодъ съ XV по первую половину XVI вѣковъ [60].

Борьба съ Москвой и связанное съ этимъ желаніе Литвы освободить свои русскія земли отъ подчиненія московской митрополіи, вызвали стремленіе литовскихъ государей, начиная съ Витовта, къ отдѣленію западно-русской церкви отъ восточной. Послѣ отказа Константинопольскаго патріарха поставить особаго митрополита для Литвы, соборъ зап.-русскихъ епископовъ по настоянію Витовта, поста-

ПРИМѢЧАНІЕ [58]. Въ то время на Литвѣ не было ни одной духовной семинаріи, а на Жмуди даже ни одной низшей школы.

ПРИМѢЧАНІЕ [59]. Донесенія епископа Гозія Петроковскому Синоду 1551 г.

ПРИМѢЧАНІЕ [60]. При Казимірѣ въ г. Вильно основанъ былъ для борьбы съ православіемъ Орденъ бернардинцевъ. Въ 1480 г. запрещено было въ Витебскѣ и Вильно строить православные храмы; въ 1531 г. у Виленскаго католическаго епископа отнято было право судить православныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ православный князь Константинъ Острожскій не могъ быть, въ силу принадлежности къ православію, назначенъ сенаторомъ.

вилъ въ санъ Кіевскаго митрополита Цамблака, который правилъ митрополіей до 1419 г. Въ 1474 г. учреждена была особая зап.-русская митрополія въ Кіевѣ, первый митрополитъ которой Григорій признавалъ Флорентійскую унію, преемники же его дѣйствовали уже въ духѣ православія. Митрополиту Кіевскому, то избиравшемуся церковнымъ соборомъ, то назначавшемуся вел. княземъ и находившемуся въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, подчинены были 8 епископовъ. Особенность литовско-русской православной церкви въ отличіе отъ восточной состояла въ томъ, что въ дѣлахъ ея живое участіе принимали свѣтскія лица [61] и даже городскія общины. Уѣздное и городское духовенство подчинялось соборному протопопу, творившему судъ по дѣламъ церковнымъ, какъ для лицъ духовныхъ, такъ и для мірянъ. Юридическое положеніе православнаго духовенства опредѣлялось великокняжескими привилеями.

Монастыри не принимали участія въ церковной администраціи. Одни изъ нихъ подчинялись непосредственно епископу, другіе—и такихъ было большинство, считались „привиллегированными“ и находились подъ патронатомъ своего строителя или его потомковъ. Такіе монастыри въ церковномъ, экономическомъ и судебномъ отношеніяхъ были совершенно почти независимыми отъ епископа; они составляли какъ бы полную собственность своихъ патроновъ, которые, распоряжаясь назначеніемъ игумена или архимандрита и получая всѣ монастырскіе доходы, имѣли право отчужденія или даже совершеннаго закрытія такихъ монастырей. Подобно монастырямъ и приходскія церкви также раздѣлялись на „привиллегированныя,“ основанныя частными лицами и находившіяся въ ихъ вѣдѣніи и „непривиллегированныя“, находившіяся въ зависимости отъ епископа. Въ этихъ послѣднихъ большое участіе принимали прихожане, какъ въ вопросѣ о назначеніи священника, такъ и въ самомъ управленіи церковью со стороны экономической. Что касается церквей привиллегированныхъ, то патроны, основывая ихъ, предоставляли имъ извѣстные доходы и угодья; въ такихъ церквяхъ патрону принадлежало право назначенія и увольненія священника, также какъ и право передачи и отчужденія патроната. Естественно, что такая зависимость священниковъ отъ произвола отдѣльныхъ патроновъ гибельно отражалась на положеніи православной церкви. Въ священники назначались лица по большей части недостойныя этого званія, безъ всякаго образованія и необходимой подготовки. Невѣжественные, алчные, лишенные всякихъ нравственныхъ устоевъ, они были послушными орудіями въ рукахъ патроновъ

ПРИМѢЧАНІЕ [61]. Самымъ виднымъ изъ такихъ лицъ былъ князь Константинъ Острожскій—покровитель и защитникъ православія на Литвѣ

и, помышляя лишь о пріумноженіи своихъ достатковъ и угожденіи патрону, совершенно не заботились о нуждахъ своей паствы. Введеніе уніи также немало способствовало такому положенію дѣлъ—лучшіе элементы православнаго духовенства относились къ ней отрицательно и постепенно замѣнены были такими, которые, приспособляясь къ обстоятельствамъ, болѣе соотвѣтствовали видамъ правительства и высшаго православнаго духовенства, заинтересованнаго въ упроченіи уніи по соображеніямъ личной выгоды.

Всѣ эти причины повлекли за собой упадокъ нравственности среди православнаго духовенства, развитіе въ немъ корыстолюбія, своеволя и вслѣдствіе низкаго культурнаго уровня священнослужителей, содѣйствовали потерѣ всякаго авторитета ихъ у прихожанъ. Съ этого времени начинается усиленное движеніе среди православнаго населенія, направленное на оздоровленіе церкви. Движеніе это выразилось въ основаніи цѣлаго ряда „братствъ", имѣвшихъ цѣлью вывести православную церковь изъ этого состоянія полной деморализаціи и упадка и содѣйствовать возрожденію ея на новыхъ началахъ.

Глава XXII.

Общая характеристика соціальнаго и государственнаго строя в. к. Литовскаго къ серединѣ XVI в.—Отсутствіе рѣзкихъ классовыхъ перегородокъ. — Постепенное отграниченіе шляхетства отъ другихъ сословій и причины этого явленія.—Процессъ закрѣпощенія литовскаго крестьянства.—Состояніе городовъ и причины ихъ упадка. — Федеративный характеръ литовскаго государства и вліяніе его на судьбы Литвы.

Подводя итоги всему сказанному о внутреннемъ строѣ в. к. Литовскаго ко времени заключенія 2-ой Люблинской уніи, т. е. ко второй половинѣ XVI в., слѣдуетъ прежде всего отмѣтить ту особенность соціальной организаціи литовскаго государства, которая заключалась въ отсутствіи въ немъ до XV в. рѣзкихъ классовыхъ перегородокъ. До XV в. переходъ свободныхъ изъ одного класса въ другой связанъ былъ главнымъ образомъ съ состоятельностью лица. Родъ занятій не пріуроченъ былъ къ тому или иному классу: землевладѣніе, земледѣліе, торговля, ремесла, ссуда денегъ и другія занятія отправлялись каждымъ свободнымъ человѣкомъ по своему собственному усмотрѣнію. Не существовало еще воззрѣнія, что торговая или промышленная дѣятельность несовмѣстимы со званіемъ шляхтича, что землевладѣніе—особая привилегія благородныхъ, ремесла и торговля—спеціальное занятіе мѣщанъ, а панщина—удѣлъ крестьянства. Шляхтичъ торгуетъ, отдаетъ деньги въ ростъ, мѣщанинъ пріобрѣтаетъ населенныя земли, крестьянинъ корчуетъ лѣса, ставитъ борти, ловитъ рыбу, бьетъ звѣря, а накопивъ деньги, самъ становится землевладѣльцемъ. Такъ напр. еще въ половинѣ

XVI в., за взносъ опредѣленной суммы, можно было сдѣлаться „путнымъ бояриномъ“, т. є. лицомъ обязаннымъ только платежемъ „чинша“ или же отбываніемъ взамѣнъ этого „путной службы“ [62]. Точно также слуга какого либо изъ пановъ могъ получить отъ своего господина во временное владѣніе землю подъ условіемъ военной службы, а затѣмъ, получивъ великокняжеское подтвержденіе на это владѣніе, при условіи отбыванія съ него „земской службы“, тѣмъ самымъ становился „земяниномъ“. Никакихъ иныхъ условій не требовалось: ни особго возведенія великимъ княземъ въ шляхетское званіе, ни дарованія новаго герба или сопричисленія къ какому-либо старому шляхетскому гербу [63]. Такимъ образомъ самый фактъ владѣнія землей и отбыванія съ нея земской службы становился неоспоримымъ доказательствомъ шляхетскаго званія. Владѣльцы земель—„земяне“ раздѣлялись на 3 группы: князей, пановъ и шляхту—бояръ. Различіе между этими классами было главнымъ образомъ экономическое. Какъ любой „земянинъ“ могъ сдѣлаться членомъ великокняжеской рады, такъ и наоборотъ, одно происхожденіе отъ удѣльныхъ князей само по себѣ не давало еще никакихъ преимуществъ [64]. До XV вѣка все литовское дворянство представляло цѣлую лѣстницу зависящихъ другъ отъ друга ленниковъ. Отношеніе ихъ къ поземельной собственности были различны, также какъ и неодинаковы ихъ отношенія къ великокняжеской власти: въ то время какъ верхніе слои этой феодальной лѣстницы по своему богатству, родственнымъ связямъ съ вел. княземъ близко стояли къ центральной власти, низшіе слои незамѣтно сливались съ свободными земледѣльцами и городскими общинниками.

Однако уже къ серединѣ XV в. положеніе мѣняется. Литовское рядовое дворянство—шляхта начинаетъ отграничиваться отъ другихъ классовъ и постепенно замыкается въ тѣсныя рамки сословныхъ поня-

---

ПРИМѢЧАНІЕ [62]. „Путная служба“ заключалась въ развозѣ великокняжескихъ посланій, распоряженій и т. п. въ предѣлахъ даннаго дворцоваго имѣнія, а также и въ доставкѣ въ Виленское казначейство доходовъ, собранныхъ съ этого имѣнія.

ПРИМѢЧАНІЕ. [63]. То обстоятельство, что преимущества шляхетскаго званія въ XVI в. тѣсно связаны были съ обладаніемъ поземельной собственностью, ясно подтверждается положеніями 2-го и 3-го Статутовъ „О шляхтичахъ неосѣдлыхъ“, т. е. не владѣвшихъ землею. По этимъ Статутамъ, въ случаѣ обвиненія „неосѣдлыхъ“ шляхтичей въ разбоѣ или въ убійствѣ, они не пользовались преимуществами, предоставленными „осѣдлой“ шляхтѣ, а отвѣчали наравнѣ съ тяглыми людьми.

ПРИМѢЧАНІЕ [64]. Лишь немногіе княжескіе роды пользовались наслѣдственнымъ правомъ быть членамн „рады“. Таковъ напр. родъ кн. Чарторыйскихъ.

тій. Ошибочно было бы эту перемѣну приписывать исключительно вліянію Польши. Въ процессѣ постепеннаго усиленія шляхетскаго сословія на Литвѣ и его привиллегированнаго положенія рѣшающую роль сыграло другое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что съ одной стороны интересы экономическаго и культурнаго развитія страны вели къ дифференціаціи занятій; съ другой—военная оборона в. к. Литовскаго отъ усиливавшейся Москвы требовала кадра служилыхъ людей, всегда готовыхъ къ защитѣ страны: слѣдовательно необходима была соотвѣтствующая организація этого класса. А такъ какъ заботы о безопасности страны занимали первое мѣсто въ ряду другихъ государственныхъ задачъ, то естественно, что и классъ военнослужилыхъ среди остальныхъ классовъ получалъ первенствующее и привиллегированное положеніе. Горожане и крестьяне постепенно устраняются отъ государственныхъ дѣлъ и начинаютъ заниматься преимущественно торговлей, промыслами и земледѣліемъ; спеціальнымъ же призваніемъ шляхетскаго сословія становится государственная служба въ формѣ земскаго ополченія, несенія отдѣльныхъ должностныхъ обязанностей и, наконецъ, сеймовая дѣятельность. Отсюда ведетъ свое начало литовское дворянство и всѣ его права и преимущества, которыя подъ сильнымъ вліяніемъ Польши приняли характеръ шляхетскихъ „привиллегій“ и безсомнѣнно въ значительной мѣрѣ содѣйствовали укрѣпленію и дальнѣйшему развитію этого сословія.

Параллельно съ усиліемъ шляхты идетъ процессъ закрѣпощенія крестьянства, вызванный съ одной стороны необходимостью предоставить служилому сословію возможность наилучшаго выполненія своихъ военныхъ обязанностей, а съ другой—желаніемъ правительства, переносомъ крестьянскихъ повинностей на помѣщика, обезпечить болѣе регулярное поступленіе платежей. Опредѣленныя формы крѣпостное право получаетъ на Литвѣ съ изданіемъ земскаго привилея въ 1457 г., которымъ запрещались переходы крестьянъ съ частныхъ земель на государственныя и наоборотъ; тогда же начинаетъ развиваться вотчинный судъ помѣщика, къ началу XVI в. сдѣлавшійся уже принадлежностью землевладѣнія. Къ серединѣ этого вѣка исчезаютъ и послѣднія отличія въ средѣ разныхъ разрядовъ крестьянъ: всѣ они окончательно сравниваются съ невольной челядью и низводятся до положенія рабочаго скота—быдло.

Усиленіе военнослужилаго класса—дворянства имѣло своимъ послѣдствіемъ также и упадокъ старинныхъ городовъ, особенно Литовской Руси. Съ раздачей вотчиннику земель, находившихся прежде подъ непосредственнымъ вліяніемъ и вѣдѣніемъ областного города, съ введеніемъ господарскихъ урядовъ, областной городъ начинаетъ терять свое зна-

ченіе и приходитъ въ упадокъ. Этому содѣйствовали также и безпрерывныя войны, постоянно разрушавшія и разорявшія города, которые сильно терпѣли какъ отъ нашествія враговъ, такъ и отъ реквизиціи собственныхъ войскъ. Правительство, заинтересованное въ развитіи городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ, вынуждено было принять мѣры противъ обѣдненія и упадка этихъ средоточій, выразившіяся въ предоставленіи городамъ такъ назыв. „магдебургскаго права". Мѣра эта, заключавшаяся въ изъятіи города изъ дѣйствія общихъ законовъ и въ предоставленіи горожанамъ самоуправленія въ администраціи, судѣ и финансахъ дѣйствительно привела къ цѣли и въ значительной мѣрѣ способствала оживленію и росту многихъ городовъ на Литвѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что къ серединѣ XVI в. вел. к. Литовское не представляло изъ себя единаго, централизованнаго организма, а являлось скорѣе федераціей литовско-русскихъ земель съ сильно развитымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ [65]. Это обстоятельство находитъ свое объясненіе въ самомъ процессѣ образованія этого государственнаго организма. Литва столкнулась съ русскою, довольно уже развитою гражданственностью въ такое время, когда сама она у себя еще не выработала ничего прочнаго въ сферѣ государственныхъ и общественныхъ отношеній и идей. Поэтому она вообще лишь весьма незначительно измѣнила установившіеся до нея порядки и, стремясь согласовать ихъ со своимъ господствомъ, старалась только приспособить ихъ къ своимъ цѣлямъ. Съ теченіемъ времени это стало правительственной традиціей, правиломъ, а во многихъ случаяхъ и фактомъ государственнаго права. Съ другой стороны консерватизмъ въ отношеніи къ областному строю вполнѣ гармонировалъ и съ тѣми идеями, которыя давала литовскому правительству съ конца XIV в. государственная жизнь Польши. Польша сама въ то время была похожа болѣе на федерацію, чѣмъ на единое государство въ современномъ смыслѣ этого слова, т. к. и въ ней въ основаніи отношеній центральной власти къ своимъ областямъ положено было начало личной уніи. Этимъ объясняется то, почему различныя земли Литовской державы получали отъ великихъ князей привилеи, которыми утверждалась ихъ „старина" и особо подтверждались права и вольности, дарованныя всему вел. княжеству. Условія, на которыхъ присоединилась къ Литвѣ Жмудь и большая часть западно-русскихъ земель, опредѣлялись въ

ПРИМѢЧАНІЕ [65]. Къ 1569 году в. к. Литовское въ административномъ отношеніи дѣлилось на тринадцать воеводствъ: Виленское, Трокское, Новогрудское, Минское, Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Смоленское, Кіевское, Подольское, Брацлавскіе, Брестское, Волынское и одно княжество: Жмудское.

такъ назыв. „уставныхъ земскихъ граматахъ". Уставныя граматы эти въ ихъ первоначальномъ видѣ были результатомъ компромисса и соглашенія между литовскимъ правительствомъ и населеніемъ присоединяемыхъ областей; постановленія такихъ грамотъ можно считать какъ бы условіями мирныхъ трактатовъ, заканчивавшихъ войну и регулировавшихъ отношенія между побѣдителями и побѣжденными; побѣжденная сторона принимала при этомъ активное участіе въ опредѣленіи условій договора [66]. Этотъ федеративный характеръ, не затрагивавшій мѣстныхъ особенностей и вѣроисповѣдныхъ различій отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ федераціи и дававшій возможность различнымъ народностямъ этихъ областей мирно развиваться подъ защитою своихъ національныхъ традицій, въ значительной степени содѣйствовалъ росту и могуществу литовскаго государства. Однако уже съ конца XV в. этотъ-же федеративный строй явился источникомъ ея слабости и одной изъ причинъ ея упадка: защита государства отъ наступательнаго движенія усиливавшейся Москвы настоятельно требовала согласованности дѣйствій, подчиненныхъ единой волѣ, энергичнаго руководительства и организаціи сильной центральной власти. Передъ такой задачей всѣ мѣстные, сепаратистскіе интересы, казалось, должны были-бы умолкнуть и быть принесены въ жертву идеѣ централизаціи. Однако этого не случилось. Отдѣльныя области по различнымъ соображеніямъ не пошли на встрѣчу этой исторической необходимости, а центральное правительство оказалось слишкомъ слабымъ, чтобы заставить ихъ подчиниться общегосударственнымъ интересамъ. Немалую роль въ пассивномъ отношеніи нѣкоторой части Литовской Руси къ жизненнымъ интересамъ литовскаго государства сыграло вліяніе Польши, которая въ исконные принципы литовскаго правленія внесла элементы національной вражды и религіозной нетерпимости. Такимъ образомъ Москва со своими централистическими тенденціями и едиными національно-вѣроисповѣдными традиціями оказалась сильнѣе Литвы и послѣдней предстоялъ выборъ, съ одной стороны между вѣроятной потерей всѣхъ своихъ русскихъ владѣній, но съ сохраненіемъ независимаго государственнаго существованія въ границахъ этнографическихъ, а съ другой—попыткой отстоять свои русскія земли отъ захвата со стороны Москвы, при условіи, однако, уніи съ Польшей и лишенія части своихъ суверенныхъ правъ. Литва избрала этотъ послѣдній путь.

ПРИМѢЧАНІЕ [66]. Это обстоятельство находитъ себѣ подтвержденіе не только въ самой формѣ уставныхъ граматъ, начинающихся обычно указаніемъ на то, что они составлены по челобитью мѣстнаго населенія, но и въ томъ значительномъ количествѣ нормъ финансоваго, уголовнаго, гражданскаго и процессуальнаго права, издавна существовавшихъ въ мѣстномъ „обычномъ" правѣ, едва-ли извѣстномъ въ в. к. Литовскомъ.

Глава XXIII.

Распространеніе на Литвѣ протестантизма.—Причины быстрыхъ его успѣховъ.— Вліяніе церковной реформаціи на заключеніе 2-ой Любл. Уніи 1569 г.—Подготовка уніи и Варшавскій рецессъ. — Внѣшнее положеніе в. к. Литовскаго къ 1569 г.— Характеръ польско-литовскихъ отношеній въ XIV, XV и XVI вв. — Отношеніе къ уніи различныхъ областей литовскаго государства.

Политическое вліяніе Польши на Литву, содѣйствуя сближенію литовскаго государственнаго строя съ польскимъ, въ XV и первой половинѣ XVI в. явилось поддержкой династическаго союза обоихъ государствъ, то имѣвшихъ отдѣльныхъ государей, то соединявшихся подъ властью одного. Однако стремленія поляковъ къ окончательному присоединенію в. к. Литовскаго къ польской коронѣ встрѣчало до середины XVI в. болѣе или менѣе рѣшительный отпоръ какъ со стороны соб. Литвы такъ и со стороны Литовской Руси. Въ XVI в. сложилось новое сочетаніе обстоятельствъ, закрѣпившее польско-литовскую унію и сообщившее обоимъ государствамъ болѣе единства. Это новое сочетаніе, заключавшееся въ великомъ церковномъ расколѣ западной Европы и церковной реформаціи, сопровождалось чрезвычайно существенными слѣдствіями для всей восточной Европы, въ частности для великаго княжества Литовскаго и особенно для русскихъ его земель. Въ цѣляхъ упроченія династической связи Литвы съ Польшей, правительство послѣдней съ духовенствомъ во главѣ еще въ самомъ началѣ XV вѣка предприняло усиленную пропаганду католицизма среди православной Литовской Руси. Пропаганда эта особеннаго напраженія достигла при Казимірѣ и немедленно вызвала рѣшительный отпоръ со стороны всѣхъ русскихъ земель княжества. Вслѣдствіе этого въ концѣ XV в. началась распаденіе литовскаго государства: нѣкоторые русскіе и даже литовскіе православные князья отходятъ отъ Литвы на службу къ в. к. московскому.

Реформація круто измѣнила отношенія. Протестантскія ученія нашли въ Польшѣ воспріимчивую почву, подготовленную тѣсными культурными связями ея съ Германіей. Еще большіе успѣхи сдѣланы были реформаціей въ Пруссіи. Въ 1525 году отпалъ отъ Римской церкви прусско-тевтонскій орденъ вмѣстѣ со своимъ магистромъ Альбертомъ, который принялъ титулъ герцога и, не жалѣя силъ, очевидно въ надеждѣ на извлеченіе политическихъ выгодъ, усиленно содѣйствовалъ проникновенію и распространенію на Литвѣ новаго ученія; въ орденѣ этомъ впервые стали появляться переводы протестантскихъ сочиненій

на литовскій языкъ. Изъ Пруссіи и изъ Польши протестантизмъ проникъ и въ Литву, гдѣ сразу-же началъ распространяться съ необычайной быстротой. Почву для распространенія протестантизма на Литвѣ подготовили съ одной стороны частыя посѣщенія литовскими дворянами чужихъ странъ (много литовской молодежи училось въ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ университетахъ, избѣгая польскаго-краковскаго), а съ другой—торговыя сношенія съ Германіей и особенно съ Пруссіей; литовское купечество посѣщало Германію, а иностранные купцы, нѣмцы и итальянцы, положительно наводняли литовскіе города въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія. Первыми распространителями протестантизма на Литвѣ явились перешедшій изъ католичества въ лютеранство жмудскій священникъ Тортвилловичъ, вынужденный затѣмъ бѣжать въ Пруссію и Авраамъ Кульва, происходившій изъ знатнаго литовскаго рода и получившій свое образованіе въ различныхъ нѣмецкихъ университетахъ; въ 1539 году онъ возвратился на родину, гдѣ занялся усиленной проповѣдью лютеранства, за что въ 1542 г. изгнанъ былъ эдиктомъ Сигизмунда I изъ предѣловъ государства. Однако замѣнившій его черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого новый апостолъ реформы, нѣмецкій священникъ Винкерле (одинъ изъ видныхъ апологетовъ лютеранства) успѣшно продолжалъ дѣло своего предшественника. Еще быстрѣе прививался въ Литвѣ кальвинизмъ, поддерживавшійся правителемъ Литвы, вліятельнымъ магнатомъ Николаемъ Радвилломъ Чернымъ, двоюроднымъ братомъ королевы Варвары. Познакомившись во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ съ реформаціей, онъ ревностно сталъ распространять ее въ своемъ отечествѣ. Иллюстраціей къ быстрому распространенію протестантизма на Ливтѣ можетъ служить то обстоятельство, что къ половинѣ XVI вѣка въ 700 католическихъ приходахъ едва уцѣлѣла одна тысячная часть католиковъ; остальные прихожане перешли въ протестантизмъ. Такому быстрому росту реформаторскихъ ученій на Литвѣ способствовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, заключавшихся 1) въ сравнительной молодости католицизма на Литвѣ, не успѣвшаго пустить въ народѣ глубокіе корни, тѣмъ болѣе, что католическіе священники не знали литовскаго языка и оставались чуждыми народу, 2) въ упадочномъ состояніи католической церкви этой эпохи съ ея распущенными, алчными и необразованными священнослужителями, 3) въ стремленіи литовскаго высшаго общества къ подражанію иностранцамъ и, наконецъ 4) въ вліяніи гуманизма, идеи котораго сильно распространены были среди литовскихъ магнатовъ XVI вѣка. При наплывѣ новыхъ идей, при великомъ броженіи умовъ, ознаменовавшемся паденіемъ старыхъ вѣрованій, самыя крайнія секты реформаторскаго ученія находили себѣ доступъ и широкую дорогу въ в. к. Литовскомъ. Итальянцы, которые шли еще

дальше Лютера и Кальвина, доходили почти до отрицанія христіанства и принесли съ собой на Литву ученія анабаптизма и соціанства [67]. Слѣдуетъ отмѣтить, что реформаторскія ученія сдѣлались „модными" исповѣдываніями для литовской аристократіи, признакомъ образованія и вывѣской современныхъ понятій. Въ началѣ второй половины XVI в. огромное большинство католическаго дворянства уже перешло на сторону различныхъ протестантскихъ ученій, увлекая за собой и нѣкоторую часть литовско-русской православной знати (Вишневецкихъ, Ходкевичей и др.) При Сигизмундѣ II разновѣріе достигло своего апогея [68]. Католическая религія къ этому времени было сильно подорвана: всѣ лучшія католическія силы или уже измѣнили католичеству или-же колебались въ немъ. Даже многіе латинскіе епископы и священники, внѣшнимъ образомъ сохраняя общеніе съ папскимъ престоломъ, въ то-же самое время проповѣдывали протестантское ученіе и требовали реформы католической церкви [69].

Такіе успѣхи протестантовъ несомнѣнно облегчили заключеніе Люблинской уніи 1569 г. Въ свою очередь протестантское вліяніе ослабило энергію католической пропаганды среди литовской Руси. Сигизмундъ II Августъ, мягкій и праздный гуляка, воспитанный среди новыхъ вѣяній, былъ равнодушенъ къ религіозной борьбѣ и, насколько позволяло ему государственное его положеніе, даже покровительствовалъ новымъ ученіямъ; будучи католикомъ, онъ покровительствовалъ протестантамъ и благоволилъ къ православнымъ. Съ ослабленіемъ католической пропаганды, которую поддерживали прежніе короли,. православное населеніе Литвы перестало относиться боязливо или враждебно къ польскому правительству. Этотъ поворотъ въ народномъ настроеніи литовской Руси и сдѣлалъ возможнымъ продолженіе и закрѣпленіе политической уніи Литвовскаго государства съ Польшей.

Сигизмундъ Августъ приближался къ смерти бездѣтнымъ; съ нимъ гасла династія Ягеллоновъ, а слѣдовательно самъ собой прекращался

ПРИМѢЧАНІЕ [67]. Сектѣ этой особенно протежировали двѣ знатныхъ литовскихъ фамиліи: Кишко и Олесницкіе. Суть соціанскаго ученія, весьма сходнаго съ аріанствомъ, заключается въ отрицаніи 1) Іисуса Христа, какъ сына Божія, 2) первороднаго грѣха, 3) предопредѣленія и благодати.

ПРИМѢЧАНІЕ. [68]. Въ Литвѣ насчитывалось около 80 различныхъ протестантскихъ сектъ.

ПРИМѢЧАНІЕ [69]. Эти бурныя религіозныя движенія а также и опасенія за существованіе самаго католическаго духовенства вызвали среди латинскаго клира реакцію, выразившуюся въ 1569 г. въ призваніи на Литву іезуитовъ.

династическій союзъ обоихъ государствъ. До тѣхъ поръ пока католическая пропаганда, покровительствуемая польскимъ правительствомъ дѣйствовала въ Литвѣ очень напряженно, православное литовско-русское населеніе, составлявшеє около 80% всего населенія в. к. Литовскаго, не хотѣло и думать о продленіи союза. Поднимался тревожный вопросъ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ. Но благодаря вѣротерпимости или благожелательному индифферентизму Сигизмунда Августа, православные перестали пугаться этой мысли. Противодѣйствія продленію уніи можно было ожидать только отъ литовскихъ вельможъ, которые боялись, что ихъ задавитъ польская рядовая шляхта, а литовско-русское дворянство именно потому и желало вѣчнаго союза съ Польшей. Къ тому же, дѣятельно подготовляя унію, Сигизмундъ-Августъ въ цѣляхъ привлеченія на свою сторону православнаго дворянства в. к. Литовскаго, въ 1563 г. издалъ грамату объ уравненіи его въ правахъ съ польской шляхтой римско-католической вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ король рѣшилъ приступить къ энергичнымъ мѣрамъ. На созванномъ въ 1564 г. въ Варшавѣ сеймѣ, на который приглашены были представители литовско-русскихъ чиновъ съ Николаемъ Радвилломъ Чернымъ во главѣ, Сигизмундъ-Августъ отрекся отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ в. к. Литовскаго, передавъ ихъ Польшѣ. Тѣмъ самымъ Польша яко-бы получала право наслѣдованія великокняжескаго Литовскаго престола [70]. На сеймѣ этомъ предложено было, чтобы оба государства соединились воедино съ общимъ государемъ во главѣ и общимъ сеймомъ. Обсужденіе остальныхъ пунктовъ уніи постановлено было отложить до слѣдующаго общаго сейма. Рѣшеніе это, объявленное 13 марта въ „сеймововомъ рецессѣ“ (впослѣдствіи названномъ „Варшавскимъ рецессомъ“) [71], вызвало рѣшительные протесты со стороны литовскихъ делегатовъ, часть которыхъ, въ томъ числѣ князь Радвиллъ, демонстративно покинули сеймъ. Слѣдующіе за этимъ сеймы въ Вильнѣ, Варшавѣ (1564 г.), Брестѣ (1565 г.), Люблинѣ (1566 г.) также не привели къ желательному длл поляковъ соглашенію и вопросъ все еще оставался неразрѣшеннымъ.

На всѣхъ этихъ сеймахъ главнымъ противникомъ соединенія Литвы съ Польшей являлся литовскій канцлеръ Николай Радвиллъ, но въ 1566 году онъ скончался и литовская партія противниковъ уніи

ПРИМѢЧАНІЕ [70]. Передача королемъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Литовскій престолъ не имѣла подъ собой никакихъ юридическихъ основаній, такъ какъ Городельскимъ актомъ 1413 г. установленъ былъ избирательный порядокъ престолонаслѣдія въ в. к. Литовскомъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. [71]. Рецессомъ назывались такія постановленія сеймовъ, которыми извѣстные вопросы, хотя и предрѣшались, но для окончательнаго утвержденія оставались открытыми до ближайшихъ сеймовъ.

лишилась въ немъ самаго горячаго и вліятельнаго заступника самостоятельности литовскаго государства. Къ тому же и внѣшнее положеніе великаго княжества становилось все болѣе и болѣе стѣсненнымъ. Московскій царь продолжалъ наступленіе на восточныя владѣнія великаго княжества и успѣшно продвигался къ самымъ границамъ Литвы, а татары своими безпрерывными набѣгами разоряли южныя окраины государства. Въ то-же самое время шведы, занявъ Эстляндію, съ сѣвера грозили Литвѣ отторженіемъ Ливоніи. Силы одной Литвы въ борьбѣ съ внѣшними врагами были явно недостаточны. Она нуждалась въ деньгахъ, военномъ снаряженіи и солдатахъ—словомъ, ей нужна была поддержка, которую, при данныхъ обстоятельствахъ, можно было ждать только отъ Польши.

Отношенія Литвы къ Польшѣ въ XIV и XV вв. характеризуются крайней неустойчивостью своей. Основаніемъ для первой польско-литовской личной уніи послужило единство внѣшней политики обоихъ государствъ, Литвы и Польши, которыя боролись съ однимъ и тѣмъ же общимъ врагомъ—съ Орденами Тевтонскимъ и Ливонскимъ. Однако борьба съ нѣмцами не всегда въ равной мѣрѣ интересовала поляковъ и литовцевъ. Отсюда происходила непрочность и шаткость польско-литовскихъ уній въ XIV и XV вв.: всѣ онѣ подвергались частымъ нарушеніямъ и расторженіямъ. Такъ, унія 1386 г. держалась всего около шести лѣтъ: Витовтъ устранилъ Ягайло отъ литовскаго княженія и самъ занялъ великокняжескій престолъ. Онъ даже заключилъ союзъ съ ливонскими нѣмцами и дѣйствовалъ не только отдѣльно отъ Польши, но и враждебно по отношанію къ ней. Возобновленная въ 1401 г. унія Литвы и Польши продолжалась до 1413 г., когда вновь она подтверждена была на Городельскомъ съѣздѣ. При Свидригайло Литва опять держалась отдѣльно отъ Польши: между ними шла даже война, причемъ Свидригайло заключилъ оборонительно-наступательный союзъ съ Тевтонскимъ Орденомъ, направленный противъ поляковъ. Съ избраніемъ на великое княженіе Сигизмунда (Кейстутовича) польско-литовская унія снова была возобновлена на Виленскомъ съѣздѣ въ 1432 г., но уже при Казимірѣ вновь возникли крупныя разногласія между Литвой и Польшей по поводу правъ на Волынь и Подолію; Литва готовилась уже къ войнѣ съ Польшей и съ этой цѣлью вступила въ дружескія сношенія съ Орденомъ, прося у него поддержки противъ Польши. Со вступленіемъ на Литовскій престолъ Александра, польсколитовская личная унія снова нарушается и возобновляется лишь въ 1501 г. на Петроковскомъ сеймѣ путемъ избранія Александра королемъ Польши. Съ этого времени личная унія Литвы съ Польшей болѣе уже не прерывалась и старанія поляковъ направлены были на заключеніе прочнаго соединенія съ Литвой въ уніи реальной.

Однако не всѣ части в. к. Литовскаго расположены были къ принятію польско-литовской уніи въ XVI в.: ея хотѣли Волынь и Подляхія, но ей противились соб. литовцы и жмудины, особенно магнаты. Это различное отношеніе къ уніи объясняется тѣмъ, что для отдѣльныхъ земель и областей литовскаго государства вопросъ о польско-литовской уніи имѣлъ неодинаковое значеніе. Соб. Литва, какъ господствующая и руководящая область въ государствѣ, относилась къ ней несочувственно: она знала, что вмѣстѣ съ уніей должна будетъ пасть ея политическая самостоятельность. Иначе смотрѣли на унію юго-западная Русь и особенно Волынская и Подольская земли а также и Подляхія. Волынь больше всего страдала отъ татарскихъ набѣговъ, московско-литовскія же войны мало вредили ей. Тѣмъ не менѣе Волынскіе землевладѣльцы должны были нести на себѣ тягости этихъ войнъ какъ личныя, такъ и податныя, а между тѣмъ Литва не могла въ надлежащей мѣрѣ охранить Волынь отъ татаръ. Главное свое вниманіе Литва обращала на борьбу съ московскимъ государствомъ, такъ какъ именно съ этой стороны надвигалась опасность несравненно болѣе грозная, чѣмъ татарскія нападенія: здѣсь приходилось отражать не хищническіе набѣги, а систематическое наступательное движеніе, имѣвшее цѣлью своей отторженіе Литовской Руси. Въ силу этого Литва не могла оказать необходимую помощь Волыни и Подоліи, а потому земли эти могли найти защиту отъ татаръ скорѣе при соединеніи съ Польшей, чѣмъ оставаясь въ составѣ в. к. Литовскаго; тѣмъ болѣе, что татары представляли такую-же опасность для окраинъ Польши, какъ и для Волыни и Подоліи—это былъ ихъ общій врагъ. Волынскіе землевладѣльцы не мало терпѣли также отъ частыхъ пограничныхъ столкновеній съ поляками, при чемъ трудно было добиться управы по такимъ правонарушеніямъ. Всѣ эти невзгоды пограничнаго положенія Волыни естественно должны были прекратиться послѣ присоединенія ея къ Польшѣ. Что касается Подляхіи, то мѣстныя условія ея также предрасполагали ее къ уніи съ Польшей: высшее сословіе ея было окончательно полонизировано, въ ней дѣйствовали польское право и польскія учрежденія и поэтому вполнѣ понятно было ея тяготѣніе къ Польшѣ. Къ тому же въ Подляхіи преобладала мелко-помѣстная или „убогая" шляхта, тяготившаяся военной службой и налогами, которые приходилось выносить ей въ борьбѣ Литвы съ Москвой—облегченія ихъ она надѣялась получить въ союзѣ съ Польшей. Наконецъ Подолія, какъ пограничная съ Польшей область, испытывала тѣ-же неудобства, что и Волынь и также какъ эта послѣдняя видѣла въ уніи дѣйствительное средство къ ихъ устраненію. Съ другой стороны литовцы и жмудины (какъ уже упомянуто было) рѣшительно настроены были противъ уніи съ Польшей. Въ противовѣсъ полонофильскимъ стремленіямъ своихъ

окраинъ, представители соб. Литвы и Жмуди постепенно начали проводить на сеймахъ другую политическую комбинацію, именно: настаивать на присоединеніи Ливоніи, которое имѣло-бы задачей усиленіе военнаго могущества в. к. Литовскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могло бы нанести ущерба его гегемоніи. Вслѣдствіе стѣсненнаго положенія Ливоніи, которой угрожали Москва и Шведы, усилія эти увѣнчались успѣхомъ и въ 1561 г. Ливонія присоединилась къ Литвѣ въ качествѣ вассальнаго государства. Впрочемъ присоединеніе Ливоніи не принесло ожидавшихся результатовъ, такъ какъ вслѣдствіе собственной слабости этой страны, оно не могло дать Литвѣ тѣ выгоды, на которыя послѣдняя расчитывала.

Всѣми этими обстоятельствами и соображеніями объясняется то, отчего заключеніе польско-литовской уніи, несмотря на усиленныя старанія поляковъ, такъ туго подвигалось впередъ къ своему завершенію не только въ первой половинѣ, но даже и въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Наконецъ, для окончательнаго рѣшенія вопроса объ уніи, Сигизмундъ II Августъ созвалъ на 23 декабря 1568 г. въ г. Люблинѣ общій польско-литовскій сеймъ, открытіе котораго, въ ожиданіи прибытія возможно большаго колчичества депутатовъ, отложено было до начала января 1569 г.

Глава XXIV.

Люблинскій сеймъ 1569 г.—Разногласія литовцевъ и поляковъ. — Отъѣздъ литовскихъ пословъ и репрессіи со стороны короля.—Условія 2-ой Люблинской уніи.— Слѣдствія ея.

Съ первыхъ же дней сеймовыхъ засѣданій между поляками и литовцами возникли ожесточенные споры по поводу той формы, въ какую должно было быть облечено предполагаемое соединеніе в. к. Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Поляки требовали заключенія реальной [72] уніи на основахъ „Варшавской деклараціи“ 1563 года и въ этомъ отношеніи положеніе ихъ на сеймѣ было весьма выгоднымъ. Всѣ польскіе послы отдавали себѣ ясный отчетъ объ уніи, какъ о полномъ почти сліяніи Литвы и Польши подъ преобладающимъ вліяніемъ послѣдней, тѣмъ болѣе, что мысль эта, сложившаяся втеченіе двухвѣковой политики Польши, постепенно подготовлена была уже цѣлымъ ря-

ПРИМѢЧАНІЕ [72]. „Реальныя“ унія въ отличіе отъ „личной“ (предполагающей общность исключительно главы государствъ) состоитъ въ томъ, что соединяющіяся въ унію государства, сохраняя самостоятельность въ дѣлахъ внутреннихъ, подчиняются одному общему верховному управленію (общій глава государства, общая законодательная власть) и во внѣшнихъ сношеніяхъ выступаютъ, какъ единое цѣлое.

домъ предшествующихъ актовъ. На сторонѣ поляковъ былъ также король, властью котораго они могли воспользоваться для принужденія литовскихъ представителей. Наконецъ и внѣшнее положеніе Польши было въ данный моментъ болѣе благопріятнымъ, нежели положеніе Литвы, угрожаемой съ востока и сѣверо-востока Москвой и Шведами. Позиція представителей в. к. Литовскаго [74] была несравненно менѣе выгодной, главнымъ образомъ ввиду отсутствія среди нихъ солидарности по вопросу объ уніи съ Польшей. Эти разнорѣчія въ средѣ литовско-русскихъ делегатовъ вызваны были причинами двоякаго рода. Съ одной стороны причины эти опредѣлялись противоположностью интересовъ рядового литовско-русскаго шляхетства, усматривавшаго въ уніи залогъ дальнѣйшаго расширенія дворянскихъ вольностей и усиленія своего вліянія на дѣла государства—и крупной знати, справедливо предвидѣвшей умаленіе своего прежняго значенія, ввиду численнаго перевѣса рядового дворянства. Съ другой стороны, отдѣльныя части в. к. Литовскаго также различно относились къ уніи, ввиду различныхъ послѣдствій, которыя эта унія имъ предвѣщала. Какъ уже раньше было указано соб. Литва и Жмудь, опасаясь потери своей политической самостоятельности и руководящаго положенія въ государствѣ, относились къ уніи отрицательно, между тѣмъ какъ большая часть Литовской Руси (особенно земли Волынскія, Подольскія а также и Подляхія) ожидали отъ нея значительныхъ выгодъ въ смыслѣ лучшаго обезпеченія внѣшней и внутренней своей безопасности.

Польскій проэктъ уніи, выработанный въ соотвѣтствіи съ польскими планами, краковскимъ епископомъ Падневскимъ, представлялъ собою скрытую инкорпорацію Литвы Польшей и, сохраняя по нѣкоторымъ пунктамъ лишь видимость равноправія, требовалъ а) избранія государя на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ въ Варшавѣ и коронованія его въ Краковѣ, б) общаго сената и сейма по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ, в) общей монетной системы и общей таможенной границы. Въ отвѣтъ на эти домогательства поляковъ литовскіе послы представили свой проэктъ, въ главныхъ чертахъ заключавшій въ себѣ слѣдующія положенія. а) Общій государь свободно избирается на общемъ литовско-польскомъ сеймѣ, созываемомъ на границѣ Литвы и Польши; коронованіе его происходитъ сначала въ Краковѣ польской короной, а затѣмъ и въ Вильно

ПРИМѢЧАНІЕ [74]. Наиболѣе выдающимися представителями в. к. Литовскаго на Люблинскомъ сеймѣ были: виленскій воевода и литовскій канцлеръ Николай Радвиллъ Рыжій, Иванъ Ходкевичъ — староста жмудскій, Евстафій Воловичъ—литовскій подканцлеръ и брестскій староста, князь Константинъ Острожскій — воевода кіевскій, Александръ Чарторыйскій—воевода волынскій и Романъ Сангушко—воевода брацлавскій.

великокняжескимъ вѣнцомъ. б) Общіе польско-литовскіе сеймы созываются только по дѣламъ общимъ для обоихъ государствъ, такъ напр. для избранія государя, рѣшенія вопросовъ о войнѣ и мирѣ и вотированія податей на военныя нужды. Засѣданія этихъ сеймовъ должны происходить поперемѣнно въ Литвѣ и Польшѣ; всѣ остальные вопросы рѣшаются на отдѣльныхъ сеймахъ. в) Сохраняется отдѣльная литовская монета. г) Подолія и Волынь должны быть нераздѣльно связаны съ литовской державой и все литовское государство должно быть строго отграничено отъ польской короны. д) На должности въ Литвѣ могугъ быть назначаемы лица исключительно изъ числа уроженцевъ великаго княжества. е) Инфляндія (Ливонія) остается за Литвой [75].

Условія эти вызвали со стороны поляковъ категорическія возраженія, ввиду чего литовскіе послы, отдѣлившись отъ польскихъ, продолжали засѣданія особо. Когда же въ концѣ февраля окончательно выяснилась непримиримая позиція поляковъ и рѣшительный неуспѣхъ литовскихъ предложеній, большая часть литовскихъ делегатовъ, безъ предупрежденія покинули Люблинъ, демонстративнымъ своимъ отъѣздомъ желая повліять на Сигизмунда-Августа и побудить его смягчить требованія поляковъ. Этотъ шагъ не привелъ однако къ желанному результату. Наоборотъ, онъ оказался едва-ли не ошибкой со стороны литовцевъ, такъ какъ, оставляя дѣло уніи въ польскихъ рукахъ, они предоставляли имъ возможность давленіемъ на отдѣльныя лица и группы, провести желательную имъ унію по частямъ. Дѣйствительно, сеймъ состоявшій почти исключительно изъ однихъ только польскихъ делегатовъ послѣ отъѣзда литовцевъ вынесъ постановленіе объ отдѣленіи Волыни и Подоліи отъ Литвы и о „возсоединеніи“ ихъ съ Польшей. Соотвѣтствующіе королевскіе универсалы подъ угрозой „контумаціи“ [76] и конфискаціи земель, заставили сенаторовъ и пословъ подляшскихъ и волынскихъ вернуться въ Люблинъ для принесенія присяги. Вмѣстѣ съ тѣмъ король привлекъ на свою сторону двухъ вліятельнѣйшихъ магнатовъ Литовской Руси: Кіевскаго воеводу Константина Острожскаго

ПРИМѢЧАНІЕ [75]. Въ 1566 г. герцогъ Курляндскій, стоявшій во главѣ управленія Инфляндіей, замѣненъ былъ литовскимъ Намѣстникомъ со званіемъ Гетмана и Администратора земли Инфляндской; вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что сенаторы и послы Ливоніи впредь будутъ собираться на общіе сеймы съ литовцами. Этими мѣрами сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ по пути сближенія обоихъ государствъ.

ПРИМѢЧАНІЕ [76]. Контумаціей называлось заочное постановленіе противъ лицъ непокорныхъ, мятежныхъ, не явившихся по требованію короля или суда, или самовольно уклонившихся отъ него до окончанія дѣла.

и волынскаго воеводу Александра Чарторыйскаго [77]. Эти два магната увлекли за собой остальную знать Литовской Руси, а рядовое дворянство, и безъ того тяготѣвшее къ шляхетской Польшѣ, радостно привѣтствовало унію.

Послѣ присоединенія такимъ образомъ Подляшья, Волыни, Подоліи и Кіевской земли, литовцы увидѣли безполезность дальнѣйшаго сопротивленія и, вернувшись въ Люблинъ, на засѣданіи 27 іюня выразили согласіе на принятіе всѣхъ пунктовъ предложеннаго поляками проэкта, ходатайствуя лишь о смягченіи нѣкоторыхъ умаляющихъ достоинство Литвы постановленій. Такъ напр., они ходатайствовали объ уничтоженіи изъ текста уніи предисловія о „контумаціи", указывающаго на то, что литовцы, ввиду ихъ самовольнаго отъѣзда съ сейма, приневолены были къ уніи съ качествѣ мятежниковъ властью короля. Они просили также о сохраненіи наряду съ польской также и литовской государственной печати. Однако и эти незначительныя поправки были отвергнуты королемъ и 1 іюля 1569 г. всѣми присутствовавшими послами и сенаторами принесена была торжественная присяга на унію. Послѣ рѣшенія еще нѣкоторыхъ второстепенныхъ техническихъ вопросовъ (о мѣстѣ общихъ сеймовъ, объ Инфляндіи и др.) 12-го августа Люблинскій сеймъ закончился. Здѣсь же совершилось распаденіе сейма на двѣ палаты: на „сенатъ" и „посольскую избу", которая съ этого времени, въ качествѣ представительнаго учрежденія шляхетской демократіи, выступаетъ съ рѣшительными претензіями на преобладающее значеніе въ государствѣ.

Условія 2-ой Люблинской уніи, на „вѣчныя времена" признавшей неразрывность политическаго союза Литвы съ Польшей и давшей соединенному государству окончательное устройство, заключались въ слѣдующемъ. 1) Литва и Польша, первая подъ наименованіемъ Княжества, вторая—Короны, соединяются въ единое государство—„Рѣчь Посполитую" съ единымъ государемъ, избираемымъ на общемъ сеймѣ Короны и Княжества. Коронація государя происходитъ въ Краковѣ, при этомъ къ титулу его присовокупляется титулъ в. к. Литовскаго; отдѣльное избраніе и возведеніе на престолъ вел. князя на Литвѣ прекращается. 2) Верховная законодательная власть принадлежитъ общимъ Сенату и Сейму подъ предсѣдательствомъ короля; сеймъ состоитъ изъ „земскихъ пословъ", избираемыхъ шляхетствомъ по два отъ каждаго повѣта, сенатъ—

ПРИМѢЧАНІЕ [77]. Князь Острожскій былъ могущественнымъ удѣльнымъ владѣльцемъ, хотя и признававшемъ себя поданнымъ короля, но во всякомъ случаѣ былъ богаче и вліятельнѣе послѣдняго: въ Подоліи и на Украинѣ ему принадлежали 35 городовъ и болѣе 700 селъ, съ которыхъ онъ получалъ 10 мил. злотыхъ ежегоднаго дохода.

изъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ Княжества и Короны. Отдѣльные государственные сеймы на Литвѣ уничтожаются. 3) Общія дипломатическія сношенія съ иностранными державами. 5) Общая монетная система. 5) Общія таможенныя границы; всѣ внутреннія таможенныя пошлины, сухопутныя и рѣчныя, кромѣ обыкновенныхъ купеческихъ пошлинъ, отмѣняются. 6) Отмѣняются всѣ изданныя до этого времени постановленія, запрещавшія или ограничавшія пріобрѣтеніе земельной собственности поляковъ въ Литвѣ и литовцевъ въ Польшѣ. 7) Разрѣшается занятіе поляками государственныхъ должностей въ Литвѣ, литовцами въ Польшѣ. 8) Крѣпости и имѣнія, могущія быть отняты у московскаго князя, возвращаются Княжеству или Коронѣ въ зависимости отъ того, кому они принадлежали до отторженія ихъ врагомъ. 9) Инфляндія считается находящейся подъ совмѣстнымъ протекторатомъ Княжества и Короны. 10) Подляхія, Волынь, Подолія и Кіевская область отходятъ отъ Княжества и присоединяются къ Коронѣ. 11) Обѣ союзныя части „Рѣчи Посполитой“ сохраняютъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія самостоятельность и отдѣльную администрацію, въ томъ числѣ: отдѣльныхъ министровъ, отдѣльное войско и отдѣльные законы. 12) Литва сохраняетъ свое особое право согласно Литовскому Статуту. 13) Король подтверждаетъ неприкосновенность всѣхъ прежнихъ шляхетскихъ правъ и вольностей, привиллегій, княжескихъ сословій, почетныхъ и служебныхъ должностей, судовъ, званій и шляхетскихъ родовъ въ соединенномъ государствѣ.

Такимъ образомъ поляки достигли того, чего такъ упорно добивались около 200 лѣтъ, а именно—фактическаго сліянія своего государства съ Литвой и прямого присоединенія къ Польшѣ заманчивыхъ по своимъ природнымъ богатствамъ областей Литовской Руси. Люблинская унія 1569 г. сопровождалась чрезвычайно важными послѣдствіями соціальными, политическими и національно-религіозными не только для Литвы но и для всей восточной Европы, а предоставленіе лицамъ польскаго происхожденія права пріобрѣтать на Литвѣ помѣстья и занимать въ ней государственныя должности повело къ тому, что Литва стала заселяться польскими шляхтичами и крестьянами - колонистами, постепенно вытѣснившими природныхъ литовцевъ; литовскіе города наводнены были польскими купцами и ремесленниками, а съ ними вмѣстѣ стало усиливаться польское вліяніе и быстрымъ темпомъ распространяться на Литвѣ польская культура. Это вліяніе сравнительно высокой польской культуры, само по себѣ весьма естественное и желательное, какъ факторъ прогресса, въ данномъ случаѣ имѣло однако для Литвы неблагопріятныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе слабости и слишкомъ большой отсталости литовской культуры, польское вліяніе оказалось не факторомъ прогресса, способствовавшимъ ея развитію, но

наоборотъ, повело къ полному подавленію и замѣнѣ ея сильной и развитой, но чуждой культурой польской. Литовское дворянство, подчиняясь вліянію Польши, мало по малу лишалось своей національной физіономіи и „ополячивалось“. Со времени 2-ой Люблинской уніи польскій языкъ, польскіе нравы и обычаи стали господствующими при польско-литовскомъ дворѣ и среди литовско-русскихъ магнатовъ и шляхтичей. Уже къ концу XVI вѣка всѣ они говорили исключительно по польски, а помѣстья и города оказались сильно полонизированными. Этой полонизаціи немало способствовала также католическая реакція, наступившая въ началѣ 70-хъ годовъ XVI столѣтія и выразившаяся въ усиленной дѣятельности іезуитовъ на Литвѣ. Такимъ образомъ Литвѣ унія эта не принесла никакихъ почти выгодъ. Военная помощь отъ враговъ, которая вѣдь и являлась главнымъ мотивомъ при заключеніи польско-литовскихъ уній вообще и 2-ой Люблинской въ частности, оказалась ничтожной. Въ то же время прочное объединеніе внѣшней политики Литвы и Польши повело къ тому, что поляки, преслѣдуя свои узко-эгоистическія цѣли, съ одной стороны совершенно игнорировали интересы Литвы, а съ другой—сдѣлали ее орудіемъ своихъ велико-польскихъ плановъ и политическихъ авантюръ. Это участіе Литвы въ агрессивной польской политикѣ стоило ей огромныхъ матеріальныхъ жертвъ и многихъ тысячъ человѣческихъ жизней; а финансовое неустройство и общественная разруха Польши, проникая на Литву, содѣйствовали разложенію государственной и соціальной ея организаціи. Переставъ съ этого времени существовать въ качествѣ самостоятельнаго государственнаго организма, Литва, беззащитная въ борьбѣ противъ естественной и искусственной полонизаціи ея, лишенная національной интеллигенціи, фактически превратились въ одну изъ провинцій Польши и неизбѣжно должна была раздѣлить съ ней ея трагическую судьбу.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Общественное и юридическое положеніе евреевъ въ Литвѣ до 2-ой Люблинской уніи.

Происхожденіе литовскихъ евреевъ и разселеніе ихъ по Литвѣ.--Положеніе евреевъ при Витовтѣ.--Усиленіе еврейской общины при Казимірѣ.—Изгнаніе евреевъ изъ Литвы при Александрѣ и причины этого изгнанія. — Возвращеніе евреевъ.— Положеніе ихъ при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ II Августѣ. — Общинное устройство литовскихъ евреевъ ко времени 2-ой Люблинской уніи.—Антагонизмъ между мелкимъ шляхетствомъ и евреями.—Дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе еврейской общинной организаціи на религіозномъ фундаментѣ.

О времени появленія евреевъ на Литвѣ мы не имѣемъ точныхъ данныхъ. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о нихъ, появляющіяся лишь съ VIII вѣка, указываютъ на то, что они, ведя торговлю, служили посредниками между южно-русскими землями и Прибалтикой, главнымъ образомъ съ городами Данцигомъ, Юлиномъ (Винетта въ Помераніи), а также и съ другими городами на рѣкахъ Вислѣ, Одерѣ и Эльбѣ. Вопросъ о происхожденіи литовскихъ евреевъ былъ предметомъ различныхъ предположеній. Есть основанія полагать, что они явились въ результатѣ смѣшенія двухъ эмиграціонныхъ теченій. Одно изъ нихъ, болѣе раннее, пришло въ Литву съ востока: изъ Арменіи, Крыма, Кавказа и съ Босфора, гдѣ евреи жили съ самаго начала христіанской эры. Другое теченіе, относящееся къ болѣе позднему времени (XII в.), явилось результатомъ преслѣдованія германскихъ евреевъ со стороны крестоносцевъ. Процессъ сліянія этихъ двухъ теченій происходилъ весьма медленно и не вполнѣ законченъ былъ даже еще въ XVIII в. * Вначалѣ евреи жили главнымъ образомъ въ центральной Литвѣ, послѣ же походовъ Гедимина и завоеванія имъ Кіевскихъ и Волынскихъ земель, они изъ этихъ княжествъ усиленно стали разселяться по всѣмъ сѣвернымъ частямъ государства. Существуютъ указанія на то, что эти переселенцы, пользовавшіеся большимъ благосостояніемъ, добились въ княжествѣ Литовскомъ значительнаго вліянія и сразу заняли въ немъ видное положеніе. Ихъ роль въ созданіи новыхъ городовъ и въ

ПРИМѢЧАНІЕ * Еще къ этому времени существовали различія въ діалектахъ, наружности и именахъ собственныхъ.

развитіи уже существовавшихъ, особенно въ княженіе Гедимина, отличавшагося вѣротерпимостью, весьма значительна. О положеніи литовскихъ евреевъ въ послѣдующую эпоху, до вступленія на престолъ Витовта (1392 г.), мало извѣстно. Къ этому времени евреи только такихъ большихъ городовъ какъ Брестъ, Гродно, Луцкъ и др. имѣли болѣе или менѣе прочную общинную организацію. Еврейское же населеніе малыхъ городовъ и деревень, сравнительно бѣдное, въ культурномъ отношеніи отсталое и не знакомое съ еврейской наукой, такой организаціи не имѣло.

Прошло много времени, затрачено было немало усилій, пока разсѣянные по всей Литвѣ еврейскіе поселенцы окрѣпли, создали нѣкоторую общинную организацію и съумѣли добиться у великихъ князей литовскихъ признанія своихъ правъ. Къ числу обстоятельствъ, способствовавшихъ ускоренію этого процесса, слѣдуетъ отнести культурное вліяніе на своихъ литовскихъ собратьевъ польскихъ евреевъ, несомнѣнно болѣе образованныхъ и развитыхъ. Витовтъ, дальновидный и незаурядный государственный дѣятель того времени, скоро понялъ и правильно оцѣнилъ значеніе еврейскаго элемента для поднятія благосостоянія литовскаго княжества. Онъ предоставилъ евреямъ цѣлый рядъ особыхъ правъ и привиллегій: первыми получили привиллегіи трокскіе евреи (14 іюня 1388 г.), затѣмъ брестскіе (1 іюля 1388) и гродненскіе (1389). Согласно постановленіямъ всѣхъ этихъ граматъ, образцами для которыхъ послужили привиллегіи, дараванныя польскимъ евреямъ Казиміромъ Великимъ и еще ранѣе Болеславомъ Благочестивымъ, литовскіе евреи представляются великокняжескими подданными съ подчиненіемъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ непосредственно юрисдикціи великаго князя. По менѣе важнымъ дѣламъ уголовнымъ они, какъ люди свободные, наравнѣ со шляхтой подлежали суду мѣстнаго великокняжескаго урядника. Въ качествѣ „еврейскаго судьи“ на обязанности этого урядника лежала ближайшая охрана неприкосновенности евреевъ, ихъ личности, имущества и богослуженія. Въ то-же время еврейскія общины уже пользовались по нѣкоторымъ дѣламъ значительной автономіей. Такъ напр., судъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ евреевъ между собой находился непосредственно въ рукахъ общины и лишь по желанію самихъ тяжущихся подлежалъ компетенціи „еврейскаго судьи“. Помимо судебной власти еврейской общинѣ предоставлены были и нѣкоторыя другія права надъ своими сочленами. Въ ряду этихъ правъ видное мѣсто занимаетъ право исключенія „подозрительнаго“ человѣка изъ состава общины и объявленіе его внѣ закона (Vogelfrei) * Основаніемъ для развитія на Литвѣ ев-

---

ПРИМѢЧАНІЕ * Это право общины ограничено было однако правомъ исключеннаго изъ общины апеллировать къ старостѣ.

рейскаго общиннаго управленія, заключавшагося въ дѣленіи всего еврейскаго населенія на округа по мѣсту нахожденія синагоги или кладбища, послужили тѣ пункты еврейскихъ привиллегій, которые, подтверждая старинное положеніе о безпрепятственномъ провозѣ евреями своихъ покойниковъ, ставили кладбища еврейскія подъ особую охрану великаго князя, а синагоги подъ надзоръ старостъ. Что касается личныхъ правъ евреевъ, то личная неприкосновенность признавалась за ними наравнѣ со шляхтой *. Религіозная свобода литовскихъ евреевъ ограждалась: 1) установленіемъ наказанія за нарушеніе еврейскаго богослуженія, а также за нападеніе и разрушеніе еврейскихъ кладбищъ, 2) воспрещеніемъ принуждать еврея къ уплатѣ долговъ и вообще къ какому-бы то ни было „отвѣту" въ субботу и еврейскіе праздники. Кромѣ того, основываясь на папскихъ буллахъ, воспрещено было обвинять евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови для религіозныхъ цѣлей и установлена была особая процедура по такимъ дѣламъ **. Вообще изъ привиллегій конца XIV и начала XV вв., данныхъ евреямъ въ княженіе Витовта, можно усмотрѣть, что за ними въ полной мѣрѣ признавалась неприкосновенность жизни (съ приравненіемъ шляхтѣ), собственности, свободы вѣры, передвиженія, право занятія землѣдѣліемъ а также торговлей и ремеслами наравнѣ съ мѣщанами. Наиболѣе состоятельные евреи держатъ на откупу великокняжескіе доходы (таможенный, питейный), являясь незамѣнимыми органами литовскихъ государственныхъ фанансовъ. Большая часть богатыхъ евреевъ владѣютъ имѣніями и селами — этому стремленію къ обладанію землей способствовало выгодное и почетное положеніе землѣвладѣльца, связанное съ понятіемъ шляхетской свободы и независимости, а также и энергичная защита поземельной собственности со стороны правительства. Въ то время какъ болѣе зажиточные евреи владѣли землями, были помѣщиками, еврейская бѣднота, въ особенности на сѣверо-востокѣ Литвы, вплоть до середины XVI в. охотно занималась земледѣліемъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что за исключеніемъ сравнительно небольшого числа зажиточныхъ еврейскихъ откупщиковъ, литовскіе евреи въ громадномъ большинствѣ являлись мало обезпеченными матеріально и въ эту эпоху не представляли еще крупной экономической или политической силы.

ПРИМѢЧАНІЕ * Такъ напр. убійство еврея каралось смертной казнью, а имущество убійцы подлежало конфискаціи въ казну. Виновный въ нанесеніи еврею раны или побоевъ обязанъ былъ уплатить потерпѣвшему такую-же „пеню", какъ и шляхтичу.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Подобнаго рода обвиненіе могло быть предъявлено не иначе, какъ при наличіи не менѣе трехъ свидѣтелей христіанъ и трехъ евреевъ. Лицо, сдѣлавшее ложный доносъ, подвергалось тому самому наказанію, которому подлежалъ-бы обвиняемый, въ случаѣ доказанности его вины (смертная казнь).

Постепенное укрѣпленіе еврейскихъ общинъ повлекло за собой въ эпоху Казиміра, расширенія ея общинныхъ правъ. Грамата трокскимъ евреямъ, пожалованная Казиміромъ въ 1441 г., закрѣпляя эти права, заключалась въ предоставленіи евреямъ привиллегіи на подобіе „магдебургскаго права". По этой привиллегіи евреи освобождались отъ всякой иной юрисдикціи, кромѣ юрисдикціи такъ назыв. *еврейскаго войта*, избиравшагося самими евреями изъ числа своихъ единовѣрцевъ и утверждавшагося пожизненно въ этомъ званіи королемъ. Широкая компетенція еврейскаго войта, не ограниченная родомъ дѣлъ и принадлежавшее ему право наложенія наказаній и денежныхъ штрафовъ по всѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ между евреями, устраняли всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла общины со стороны другихъ властей. Съ этого времени авторитетъ еврейской общины, опиравшійся уже не на добровольное подчиненіе евреевъ своему суду (какъ при Витовтѣ), а на возможность физическаго принужденія членовъ общины, значительно усилился. Предоставленіе-же общинѣ права на самостоятельные общинные доходы, * права, снабженнаго принудительной санкціей, подводило подъ эту организацію и прочный матеріальный фундаментъ.

Благосклонное отношеніе литовскихъ государей къ своимъ подданнымъ евреямъ неожиданно нарушено было въ 1495 г. в. к. Александромъ изданіемъ указа, по которому евреи, жившіе въ Литвѣ обязаны были немедленно покинуть страну **. Причины, вызвавшія изданіе указа 1495 г. о выселеніи, заключались: 1) въ религіозномъ фанатизмѣ Александра, находившагося подъ вліяніемъ съ одной стороны католическаго духовенства, а съ другой—жены своей Елены Василевны (дочери московскаго великаго князя), 2) въ расчетѣ великаго князя замѣнить евреевъ въ финасовыхъ отправленіяхъ государства гражданами-христіанами, особенно нѣмцами—колонистами, 3) въ финансовыхъ затрудненіяхъ вел. князя, задолжавшаго евреямъ-откупщикамъ и арендаторамъ значительныя суммы и желавшаго съ одной стороны путемъ изгнанія избавиться отъ своихъ кредиторовъ, а съ другой—конфискаціей въ свою казну имущества изгнанныхъ евреевъ поправить матеріальное свое положеніе.

Вскорѣ однако Александръ разочаровался въ результатахъ своего постановленія и, сильно нуждаясь въ средствахъ для веденія

ПРИМѢЧАНІЕ * Въ пользу общины шла половина доходовъ съ „вѣсовъ" и съ вытапливанія воска.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Часть изгнанниковъ направилась въ Крымъ, подавляющее же большинство—осѣла въ Польшѣ, гдѣ съ разрѣшенія короля Яна Ольбрахта поселилось въ городахъ, расположенныхъ вблизи литовской границы.

войны съ Москвой, рѣшилъ отмѣнить этотъ указъ тѣмъ болѣе, что евреи, стремясь вернуться на родину, предлагали великому князю и его приближеннымъ выгодныя условія. Въ результатѣ обоюднаго соглашенія евреямъ разрѣшено было вернуться въ Литву на слѣдущихъ основаніяхъ: всѣмъ изгнаннымъ евреямъ 1) предоставлялось право вернуться на свои прежнія мѣста, 2) возвращалось конфискованное вел. княземъ движимое и недвижимое имущество *, 3) разрѣшалось взысканіе по всѣмъ долговымъ обязательствамъ, выданнымъ евреямъ еще до ихъ изгнанія и 4) вмѣнялось въ обязанность ежегодно ставить для военной службы отрядъ, состоящій изъ 1000 всадниковъ **. Сверхъ того они обязались ежегодно выплачивать крупныя суммы мѣстнымъ властямъ. Такимъ образомъ евреи снова водворились въ Литвѣ. Пребываніе ихъ въ изгнаніи, связанное съ завѣтной мечтой о возвращеніи на родину, объединило всѣхъ литовскихъ евреевъ и положило начало такимъ отношеніямъ и связямъ между ними, о которыхъ не могло быть рѣчи до изгнанія, когда каждая община жила своей обособленной жизнью.

Этому способствовалъ характеръ правленія преемника Александра, Сигизмунда I, хотя и ревностнаго католика, но совершенно свободнаго отъ рассоваго фанатизма. Лишенный религіозной нетерпимости, онъ спокойно относился къ росту и усиленію еврейскихъ общинъ, изъ которыхъ наиболѣе цвѣтущими были общины Брестская, Гродненская, Трокская, Пинская, Острожская, Луцкая и Тыкоцынская. Члены этихъ общинъ юридически находились даже въ лучшемъ положеніи, нежели мѣщане, хотя фактически встрѣчали немалыя препятствія въ осуществленіи своихъ правъ. Впрочемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ богатыхъ откупщиковъ, литовскіе евреи какъ уже упомянуто былой не являлись въ эту эпоху крупной экономической или политической силой. Послѣ вступленія на престолъ Сигизмунда II Августа отношеніе къ евреямъ со стороны правительства не измѣнилось къ худшему. Придерживаясь той-же политики вѣротерпимости и полнаго невмѣшательства въ дѣла религіозныя, Сигизмундъ II относился къ евреямъ съ такой-же толлерантностью, какъ и къ лютеранамъ и кальвинистамъ, число которыхъ къ этому времени особенно возрасло. Вплоть до 2-й Люблинской уніи литовскіе евреи, за весьма малыми исключеніями, жили на великокняжескихъ земляхъ и, въ качествѣ поданныхъ вел. князя, пользовались

ПРИМѢЧАНІЕ * Если имѣніе, конфискованное у еврея, отдано было частному лицу, то еврею предоставлялось право выкупа этого имѣнія съ уплатой собственнику всѣхъ расходовъ по этому имѣнію.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Постановленіи это, отмѣненное въ 1514 г., замѣнено было постоянной податью въ 1000 червоныхъ злотыхъ.

полнымъ его покровительствомъ *. Права, предоставленныя евреямъ, мало отличались отъ правъ шляхетскихъ—наиболѣе значительные евреи въ оффиціальныхъ документахъ титуловались „панами" и подобно дворянамъ носили при себѣ сабли, золотыя цѣпи и кольца съ изображеніями своихъ гербовъ.

Общинное устройство литовскихъ евреевъ, чуждыхъ до середины XVI в. узкаго правовѣрія и религіознаго стародумства, представляются въ разсматриваемую эпоху въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ каждой общины стояли избранные ею представители—*старшіе* **, которые представляли ее во всѣхъ ея внѣшнихъ сношеніяхъ: ходатайствовали о выдачѣ граматъ, отвѣчали отъ имени общины на судѣ и пр. Функціи этихъ „старшихъ" не имѣли ничего общаго съ религіозными отправленіями общины. Старшіе подъ предсѣдательствомъ раввина составляли коллегію, въ компетенцію которой входило сужденіе по всѣмъ дѣламъ между евреями, за исключеніемъ только „особыхъ" дѣлъ, отнесенныхъ къ суду великокняжескаго намѣстника. По всѣмъ дѣламъ нерелигіознаго характера допускалась апелляція къ суду намѣстника, а затѣмъ и великаго князя. Апелляція по дѣламъ духовнымъ на рѣшенія раввина допускалась въ видѣ обращенія къ „старшимъ раввинамъ городовъ великаго княжества". Съ согласія „старшихъ" раввину предоставлялось право подвергать виновныхъ отлученію, а также примѣнять къ нимъ и другого рода наказанія, сообразно съ еврейскими законами и обычаями. Въ компетенцію этого духовнаго суда входили какъ вопросы, связанные съ религіей, такъ и вопросы частно—правового характера по дѣламъ евреевъ между собой. По дѣламъ христіанъ съ евреями судилъ „еврейскій судья"—староста или намѣстникъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что до 2-ой Люблинской уніи отношеніе евреевъ къ своему собственному духовному суду не отличалось уваженіемъ: евреи нерѣдко въ обходъ его обращаются къ суду общему. Вообще до середины XVI в. взаимоотношенія литовскихъ евреевъ не успѣли еще принять строго національнаго оттѣнка, жизнь ихъ еще слабо окрашена узко-религіозными вѣрованіями, а представленіе о всѣхъ евреяхъ, какъ о *единой* общинѣ еще не привилось къ сознанію ихъ.

Къ серединѣ XVI в. наблюдается усиленіе антагонизма между мелкимъ дворянствомъ и евреями. Отношенія становятся все болѣе и

ПРИМѢЧАНІЕ * Шляхтѣ воспрещено было безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія вел. князя строить на своей землѣ синагоги. Постановленіе это обезпечивало пребываніе евреевъ на великокняжескихъ земляхъ и значительныя матеріальныя выгоды, связанныя съ этимъ для князя.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Впервые это названіе въ приложеніи къ представителямъ общины встрѣчается подъ 1549 г.

болѣе натянутыми. Вызванная первоначально экономическими причинами и конкурренціей въ торговлѣ, вражда эта поддерживалась и всемѣрно подогрѣвалась католическимъ духовенствомъ, открывшимъ въ то время походъ противъ еретиковъ. Преслѣдованія евреевъ и кровавые навѣты на нихъ со стороны мелкой и средней шляхты доходили до того, что великій князь въ 1566 г. особымъ указомъ объявилъ о запрещеніи самочинныхъ выступленій противъ евреевъ и вновь подтвердилъ, что обвиненія въ ритуальныхъ убійствахъ или оскверненіи гостіи подлежатъ суду самого великаго князя; при этомъ обвиненіе можетъ считаться доказаннымъ лишь на основаніи свидѣтельскихъ показаній не менѣе 3-хъ христіанъ и 3-хъ евреевъ. Въ случаѣ недоказанности преступленія, обвинитель подлежитъ смертной казни, а имущество его конфискаціи въ казну. Эта борьба шляхты противъ еврейства нашла свое завершеніе въ Литовскомъ Статутѣ 1566 г., который насквозь проникнутъ ограничительными анти-еврейскими тенденціями *.

Впрочемъ, Сигизмундъ II Августъ съумѣлъ на время парализовать эти антиеврейскія стремленія шляхетства и добился даже отмѣны цѣлаго ряда ограничительныхъ постановленій; въ этомъ же направленіи дѣйствовала и обширная организація литовскаго еврейства, къ тому времени значительно выросшая и окрѣпшая. Съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей, съ паденіемъ престижа исполнительной власти, связаннымъ съ расцвѣтомъ сословныхъ привиллегій и торжествомъ права сильнаго, отдѣльная личность оказалась беззащитной и должна была искать опоры въ прочномъ союзѣ лицъ, связанныхъ не столько совмѣстнымъ пребываніемъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а гораздо болѣе крѣпкими, внутренними узами. Литовскіе евреи открываютъ такую связь въ единствѣ вѣры, что въ свою очередь способствуетъ укрѣпленію у нихъ общинныхъ учрежденій. Изъ Польши Литва получила магдебургское право, корпораціи, цехи и шляхетскія вольности; оттуда-же появились талмудъ, еврейская автономія и „кагальная" солидарность. Вотъ какъ характиризуетъ проф. С. Бершадскій религіозный моментъ и его роль въ развитіи еврейской общинной организаціи на Литвѣ. „Передъ смущенными евреями Литвы съ безпощадной очевидностью возникалъ вопросъ: быть имъ рабами или свободными. Безъ опоры общины отдѣльный еврей чувствовалъ себя безсильнымъ; община же могла тогда опереться только на религіозныя начала,

---

ПРИМѢЧАНІЕ * Внѣшнее выраженіе эти тенденціи нашли въ XII отдѣлѣ Статута, въ которомъ говорится о запрещніи евреямъ впредь носить дорогія одежды, серебряныя и золотыя украшенія, сабли, кинжалы и т. п. Евреи должны были носить особую отличительную одежду, по которой ихъ можно узнать издали, а именно: мужчины - желтыя шапки, а женщины—платки изъ матеріи желтаго цвѣта.

краеугольнымъ камнемъ которыхъ являлся талмудъ. Подъ его сѣнью община быстро обращалась въ безусловно послушное, крѣпко стоявшее за каждаго изъ своихъ членовъ единство. Но взамѣнъ этихъ благъ на каждаго индивида налагались мелко-тканныя, тяжкія цѣпи. Свободѣ личности, свободѣ духа, свободѣ домашняго обихода община налагала суровыя, мелочныя и неотмѣнныя ограниченія. А за предѣлами общины ожидало не только духовное, но и тѣлесное рабство. Смущался умъ и трепетало сердце... Но выбора не было... И надъ смущеннымъ еврействомъ Литвы богомольный талмудъ распахнулъ свои цѣпкія крылья..."

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Сеймы в. к. Литовскаго и ихъ происхожденіе

Идея народнаго участія въ государственномъ управленіи и ея происхожденіе.— Областные сеймы в. к. Литовскаго; ихъ компетенція и составъ.—Причины, вызвавшія къ жизни „вальныя" сеймы литовскаго государства.—Составъ ихъ.—Военные сеймы и ихъ недостатки.—Начало сеймового представительства. —Сеймовая реформа 1565 г. и повѣтовые сеймики. — Судебныя функціи вальнаго сейма.—Компетенція его.—Созывъ.— Постановка рѣшеній и „liberum veto". —Общія замѣчанія.

Въ старину князья, не будучи въ состояніи удовлетворить всѣ потребности государственной жизни при помощи однихъ только своихъ слугъ, должны были прибѣгать къ содѣйствію населенія. Такъ возникло весьма широкое участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ въ формѣ вѣчевыхъ собраній, всенароднаго ополченія, отправленія отдѣльныхъ государственныхъ функцій—должностей и т. д. Это участіе населенія въ государственной жизни въ позднѣйшія эпохи характеризуется какъ *право* народа, ограничивающее власть правительства; этого права добиваются, имъ дорожатъ. Въ древности наоборотъ: это была тяжелая *необходимость*, „conditio sine qua non" государственнаго существованія, вызываемая не опасеніемъ произвола и злоупотребленіемъ власти со стороны правительства, а состояніемъ полной его безпомощности. Сначала весь народъ участвовалъ въ государственной дѣятельности, которая имѣла какъ-бы форму народной самопомощи. Но такой порядокъ не могъ продолжаться постоянно безъ ущерба для развитія культуры. Интересы торговли и промышленности повели къ тому, что этимъ занятіямъ стали посвящать себя лица, не отвлекаемыя необходимостью участія въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны лучшей организаціи государственной службы можно было достигнуть лишь путемъ выдѣленія для этой цѣли одного спеціальнаго общественнаго класса, который, пользуясь имущественной обезпеченностью, могъ бы сосредо-

точивать свое исключительное вниманіе на дѣлахъ государственныхъ. Другими словами, потребности экономической культуры и государственной службы должны были рано или поздно вызвать указанную специализацію занятій. Причины, вызвавшія къ жизни сеймы в. к. Литовскаго заключалась въ тѣхъ-же потребностяхъ, которыя лежали въ основаніи древне-русскихъ вѣчъ. Эти всенародныя вѣча съ теченіемъ времени превратились въ шляхетскіе сеймы литовско-русскихъ земель, именно благодаря той дифференціаціи занятій, которая, какъ уже выше указано было вызывалась интересами прогрессирующаго народнаго хозяйства и болѣе совершенной постановкой государственной службы.

Прототипомъ общаго или „вальнаго" сейма в. к. литовскаго явились областные, мѣстные сеймы отдѣльныхъ земель, входившихъ въ составъ вел. княжества; поэтому для выясненія процесса образованія вальнаго сейма необходимо предварительно ознакомиться съ дѣятельностью областныхъ сеймовъ. Въ общихъ чертахъ дѣятельность ихъ заключалась: 1) въ избраніи великаго князя литовскаго и 2) въ рѣшеніи вопросовъ, вызванныхъ борьбой съ внѣшними врагами: опредѣлялся размѣръ военной повинности, устанавливались налоги на наемныя войска, заключались союзы. Мѣстные сеймы занимались и законодательными работами; важнѣйшіе законодательные памятники Литвы, какъ напр., уставныя и шляхетскія граматы, изданныя до появленія Статута, слагались на мѣстныхъ сеймахъ, т. е. при непосредственномъ участіи шляхты. Кромѣ того на областныхъ сеймахъ нерѣдко разсматривались судебныя дѣла; въ такихъ случаяхъ обыкновенно судилъ великій князь съ панами радными, но иногда къ рѣшенію этихъ дѣлъ привлекались и представители сеймовой шляхты.

Характеризуя областные сеймы в. к. Литовскаго со стороны ихъ личнаго состава, необходимо отмѣтить, что въ ихъ засѣданіяхъ обыкновенно принималъ участіе великій князь, если только онъ находился въ Литвѣ, а не въ предѣлахъ Польши. Съ ростомъ Литвы и подчиненіемъ ей цѣлаго ряда новыхъ владѣній присутствіе великаго князя литовскаго на мѣстныхъ сеймахъ сдѣлалось за недостаткомъ времени весьма затруднительнымъ и не всегда возможнымъ. Все-же великіе князья отъ поры до времени предпринимали объѣзды подвластныхъ имъ земель и тѣмъ, конечно, способствовали укрѣпленію связи ихъ съ Литвой *. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вел. князья лично не присутствовали на

ПРИМѢЧАНІЕ * Такъ напр. въ 1428 г. Витовтъ, объѣзжая подчиненныя ему области, побывалъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ и Луцкѣ. Вел. князь Казиміръ по окончаніи литовскаго сейма 1451 г. отправился въ русскія области: Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ, гдѣ оставался втеченіе почти всей зимы.

засѣданіяхъ мѣстныхъ сеймовъ, они отправляли туда своихъ делегатовъ или же письменныя посланія, въ которыхъ опредѣляли предметъ сеймового обсужденія. Рѣшенія областныхъ сеймовъ, состоявшіяся въ отсутствіи великаго князя, представлялись ему на утвержденіе. Кромѣ различныхъ должностныхъ лицъ церковнаго и свѣтскаго управлнния, въ составъ областныхъ сеймовъ входили всѣ мѣстные землевладѣльцы, т. е. князья, паны, бояре и земяне *, въ средѣ которыхъ различались съ одной стороны болѣе крупные вотчинники, принимавшіе активное и постоянное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а съ другой—средніе и мелкіе землевладѣльцы, первоначально игравшіе въ общественной жизни страны болѣе случайную и пассивную роль.

Таковыми были въ общихъ чертахъ компетенція и составъ мѣстныхъ сеймовъ, явившихся готовымъ элементомъ общаго или „вальнаго" литовско-русскаго сейма. Недоставало только связующаго начала, той движущей силы, которая сплотила бы ихъ въ единое цѣлое. Такимъ связующимъ моментомъ послужила опасность со стороны Москвы и крымскихъ татаръ, которой подвергалось в. к. Литовское въ концѣ XV в. Къ этому именно времени (къ 1492 г.), относится первое опредѣленное и несомнѣнное свидѣтельство объ общемъ литовско-русскомъ сеймѣ, какъ собраніи представителей отдѣльныхъ областей государства **. До образованія общаго сейма различныя области Литовской федераціи были соединены съ Литвой главнымъ образомъ личностью великаго князя; съ возникновеніемъ-же общаго сейма появился новый органъ государственной связи между этими землями, въ которомъ выразилось не только единство власти, но и единство населенія. Такимъ образомъ учрежденіе это знаменовало собой высшую стадію государственнаго объединенія отдѣльныхъ земель великаго княжества.

Какъ уже было указано, главнѣйшей причиной образованія общихъ или „вальныхъ" сеймовъ в. к. Литовскаго явилась необходимость борьбы за существованіе, ввиду военныхъ опасностей, грозившихъ Литвѣ особенно со стороны Москвы и крымскихъ татаръ. Эта необходимость вызвала концентрацію государственныхъ служебныхъ силъ и сосредоточеніе ихъ дѣятельности на задачахъ обороны, которая оказалась не подъ силу одной княжеской власти, вслѣдствіе ея слабости. Съ другой стороны послѣ столкновенія Литвы съ Москвой необходимъ былъ высокій подъемъ и напряженіе личныхъ силъ и имущественныхъ средствъ населенія всѣхъ областей, входившихъ въ со-

ПРИМѢЧАНІЕ * На смоленскихъ, полоцкихъ и витебскихъ сеймахъ участвовали еще и мѣщане.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Сеймъ этотъ созванъ былъ послѣ смерти Казиміра для избранія ему преемника.

ставъ в. к. Литовскаго. Необходимы были согласныя и авторитетныя рѣшенія по всѣмъ этимъ дѣламъ, рѣшенія, которыхъ можно было достигнуть только на общихъ сеймахъ, гдѣ легче было столковаться; при обсужденіи ихъ на мѣстныхъ сеймахъ неизбѣжно обнаружились бы рознь и сепаратизмъ отдѣльныхъ областей. Этими же причинами объясняется также возникновеніе и польско-литовскихъ сеймовъ, которые должны были (до 1569 г.) собираться по дѣламъ уніи, т. е. по вопросамъ военной обороны. Польско-литовскіе сеймы, учрежденные на основаніи Городельской уніи 1413 г., не привились однако къ жизни и собирались изрѣдка лишь до тѣхъ поръ, пока соблюдалась эта унія. Прочное же и окончательное установленіе польско-литовскаго сейма послѣдовало въ 1569 г.; оно также вызвано было необходимостью замѣнить существовавшую до того времени личную унію Литвы съ Польшей болѣе тѣсной государственной связью, необходимостью, которая подсказывалась интересомъ совмѣстной борьбы противъ Москвы *. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что потребности военной борьбы и защиты государства составляли зиждительное основаніе общихъ литовско-русскихъ и литовско-польскихъ сеймовъ; функціи же законодательства и суда только привключены были въ ихъ компетенцію: первая—по соображеніямъ необходимости, вторая по—соображеніямъ удобства.

Если „великіе“ или „вальные“ сеймы в. к. Литовскаго обязаны своимъ происхожденіемъ по преимуществу внѣшней опасности, грозившей существованію государства, то понятно, что въ составъ его входили тѣ лица, которыя призваны были защищать это государство. Первая роль въ этомъ отношеніи принадлежала великому князу, который былъ необходимымъ участникомъ вальныхъ сеймовъ, какъ высшій органъ внѣшней защиты государства. Хотя великій князь также и судилъ на сеймахъ, но разбирательство судебныхъ дѣлъ на сеймахъ было лишь допустимымъ и терпимымъ явленіемъ—функціи эти стояли на второмъ планѣ. При существованіи личной уніи между Польшей и Литвой великій князь не всегда могъ участвовать въ вальныхъ сеймахъ, т. к. дѣла Польши часто отвлекали его изъ Литвы на болѣе или менѣе продолжительное время. Поэтому вальные сеймы иногда собирались въ отсутствіи великаго князя и въ такихъ случаяхъ между нимъ и сеймовыми чинами велись дѣятельныя сношенія какъ въ фор-

ПРИМѢЧАНІЕ * Это видно изъ того обстоятельства, что при обсужденіи Люблинской уніи литовскіе делегаты проэктировали ограничить вѣдомство учреждаемаго общаго сейма. Ему должны были быть предоставлены: 1) избраніе общихъ государей, 2) рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, 3) вотированіе податей на военныя нужды. Всѣ прочія дѣла, касающіяся каждаго государства въ отдѣльности, должны были быть рѣшаемы на мѣстныхъ сеймахъ.

мѣ переписки, такъ и черезъ посредство пословъ. Вел. князь ставилъ вопросы, подлежавшіе разсмотрѣнію сейма, давалъ инструкціи раднымъ панамъ, утверждалъ состоявшіяся постановленія сейма. Однако отсутствіе государя весьма отрицательно отражалось на дѣятельности сеймовъ; личные счеты радныхъ пановъ и мѣстный сепаратизмъ областныхъ землевладѣльцевъ особенно обнаруживались на засѣданіяхъ, происходившихъ въ отсутствіи государя *. Великій князь съ одной стороны въ качествѣ носителя высшаго авторитета и государственной идеи, а съ другой—въ качествѣ крупнаго магната-помѣщика и владѣльца многихъ земель, городовъ, дворовъ и волостей, пользовался значительнымъ вліяніемъ въ государствѣ и по отношенію къ сейму держался самостоятельно: нерѣдко онъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ на ходатайства сеймовыхъ „становъ". Вел. князь и станы сейма были двѣ равносильныя стороны, нуждавшіяся другъ въ другѣ и приходившія къ соглашенію путемъ взаимныхъ уступокъ. Такимъ образомъ, сеймовыя постановленія являлись съ одной стороны актомъ взаимнаго соглашенія между отдѣльными чинами сейма, а съ другой—результатомъ договора между великимъ княземъ и служилыми землевладѣльцами государства. Слѣдующее за великимъ княземъ мѣсто на вальныхъ сеймахъ занимали католическіе епископы и должностныя лица. Въ сеймахъ обыкновенно участвовали: четыре католическихъ епископа, воеводы, канцлеръ и гетманъ вел. княжества **, каштеляны, два подскарбія (земскій и надворный), урядники дворные (конюшій, подконюшій, гашникъ, стольникъ, кухмистръ), маршалки, хорунжіе, старосты, державцы, намѣстники тевуны ***, городничіе и православные епископы. Не всѣ перечисленныя лица всегда появлялись на сеймахъ—нельзя найти ни одного сейма, гдѣ бы они участвовали всѣ, безъ исключенія. Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что не для каждой изъ поименованныхъ должностей назначался особый урядникъ: обычнымъ порядкомъ службы въ в. к. Литовскомъ было совмѣщеніе въ

ПРИМѢЧАНІЕ * До тѣхъ поръ пока Литва и Польша связаны были только личной уніей, частыя отлучки вел. князя изъ Литвы были неустранимымъ явленіемъ; только съ учрежденіемъ общаго польско-литовскаго сейма въ 1569 г. стала возможной сеймовая дѣятельность съ постояннымъ и непосредственнымъ участіемъ государя.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Среди сеймовыхъ „листовъ" не найдено приглашеній, адресованныхъ гетману; это однако, объясняется тѣмъ, что обязанности канцлера и гетмана обыкновенно соединялись съ другими должностями.

ПРИМѢЧАНІЕ *** До послѣдняго времени на сеймы приглашались только тевунъ виленскій и тевуны жмудскіе.

одномъ лицѣ двухъ или нѣсколькихъ урядовъ; такъ напр., воевода одновременно могъ быть маршалкомъ, канцлеромъ, гетманомъ и старостой нѣсколькихъ повѣтовъ; маршалокъ могъ занимать должность подскарбія и вмѣстѣ съ тѣмъ быть державцемъ замковъ и волостей и т. п. Самую многочисленную группу на „вальныхъ" сеймахъ составляли областные князя, паны и шляхта *. Все это были тѣ лица, которыя въ случаѣ внѣшней опасности должны были съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту государства; поэтому во время войны или же въ виду угрожавшаго нападенія непріятелей, они лишались возможности собираться на сеймы. При частыхъ войнахъ, которыя вело литовское государство, начиная съ конца XV до середины XVI вв., становится понятнымъ, почему нѣкоторые сеймы не могли состояться вовсе, а другіе собирались въ ненадлежащей полнотѣ. Что касается мѣщанъ, волостныхъ крестьянъ, татаръ и евреевъ, то они, хотя и не приглашались на сеймы и въ рѣшеніи сеймовыхъ дѣлъ участія не принимали, но нерѣдко выступали какъ на сеймахъ, такъ и внѣ ихъ передъ великимъ княземъ съ ходатайствами и жалобами, касающимися своихъ мѣстныхъ и сословныхъ нуждъ и отношеній **. Съ точки зрѣнія географическаго распредѣленія чиновъ сейма по территоріи государства слѣдуетъ отмѣтить, что главная масса должностныхъ лицъ приходилась на долю соб. Литвы и отчасти Жмуди. Количество сеймовыхъ урядниковъ отъ русскихъ земель великаго княжества было довольно ограниченнымъ. Еще болѣе оно сокращалось отъ того, что урядники эти не всегда имѣли возможность пріѣзжать на засѣданія вслѣдствіе дальности пути, а главное необезпеченности окраинъ государства, охрана которыхъ являлась ихъ прямой обязанностью. О количественномъ составѣ сеймовъ точныхъ свѣдѣній не имѣется; однако несомнѣно, что до реформы 60-хъ годовъ, опредѣлившей ихъ качественный и количественный составъ, они часто были весьма многолюдны. Такая многолюдность происходила съ одной стороны вслѣдствіе допущенія поголовныхъ собраній землевладѣльцевъ (начало представительства еще не было общимъ правиломъ), а съ другой—присутствіемъ значительнаго числа лицъ, стекавшихся на сеймы по личнымъ своимъ дѣламъ, главнымъ образомъ для суда. Со стороны литовскаго правительства не замѣтно было стремленія ограничить численную норму областныхъ представителей установленіемъ maximum'a; напротивъ того, оно озабочено было тѣмъ, чтобы число это

ПРИМѢЧАНІЕ * Участіе шляхты въ вальныхъ сеймахъ закрѣплено было при Сигизмундѣ I въ 1544 г.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Особыми правами стали пользоваться, начиная съ 60-хъ годовъ XVI в., виленскіе мѣщане. Въ 1568 г. имъ предоставлено было даже право посылать на вальные сеймы бурмистровъ.

не падало ниже извѣстнаго minimum'а, т. к. большая полнота сеймовъ, обезпечивала и большую авторитетность сеймовыхъ рѣшенiй.

Особенно затруднительнымъ являлся созывъ сейма во время войны. Эту трудность обычно обходили тѣмъ, что пользовались собранiемъ войска для рѣшенiя тѣхъ или иныхъ неотложныхъ вопросовъ; военный лагерь тогда превращался въ сеймъ. Однако такiе „военные" или „лагерные" сеймы имѣли весьма серьезные недостатки, заключавшiеся съ одной стороны въ отсутствiи полноты состава *, а съ другой—въ томъ, что благодаря такимъ совѣщанiямъ нерѣдко страдали интересы военнаго дѣла. Наконецъ, совпаденiе земскихъ ополченiй съ сеймами ложилось большой матерiальной тяжестью на собравшихся землевладѣльцевъ, обязанныхъ содержать себя и своихъ людей неопредѣленное время, въ зависимости отъ количества и сложности подлежавшихъ разсмотрѣнiю на сеймѣ вопросовъ. Указанныя неудобства лагерныхъ сеймовъ вызвали къ жизни организацiю *сеймового представительства*, которое должно было эманципировать составъ сейма отъ контингента земскаго войска и обезпечить правильное осуществленiе сеймовыхъ функцiй безъ ущерба для военныхъ задачъ. До 1565 г. общаго закона о представительной организацiи сеймовъ издано не было; можно указать лишь на частныя и болѣе или менѣе случайныя мѣры въ этомъ направленiи **. Такое положенiе продолжалось до середины XVI в., когда военныя опасности замѣтно усилились. Землевладѣльцамъ в. к. Литовскаго приходилось, ввиду непрерывныхъ войнъ, почти все время быть въ походахъ и вести лагерный образъ жизни. Съ другой стороны вслѣдствiе усиленiя военной опасности, сеймовая дѣятельность должна была принять особенно интенсивный характеръ—сеймы собирались не только ежегодно, но и по нѣсколько разъ въ годъ. При такихъ условiяхъ совмѣстить интересы военной службы съ задачами сейма цѣлесообразнѣе всего можно было посредствомъ раздѣленiя ихъ состава. Въ этомъ и заключался смыслъ сеймовой реформы 1565 г. Но необходимость реформы вытекала не только изъ соображенiй военныхъ интересовъ; были и другiя условiя, дѣйствовавшiя въ томъ же направленiи.

ПРИМѢЧАНIЕ * Такъ напр. на такихъ „военныхъ" сеймахъ обыкновенно отсутствовали представители духовенства, не обязанные лично участвовать въ походахъ; кромѣ того, земское ополченiе по стратегическимъ соображенiямъ нерѣдко разбивалось на нѣсколько частей, а потому и не всѣ участники могли присутствотать на такомъ военномъ сеймѣ.

ПРИМѢЧАНIЕ ** Такъ напр. на избирательномъ сеймѣ 1492 г. (во время войны съ Москвой) литовскимъ правительствомъ вызывались изъ областей только старшiе князья и паны, въ количествѣ по усмотрѣнiю мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Условія эти заключались въ слѣдующемъ. 1) Непрестанная военная служба въ 60-хъ годахъ XVI в. сопровождалась не только личными жертвами, но и большими имущественными издержками землевладѣльцевъ; съ другой стороны и участіе ихъ въ сеймахъ также сопряжено было съ большими расходами. 2) Поголовное приглашеніе областныхъ землевладѣльцевъ лишало сеймы авторитетности, т. к. не всегда участники его могли съѣхаться въ такомъ количествѣ, чтобы несомнѣнно выражать волю *всей* земли. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сеймахъ участвовали выборные представители областей, они всегда могли уклониться отъ рѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, ссылаясь на отсутствіе соотвѣтствующихъ инструкцій отъ избирателей; отсюда происходила волокита въ рѣшеніи дѣлъ. 3) Наконецъ, бывали случаи, когда состоявшіяся уже рѣшенія сейма не выполнялись, встрѣчая оппозицію со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ, не желавшихъ признавать сеймоваго рѣшенія, какъ не основаннаго на желаніи большинства шляхты.

Всѣ перечисленные недостаки особенно рельефно выявились въ шестидесятые годы XVI вѣка, когда напряженная борьба съ московскимъ государствомъ и татарами требовала скорыхъ рѣшеній и безотлагательнаго выполненія ихъ. Законъ 1565 г., отвѣчая потребностямъ времени, усовершенствовалъ технику сейма установленіемъ *повѣтовыхъ сеймиковъ* по польскому образцу. Согласно реформы 1565 г. составъ „великихъ" сеймовъ слагался изъ *князей* и *пановъ*, по прежнему приглашавшихся поименно, и изъ *пословъ земскихъ*, избиравшихся на повѣтовыхъ сеймикахъ. Повѣтовые сеймики собирались въ главномъ городѣ каждаго повѣта * и созывались вел. княземъ за четыре недѣли до открытія вальнаго сейма. Въ составъ повѣтовыхъ сеймиковъ входили: 1) мѣстныя должностныя лица: епископы, воеводы, каштеляны, старосты, маршалки, тевтуны и др. урядники воеводства **, 2) князья, паны и шляхта-землевладѣльцы даннаго повѣта, собиравшіеся поголовно. Особенность компетенціи повѣтовыхъ сеймиковъ состояла въ томъ, что на нихъ предварительно обсуждались всѣ тѣ общегосударственные вопросы, ради которыхъ созывался вальный сеймъ; вопросы эти пред-

---

ПРИМѢЧАНІЕ * Новое раздѣленіе в. к. Литовскаго на „повѣты" произведено было въ 1564—1565 гг. ради судебныхъ цѣлей, но къ этимъ округамъ пріурочены были и сеймики. Больше всего повѣтовъ приходилось на долю Виленскаго и Трокскаго воеводствъ.

ПРИМѢЧАНІЕ ** Участіе ихъ въ сеймикахъ были обязательно. Паны-радные и урядники въ случаѣ неявки подвергались штрафу; шляхтичи штрафомъ не карались, но лишались права возражать противъ состоявшихся въ ихъ отсутствіи постановленій.

лагались великимъ княземъ при посредствѣ командируемыхъ на сеймики пословъ. Роль такого посла не ограничивалась простой передачей „науки", т. е. письменной инструкціи вел. князя: онъ дѣятельно участвовалъ въ сужденіяхъ собравшихся, умѣряя тенденціи мѣстнаго сепаратизма и направляя рѣшенія въ сторону общегосударственныхъ интересовъ. На повѣтовыхъ сеймикахъ избирались „земскіе послы" по два отъ каждаго повѣта *. Послы эти получали отъ избирателей письменную инструкцію—„науку" и полномочія рѣшать всѣ сеймовыя дѣла. Условія эти имѣли то значеніе, что послы, снабженные инструкціями и полномочіями, на вальномъ сеймѣ не могли уклоняться, какъ это имѣло мѣсто прежде, отъ рѣшенія сеймовыхъ дѣлъ; съ другой стороны, ихъ избиратели не могли протестовать противъ тѣхъ рѣшеній вальнаго сейма, которыя состоялись въ предѣлахъ данныхъ посламъ полномочій. Наконецъ повѣтовые сеймики въ исключительныхъ случаяхъ могли выносить окончательныя постановленія и по дѣламъ общегосударственной важности. Сессіи сеймиковъ продолжались не долѣе 3-хъ дней, т. к. должностныя лица и земскіе послы должны были спѣшить на вальный сеймъ. Такова была сущность реформы 1565 г., которая, выполняя неотложныя организаціонныя задачи государства, служила въ то же время и интересамъ мелкаго и средняго шляхетства.

Хотя „вальные" сеймы в. к. Литовскаго возникли не для суда, все же заинтересованныя лица пользовались сеймовыми собраніями для того, чтобы представить на разрѣшеніе вел. князя свои спорныя дѣла. Это явленіе вызывалось тѣмъ, что въ в. к. Литовскомъ цѣлый классъ лицъ освобожденъ былъ отъ мѣстной подсудности и до начала XVI вѣка судился только у вел. князя, таковы: паны-радные и княжата. Существовала также значительная категорія дѣлъ, совершенно изъятыхъ изъ юрисдикціи мѣстныхъ правителей и подлежавшихъ суду вел. князя (см. гл. XX) наконецъ и помимо того, никому не запрещалось обращаться къ суду вел. князя въ обходъ областныхъ инстанцій или же въ формѣ апелляціи на рѣшенія послѣднихъ. Часто великокняжескій судъ по необходимости могъ быть данъ только на сеймѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовали радные паны—обычные совѣтники вел. князя въ дѣлахъ судебныхъ а также и областные землевладѣльцы, отъ которыхъ въ случаѣ затрудненія можно было получить свѣдѣнія о той нормѣ обычнаго права, по которой разрѣшалось данное дѣло. Къ тому же пріурочиваніе судебныхъ дѣлъ къ сеймовымъ засѣданіямъ давало возможность избѣгать лишнихъ расходовъ на отдѣльныя поѣздки къ вел.

ПРИМѢЧАНІЕ * Предствителями мѣстныхъ землевладѣльцевъ на вальныхъ сеймахъ—„земскими послами" могли быть также и должностныя лица, избранныя на сеймикахъ.

князю спеціально ради суда. Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ судебныя дѣла широкой рѣкой притекали на сеймы. Конечно они обременяли вел. князя и радныхъ пановъ и служили помѣхой для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые составляли прямую задачу сейма. Средствами, служившими къ отводу судебныхъ дѣлъ отъ сейма, являлись: переносъ ихъ на другой срокъ, назначеніе особыхъ судебныхъ комиссій, а самое главное, учрежденіе въ 1529 г. въ г. Вильно спеціально для суда періодическихъ сеймовъ радныхъ пановъ съ участіемъ вел. князя.

Въ ряду вопросовъ наиболѣе характерныхъ и типичныхъ для дѣятельности вальныхъ сеймовъ в. к. Литовскаго стоятъ слѣдующіе. 1) Избраніе вел. князя. 2) Воинская повинность въ отношеніи количественной нормы, срока дѣйствія военной „уставы" и порядка отбыванія военной службы. 3) Установленіе повинностей замковыхъ, дорожныхъ, подводныхъ и др. 4) Установленіе прямыхъ податей въ отношеніи размѣровъ ихъ, срока уплаты, порядка взиманія, взысканія недоимокъ, мѣръ противъ уклоненія отъ платежа, злоупотребленій сборщиковъ и наконецъ въ опредѣленіи тѣхъ цѣлей, ради которыхъ устанавливались подати. 5) Установленіе казенныхъ монополій и таможенныхъ пошлинъ. 6) Заключеніе государственныхъ внутренныхъ и внѣшнихъ займовъ. 7) Заключеніе военныхъ союзовъ и государственныхъ уній. Таковы были вопросы, входившіе въ компетенцію сеймовъ; предѣлы этой компетенціи не были установлены закономъ, т. к. сами сеймы на первыхъ порахъ, т. е. до XVI в. были только явленіемъ обычнаго права; частая повторяемость въ созывѣ ихъ для рѣшенія однородныхъ вопросовъ создала въ этомъ отношеніи обязательную правовую норму. Законодательнымъ порядкомъ компетенція сеймовъ впервые установлена была Литовскимъ Статутомъ 1566 г., опредѣлявшимъ обязательность созыва сеймовъ для рѣшенія дѣлъ 1) о земской оборонѣ и 2) для изданія новыхъ законовъ. Такимъ образомъ съ этого времени основаніемъ существованія сеймовъ въ смыслѣ точнаго опредѣленія ихъ компетенціи является уже не только обычное право, но и законъ. Впрочемъ какой-либо охранительной санкціи по вопросу о нарушеніи правительствомъ компетенціи сейма не существовало. Противъ разрѣшенія самимъ правительствомъ вопросовъ, входившихъ въ компетенцію сейма и рѣшеній состоявшихся безъ участія его, обыкновенно подавались представленія и просьбы со стороны шляхты объ отмѣнѣ таковыхъ. Кромѣ того возможно было и прямое неисполненіе тѣхъ постановленій правительства, которыя не получили согласія сейма.

Созывались сеймы обычно властью вел. князя *, который собиралъ

ПРИМѢЧАНІЕ * Въ 1525 г. виленскій воевода Гаштольдъ, въ видѣ исключенія самолично распорядился о созывѣ сейма въ Вильно, не ожидая рѣшенія вел. князя, но не сомнѣваясь о немъ.

ихъ либо по собственной инициативѣ, либо по совѣту и указанію радныхъ пановъ. Сеймы созывались посредствомъ повѣстокъ, которыя адресовались принадлежащимъ къ ихъ составу лицамъ *. Обычнымъ мѣстомъ засѣданій сеймовъ была столица государства Вильно, но иногда сеймы собирались и въ другихъ городахъ (чаще въ Брестѣ и Гродно). Военные сеймы совпадали съ собраніемъ земскаго ополченія, а потому и выборъ мѣста въ такихъ случаяхъ зависѣлъ отъ военныхъ соображеній. Опредѣленныхъ заранѣе сроковъ для созыва вальныхъ сеймовъ, а тѣмъ болѣе періодичности въ ихъ засѣданіяхъ не было, т. к. они созывались по мѣрѣ выяснявшейся необходимости. Вальными сеймами особенно богата эпоха 60-хъ годовъ XVI в., когда борьба съ Москвой приняла чрезвычайно напряженный характеръ. Со стороны землевладѣльцевъ потребовались усиленныя жертвы, имущественныя и личныя, на веденіе войны; законодательство должно было обратить вниманіе на лучшую организацію государства какъ въ военномъ, такъ и финансовомъ отношеніяхъ. Кромѣ того, ввиду военныхъ тягостей, которыя приходилось нести шляхтѣ, слѣдовало поддержать ея энергію дарованіемъ различныхъ правъ и вольностей. Вслѣдствіе истощенія собственныхъ силъ, необходимость заставила искать соединенія съ Польшей и присоединенія Ливоніи въ цѣляхъ общей борьбы. Естественно, что всѣ эти первостепенной важности вопросы могли быть разрѣшены только на общихъ или „вальныхъ" сеймахъ всего в. к. Литовскаго.

Для общей обязательности сеймовыхъ рѣшеній требовалось собраніе всѣхъ безъ исключенія чиновъ, но т. к. правило о полномъ составѣ сейма являлось крайне стѣснительнымъ, то на практикѣ оно никогда и не соблюдалось. Въ цѣляхъ сокращенія числа и времени опозданія сеймовыхъ чиновъ на засѣданія сейма, установлены были лишь нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія для опаздывавшихъ, таковы: лишеніе права голоса на опредѣленное число засѣданій и права возражать противъ состоявшихся въ ихъ отсутствіи рѣшеній.

Постановка рѣшеній происходила на отдѣльныхъ засѣданіяхъ радныхъ пановъ и шляхты. Дѣло въ томъ, что паны-радные представляли кругъ лицъ, во многихъ отношеніяхъ отличавшихся отъ остальныхъ сеймовыхъ чиновъ. Радные паны были по преимуществу литовцами-католиками и, наименѣе поддаваясь интересамъ мѣстнаго сепаратизма, стояли на общегосударственной точкѣ зрѣнія не только потому, что являлись представителями господствующей въ государствѣ области,

ПРИМѢЧАНІЕ * Именными повѣстками, доставлявшимися адресату на руки, приглашались паны-радные, урядники и княжата; общими повѣстками, оглашавшимися на торговой площади у церкви, извѣщалась повѣтовая шляхта.

но также и потому, что имѣнія ихъ разбросаны были по всѣмъ частямъ территоріи. Выдаваясь среди другихъ своей экономической состоятельностью и особымъ положеніемъ въ роли областныхъ правителей и членовъ великокняжескаго совѣта, они составляли на сеймахъ особую группу. Эта группа разсматривала всѣ вопросы отдѣльно, подъ угломъ своей спеціальной точки зрѣнія и такимъ образомъ сеймъ естественно раздѣлился на двѣ палаты, совѣщавшіяся особо: на „коло“ или „лавицу“ радныхъ пановъ и „коло“ рыцарства-шляхты. Въ свою очередь засѣданія шляхетскаго коло, состоявшаго изъ областныхъ представителей, для предварительнаго обсужденія вопросовъ происходили по отдѣльнымъ собраніямъ мѣстныхъ группъ. Въ основаніи такого порядка лежали не техническія соображенія, а глубокія жизненныя причины, заключавшіяся въ различіи интересовъ отдѣльныхъ областей и нерѣдкой противоположности ихъ стремленій. Окончательныя постановленія сейма вырабатывались въ общемъ собраніи радныхъ пановъ, княжатъ и шляхты, гдѣ сеймовые чины приходили ко взаимному соглашенію. Рѣшенія, принятыя сеймомъ, обычно въ письменной формѣ передавались вел. князю на утвержденіе. Постановленія сейма требовали единогласія всѣхъ; впослѣдствіи это выражалось въ формѣ знаменитаго „liberum veto“, считавшагося основнымъ принципомъ дворянской свободы и краеугольнымъ камнемъ шляхетскихъ вольностей. Постановленія сейма только тогда пріобрѣтали общеобязательную для всего великаго княжества силу, когда получали согласіе всѣхъ безъ исключенія присутствовашихъ на сеймѣ членовъ. Та или иная область могла совершенно отказать въ своемъ согласіи на постановленіе, принятое остальными участниками сейма и въ такомъ случаѣ она не считала себя обязанной подчиняться ихъ рѣшенію *. Нетрудно понять, что требованіе единогласія служило источникомъ большихъ затяжекъ въ рѣшеніи дѣлъ а иногда являлось средствомъ для срыва сеймовыхъ работъ недобросовѣстными членами сейма. Послѣднее обстоятельство дѣлало возможнымъ, путемъ воздѣйствія на отдѣльныхъ делегатовъ, косвенное вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Литвы и ослабленіе ея военной мощи. При всемъ томъ, единогласныя рѣшенія были явленіемъ нерѣдкимъ. Руководящимъ началомъ въ достиженіи такого единогласія служила главнымъ образомъ внѣшняя опасность государства, на борьбу съ которой была направлена дѣятельность сеймовъ, особенно въ XVI в. Но примѣнялись также и нѣкоторыя искусственныя мѣры противъ несогласнаго меньшинства, такъ напр. убѣжденія и угрозы со стороны

ПРИМѢЧАНІЕ * Такъ напр. на сеймѣ 1520 г. Жмудская земля не согласилась вотировать серебщизну, а въ 1564 г. уклонялась отъ выполненія судебной реформы, такъ какъ не хотѣла ея.

большинства, а иногда даже и физическое принужденіе со стороны исполнительной власти.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на то, что въ учрежденіи „вальнаго" сейма в. к. Литовскаго заинтересована была болѣе соб. Литва, чѣмъ Литовская Русь. Участіе русскихъ въ общегосударственныхъ сеймахъ великаго княжества вытекало не изъ пожалованія и распространенія государственныхъ правъ Литвы на западную Русь—для этого Литва была слишкомъ слаба; наоборотъ, участіе это представляется скорѣе какъ жертва извѣстной долей самостоятельности со стороны русскихъ областей, т. к. съ точки зрѣнія областной автономіи учрежденіе общаго сейма несомнѣнно являлось ея ограниченіемъ. Причиной образованія „общихъ" сеймовъ в. к. Литовскаго была съ одной стороны необходимость совмѣстной борьбы всѣхъ областей литовскаго государства за существованіе, ввиду тѣхъ военныхъ опасностей, которыя грозили государству со стороны Москвы и крымскихъ татаръ, а съ другой—связанная съ этой борьбой потребность въ усиленіи шляхетства, т. е. того именно сословія, которому въ этой борьбѣ должна была принадлежать руководящая роль и на долю котораго выпадали наибольшія тягости. Польша съ своей стороны всячески пыталась способствовать расширенію правъ литовской шляхты въ интересахъ сближенія сословнаго строя Литвы и Польши и укрѣпленія того класса, на который въ дѣлѣ уніи она могла-бы опереться. Въ этомъ смыслѣ усилія ея, въ концѣ концовъ увѣнчавшіяся успѣхомъ, во многомъ совпадали съ тѣмъ направленіемъ литовской исторіи, которое намѣтилось уже съ конца XV вѣка и которое заключалось въ концентраціи служебныхъ силъ одновременно съ усиленіемъ шляхетскаго сословія.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Привилеи великаго княжества Литовскаго.

Первые писанные законы на Литвѣ и ихъ источники.—Привилеи „земскіе", „областные" и „мѣстскіе".—Привилеи отдѣльнымъ разрядамъ населенія и лицамъ.

Писанные законы стали появляться на Литвѣ съ конца XIV в., т. е. со времени личной уніи съ Польшей. До того времени Литва въ сферѣ правовыхъ отношеній довольствовалась одними лишь обычаями. Эти послѣдніи такъ глубоко вкоренились въ жизнь вел. княжества, что впослѣдствіе стали главнымъ основаніемъ и источникомъ большой части писанныхъ законовъ въ до-статутное время. Законодальные акты, издававшіеся до Литовскаго Статута, носили названія „привилеевъ",

„судебниковъ", „уставъ", „ухвалъ", „листовъ" и др. Въ ряду этихъ актовъ особенно часто встрѣчаются такъ называемые „привилеи", опредѣлявшіе права и отношенія различныхъ сословій литовскаго государства. Эти привилеи давались всему княжеству—*земскіе*, отдѣльнымъ областямъ—*областные*, городамъ—*мѣстскіе*, а также различнымъ сословіямъ, нѣкоторымъ національностямъ и даже отдѣльнымъ лицамъ. Мотивами, побуждавшими великихъ князей литовскихъ къ выдачѣ привилеевъ, являлись: 1) награда за вѣрность литовскому государю, за службу, часто связанную съ имущественными жертвами, 2) поощреніе къ дальнѣйшимъ услугамъ государству, 3) охрана нѣкоторыхъ разрядовъ населенія отъ злоупотребленій со стороны великокняжескихъ урядниковъ и посягательствъ со стороны другихъ разрядовъ и сословій.

„Земскіе" привилеи, имѣвшіе характеръ общихъ для всего княжества законовъ, издавались почти исключительно въ интересахъ дворянства, въ рукахъ котораго сосредоточивалась значительная доля государственной власти. Кромѣ того, значеніе ихъ, какъ общихъ законовъ, сильно съуживалось „мѣстными" или „областными" привилеями, изданіе которыхъ обуславливалось федеративнымъ характеромъ в. к. Литовскаго. Литовское государство слагалось изъ отдѣльныхъ областей и земель, различныхъ по своимъ историческимъ преданіямъ и національно-религіознымъ традиціямъ—отсюда происхожденіе областныхъ привилеевъ. Города, пришедшіе въ состояніе крайняго обѣдненія вслѣдствіе частыхъ войнъ, притѣсняемые воеводами и другими великокняжескими урядниками, стремились къ самостоятельности въ области администраціи и суда. Это достигалось такъ называемыми „мѣстскими" привилеями, по которымъ города эти получали нѣмецкое—„магдебургское" право.

Слабое развитіе публичнаго права, произволъ великокняжескихъ урядниковъ и связанная съ этимъ имущественная и личная необезпеченность населенія, вызвали стремленіе нѣкоторыхъ разрядовъ населенія, сословій, цеховъ, національностей а также и отдѣльныхъ лицъ къ обезпеченію за собой возможно большаго количества правъ для огражденія ихъ отъ злоупотребленій властей и отъ посягательствъ со стороны другихъ сословій. Сюда относятся отдѣльные законодательные акты, опредѣлявшія права и обязанности православнаго духовенства, господарскихъ людей, евреевъ, татаръ и др.; нерѣдки были пожалованія привилеевъ отдѣльнымъ лицамъ. Естественно, что съ началомъ кодификаціи права и изданіемъ на Литвѣ Статутовъ „привилеи" лишаются прежняго своего значенія.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Литовскій Статутъ.

Подготовка Статута.—Литовскій Статутъ 1529 г. и его содержаніе. —Исправленіе его. —Изданія Статута 1566 г. и 1588 г. —Замѣна Статута Россійскими законами.

Упоминанія о „Статутѣ великаго княжества Литовскаго“ или о „Статутѣ земскомъ“ встрѣчаются въ источникахъ еще въ послѣдней четверти XV и началѣ XVI вѣковъ, но подъ этими терминами разумѣлся не какой либо опредѣленный кодексъ, а вся совокупность „уставъ“, „ухвалъ“ и различнаго рода „првилеевъ“ (земскихъ и областныхъ), издававшихсв литовскимъ княземъ и его радой. Необходимость изданія кодекса—сборника писаныхъ законовъ, стала сознаваться на Литвѣ уже въ самомъ началѣ XVI в. и вытекала не только изъ настоятельной потребности дать судьямъ точное руководство закона вмѣсто прежней неопредѣленности обычнаго права и противорѣчивости привилеевъ, но въ равной мѣрѣ и изъ стремленія усилившейся шляхты освободиться изъ подъ тяжести великокняжеской власти. Еще Александръ намѣренъ былъ издать одинъ общій Статутъ, на что ясно указывается въ привилеѣ данномъ имъ въ 1501 г. Волынской области. Мысль о кодификаціи законовъ окончательно оформилась на Виленскомъ сеймѣ 1514 г, когда чины сейма представили великому князю Сигизмунду I ходатайство объ изданіи „Статута“. Изданіе этого кодекса было однимъ изъ условій, при выполненіи которыхъ шляхетство соглашалось на продолженіе войны съ Москвой, принявшей въ то время особенно напряженный характеръ и ознаменовавшейся потерей Смоленска. Наконецъ въ 1522 году Сигизмундъ I обнародовалъ привилей, которымъ подтвержались всѣ изданные до этого времени привилеи, права и вольности шляхетскія, а 6-го декабря того-же года огласилъ на Виленскомъ сеймѣ эдиктъ о дарованіи Литвѣ „единаго писанаго права“. Составленіе этого кодекса закончено было къ 1529 году, когда онъ подъ именемъ *Литовскаго Статута* изданъ былъ въ первой своей редакціи на русскомъ языкѣ; черезъ годъ онъ переведенъ былъ на латинскій, а еще черезъ два года на польскій языки.

Статутъ 1529 г. (первой редакціи) состоитъ изъ 13-ти раздѣловъ, подраздѣленныхъ на 282 артикула. Изъ расположенія раздѣловъ и артикуловъ замѣтно стремленіе составителей дать этому кодексу нѣкоторую систему: первые три раздѣла относятся къ государственному, а остальные десять—къ гражданскому и уголовному праву и судопроизводству. Литовскій Статутъ 1529 г. представляетъ собою цѣлый рядъ юридическихъ институтовъ, корнями своими нѣдрящихся въ Русской Правдѣ: цѣлые раздѣлы Статута построены на одинаковыхъ съ ней началахъ. Первые раздѣлы (о персонѣ господарской, земской оборонѣ, свободахъ шляхетскихъ) составлены главнымъ образомъ изъ земскихъ привилеевъ и уставъ

прежняго времени. Въ другихъ раздѣлахъ также встрѣчаются статьи не-русскаго происхожденія, заимствованныя изъ польскаго и даже римскаго права (напр. „о тестаментахъ"). Но за этими немногими статьями слѣдуетъ цѣлый рядъ статей и раздѣловъ (о судѣ, о поглавли женскомъ, объ опекахъ, о грабежахъ, о злодѣйствѣ) съ разительнымъ, иногда буквальнымъ сходствомъ съ постановленіями Русской Правды. Объясняется это тѣмъ, что польское право вліяло главнымъ образомъ на государственное устройство Литвы и на отношенія между различными классами общества. Переходя-же въ чисто юридическую сферу уголовнаго и частнаго права и къ судопроизводству, Статутъ обнаруживаетъ присутствіе тѣхъ же началъ, на какихъ основывается и Русская Правда. Это сходство институтовъ въ обоихъ памятникахъ не было дѣломъ случая—оно указываетъ на общее сходство цѣлаго строя юридической жизни Литвы и Руси въ эпоху Русской Правды и Литовскаго Статута, въ особенности первой его редакціи.

Нѣкоторые существенные пробѣлы и недостатки этого Статута, заключавшіеся въ слабомъ развитіи постановленій о процессѣ, весьма значительные судебные платежи, присутствіе цѣлаго ряда устарѣлыхъ и крайне суровыхъ постановленій, а главное нѣкоторыя перемѣны въ государственномъ строѣ в. к. Литовскаго, скоро вызвали необходимость измѣненія нѣкоторыхъ статей. Поэтому уже на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года литовская шляхта ходатайствовала передъ Сигизмундомъ I объ измѣненіи Статута, пересмотръ котораго осуществился однако лишь при Сигизмундѣ Августѣ на сеймахъ 1564 и 1565 гг. Новая исправленная его редакція, извѣстная подъ названіемъ *Второго Статута* утверждена была на Виленскомъ сеймѣ 1566 г. Происшедшее въ 1569 г. окончательное соединеніе Литвы съ Польшей повлекло за собою немало перемѣнъ въ законодательствѣ Литвы и вызвало настоятельную потребность составить новую редакцію Статута для согласованія литовскихъ законовъ съ польскими. Исправленный на повѣтовыхъ сеймикахъ и утвержденный въ 1584 г. на головномъ съѣздѣ литовскихъ чиновъ въ Волковыскѣ, проэктъ новаго Статута былъ пересмотренъ на Варшавскомъ избирательномъ сеймѣ 1587 г. и окончательно принятъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. Въ томъ же году этотъ *Третій Статутъ* изданъ былъ на русскомъ языкѣ подканцлеромъ Львомъ Сопѣгой въ Вильнѣ. Изданіе это и было оригиналомъ закона; многочисленные польскіе переводы, начавшіеся съ 1616 года, такого значенія не имѣли и носили частный характеръ.

Послѣ присоединенія Литвы къ Россіи въ 1795 г., Литовскій Статутъ, въ части своей, касающейся гражданскаго права, продолжалъ оставаться въ силѣ въ литовскихъ областяхъ вплоть до 1840 г., когда замѣненъ былъ Россійскими общеимперскими законами.

Табл. I.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

важнѣйшихъ событій в. к. Литовскаго до 2-ой Люблинской уніи.

1010	Разрушеніе „Ромове“ польск. королемъ Болеславомъ Храбр.
1040	Первое упоминаніе о литовцахъ въ русскихъ лѣтописяхъ.
1112	Походы кіевскаго князя Ярослава на Литву.
1201	Основаніе гор. Риги Альбертомъ.
1202	Учрежденіе Ливонскаго Ордена Меченосцевъ.
1204—1239	Рингольдъ—первый собиратель Литовскихъ княжествъ.
1231	Основаніе въ Пруссіи Тевтонскаго Ордена.
1235	Побѣда Рингольда надъ русскими князьями при Могильнѣ.
1237	Соединеніе Тевтонскаго и Ливонскаго Орденовъ.
1239—1263	Миндовгъ—основатель Литовскаго государства.
1250	Основаніе гор. Кернова.
1251	Крещеніе Миндовга.
1253	Коронація Миндовга.
1259	Уступка Ордену Жмуди.
1260	Пораженіе Ливонскихъ рыцарей при Дурбѣ.
1263—1264	Смутный періодъ.
1264—1265	Тройнятъ.
1265—1269	Войшелгъ.
1266—1268	Шварнъ (Даніиловичъ).
1269—1271	Смутный періодъ.
1271—1282	Тройденъ.
1280	Основаніе крѣпости Ковно германскими рыцарями,
1282—1295	Лютауръ—основатель жмудской династіи.
1295—1316	Витенъ.
1316—1341	Гедиминъ—первый собиратель литовско-русскихъ земель.
1320	Присоединеніе Витебскаго княжества.
	Основаніе г.г. Лиды и Трокъ.
1323	Основаніе крѣпости Вильно Гедиминомъ.
1325	Присоединеніе Волыни.
1331	Побѣда надъ Тевтонами подъ Пловцами.
1341—1345	Распаденіе Литовскаго государства на удѣлы.
1345—1377	Ольгердъ.
1345—1382	Кейстутъ.
1356	Присоединеніе Чернигово-Сѣв. княжества.
1362	Побѣда надъ татарами при Синихъ Водахъ.
	Присоединеніе Кіевскаго княжества и Подоліи.
1377	Признаніе псковичами княземъ своимъ сына Ольгерда, Андрея
1377—1434	Ягайло—первый литовско-польскій государь,
1379	Перемиріе Ягайло съ Тевтонскимъ Орденомъ и начало тайной коалиціи противъ Кейстута.
1381	Свиданіе Ягайло съ магистромъ Тевтонскаго Ордена подъ Давидишками.

1383 Крещеніе Витовта.
1384 Миръ Ягайло съ Витовтомъ.
1386 I-ая Люблинская унія.
1387 Крещеніе Литвы.
Дарованіе гор. Вильно „магдебурскаго права“.
1388 Привиллегія Витовта ганзейскимъ купцамъ.
Привиллегіи Витовта трокскимъ и брестскимъ евреямъ.
1389 Привиллегія Витовта гродненскимъ евреямъ.
1392 Признаніе Витовта независимымъ вел. княземъ Литовскимъ.
1398 Салинскій миръ съ рыцарями.
Первый походъ Витовта на татаръ.
1399 Второй походъ на татаръ и пораженіе Витовта на рѣкѣ Ворсклѣ.
1401 I-ая Виленская унія.
1405 Присоединеніе Смоленскаго княжества.
1408 Миръ съ Москвой на рѣкѣ Угрѣ.
1410 Битва при Грюнвальдѣ.
1411 Первый миръ съ рыцарями въ Торунѣ (Торнѣ).
1413 Городельская унія.
Крещеніе Жмуди.
1422 Миръ при оз. Мелно.
1429 Коронаціонный съѣздъ въ Луцкѣ.
1430—1432 Свидригайло.
1431 Перемиріе Свидригайло съ Ягайло.
1432 Парчевскій съѣздъ.
2-ая Виленская унія.
1432—1440 Сигизмундъ.
1440—1492 Казиміръ.
1441 Грамата Казиміра трокскимъ евреямъ.
1447 Избраніе Казиміра на польскій престолъ.
1457 Жалованная грамата литовско-русскому дворянству и начало крѣпостного права (запрещеніе крестьянскихъ переходовъ).
1468 Судебникъ Казиміра Ягеллона.
1492—1506 Александръ.
1493 Отторженіе отъ в. к. Литовскаго Мценска, Любутска, Хлепеня, Рогачева и др.
1495 Указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Литвы.
1500 Сраженіе при Ведрошѣ и утрата нѣсколькихъ Смоленскихъ и Черниговскихъ удѣловъ.
1501 Избраніе Александра на польскій престолъ.
Петроковская унія.
1503 Перемиріе съ Москвой.
1506—1548 Сигизмундъ I.
1514 Побѣда надъ Василіемъ III при Оршѣ.
1522 Пятилѣтнее перемиріе съ Москвой.
1526 Провозглашеніе Сигизмунда-Августа великимъ княземъ литовскимъ.
1529 Изданіе Литовскаго Статута въ 1 редакціи.
1535 Постановленіе сейма о провѣркѣ шляхетскихъ правъ.

1537 Миръ съ Москвой.
1548—1572 Сигизмундъ II Августъ.
1559 Первый Виленскій договоръ Литвы съ Ливоніей.
1561 Второй Виленскій договоръ и присоединеніе Ливоніи къ Литвѣ.
1564—1565 Сеймовая и судебная реформы.
1566 Изданіе Литовскаго Статута во II редакціи.
1568 Созывъ Люблинскаго Сейма для заключенія уніи.
1569 г. (1 іюля) Заключеніе 2-ой Люблинской уніи.

Табл. II.

ПЕРЕЧЕНЬ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ
въ хронологическомъ порядкѣ до 1569 г.

Ринговдъ	1204—1239
Миндовгъ	1239—1263
Тройнятъ	1264—1265
Войшелгъ	1265—1266 1268—1269
Шварнъ	1266—1268
Тройденъ	1271—1282
Династія Гедиминовичей.	
Лютауръ	1282—1295
Витенъ	1295—1316
Гединминъ	1316—1341
Ольгердъ	1345—1377
Ягайло (Владиславъ II)	1377—1381 1382—1434
Кейстутъ	1381—1382
Витовтъ	1392—1430
Свидригайло	1430—1 32
Сигизмундъ	1432—1440
Казиміръ	1440—1492
Александръ	1492—1506
Сигизмундъ I	1506—1548
Сигизмундъ II Августъ	1548—1572

ПРИМѢЧАНІЕ. Жирнымъ шрифтомъ отмѣчены литовско-польскіе государи.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА
Дома Гедимина

Табл. III.

ПРИМѢЧАНІЕ. Жирнымъ шрифтомъ обозначены великіе князья литовскіе
* обозначены литовско-польскіе государи.

Лютауръ

Витенъ, **Гедиминъ**

Гедиминъ: Монвидъ, Наримунтъ, **Ольгердъ**, Явнутъ, Коріатъ, Любартъ, **Кейстутъ**

Ольгердъ:
- отъ первой жены Маріи Витебской: Андрей, Дмитрій, Константинъ, Владиміръ, Θеодоръ.
- отъ второй жены Юліи Тверской: * **Ягайло**, Скиргайло, Корибутъ, Лонгвинъ, Коригайло, Вигандъ, **Свидригайло**

Кейстутъ: Патиргъ, Вайдотъ, Бутовтъ, **Витовтъ**, Товтвиллъ, **Сигизмундъ**

Ягайло: **Владиславъ III**, * **Казиміръ**

Витовтъ: СОФІЯ (зам. за Василіемъ III)

Сигизмундъ: Михаилъ

Казиміръ: Владиславъ (Кор. Венгерскій), св. Казиміръ, Янъ Ольбрахтъ, * **Александръ**, * **Сигизмундъ I**, кард. Фридрихъ

Сигизмундъ I: * **Сигизмундъ II Августъ**, АННА (зам. за Стеф. Баторіемъ), ЕКАТЕРИНА (зам. за Яномъ Вазой)

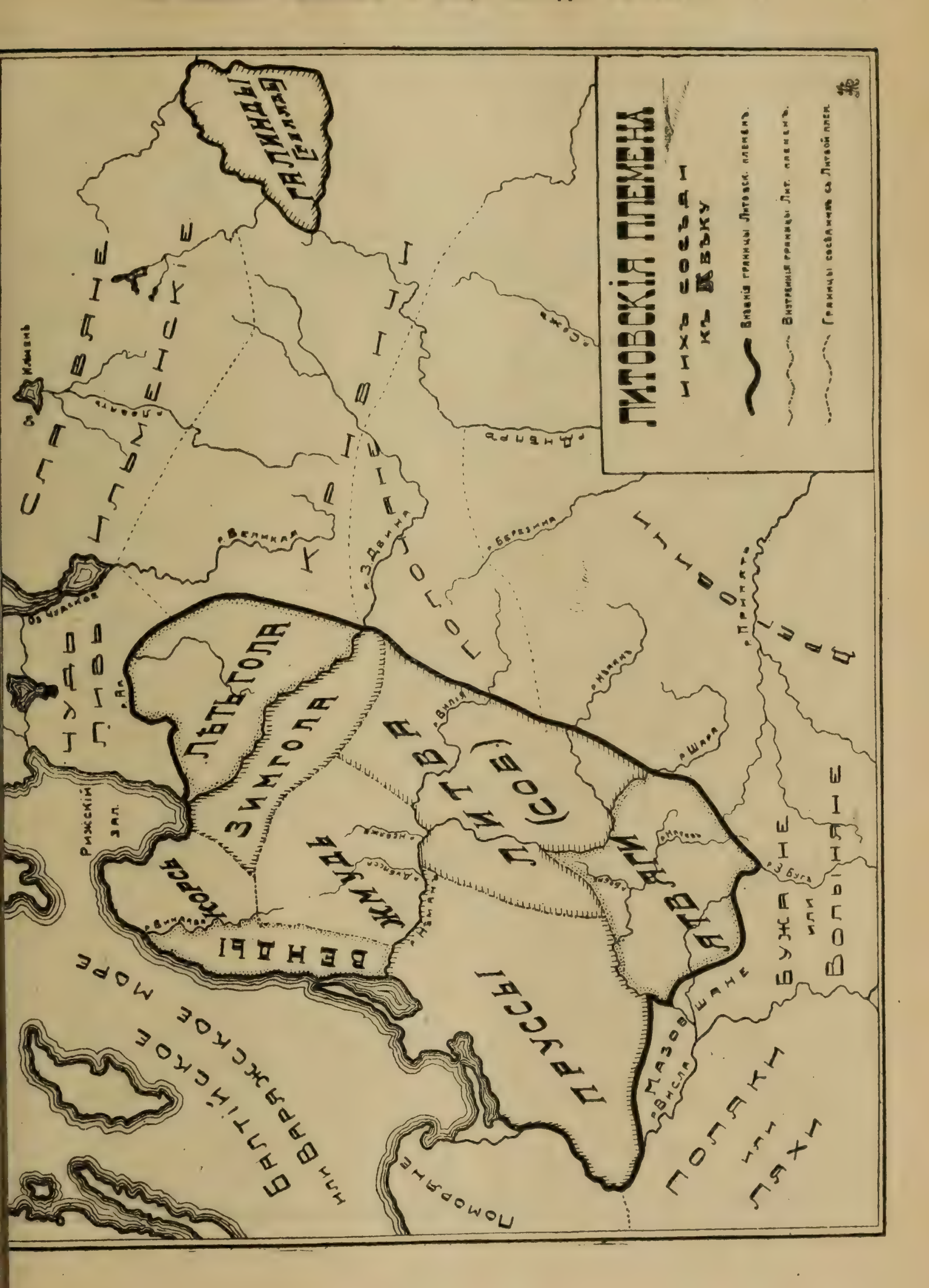
Екатерина: **Сигизмундъ III** (Ваза)

Сигизмундъ III: * **Владиславъ IV**, * **Янъ Казміръ**, Янъ Ольбрахтъ (еп. Краковскій), Карлъ Фердинандъ (еп. Полоцкій)

Главнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка	напечатано	слѣдуетъ
5	Примѣч [1].	ролину	родину
6	16 св.	Aukštaitai	Aukštaitiai
7	20 сн.	впослѣдствіе	впослѣдствіи
10	6 св.	грѣки	грѣхи
13	8 сн.	степени	ступени
15	20 сн.	а отчетливѣе	и отчетливѣе
17	4 сн.	лежащихъ ея предѣлами	лежащихъ за ея предѣлами
23	10 сн.	страшнему	страшному
28	12 сн.	употребленіи	употребленіе
28	8 сн.	уставовъ	уставъ
29	6 св.	установленно	установлено
29	10 сн.	1355—1377	1345—1377
30	12 св.	1345—1385	1345—1382
34	1 св.	дѣло	дѣла
36	5 св.	семиковъ	сеймиковъ
36	6 сн.	разширитъ	расширитъ
39	4 сн.	1391	1392
41	5 св.	съ нимъ	съ ними
43	3 св.	въ дѣлѣ	въ дѣла
46	6 св.	по образу	по образцу
46	8 св.	польско-шляхетской	польско-шляхетскаго
46	9 св.	выразившееся	выразившагося
48	1 св.	тоторые	которые
50	7 сн.	1420—1432	1430—1432
51	15 св.	1432	1434
54	2 св.	особеннаго	особаго
60	5 св.	послѣднюю	послѣдующую
67	5 св.	хоруинжіе	хорунжіе
75	12 св.	юрисдикція	юрисдикціи
76	1 сн.	самоуправлеаія	самоуправленія
80	11 сн.	самыхъ	самихъ
81	17 сн.	тевтуны	тевуны
81	13 сн.	переобренненыхъ	переобремененныхъ
81	2 сн.	пасаря	писаря
82	11 св.	осталь—	остальной
84	7 сн.	нунціевъ [57].	нунціевъ [56].
84	1 сн.	качествъ.	качествъ [57].
88	4 св.	грамотъ	граматъ
92	13 сн.	началась	началось
93	16 сн.	Ливтѣ	Литвѣ
94	10 св.	было	была
94	14 сн.	Въ свою очередь	Такъ какъ
95	5 сн.	длл	для
96	18 сн.	по отношанію	по отношенію
98	11 сн.	колчичества	количества
98	Примѣч. [72].	„Реальныя“	„Реальная“
107	16 сн.	землѣдѣліемъ	земледѣліемъ
107	10 сн.	землѣвладѣльца	землевладѣльца
108	2 св.	расширенія ея	расширеніе ихъ
109	10 сн.	упомянуто былой	упомянуто было
124	4 сн.	послѣдніи	послѣдніе
124	3 сн,	большой части	большей части

Литовскія племена и ихъ сосѣди къ IX в.

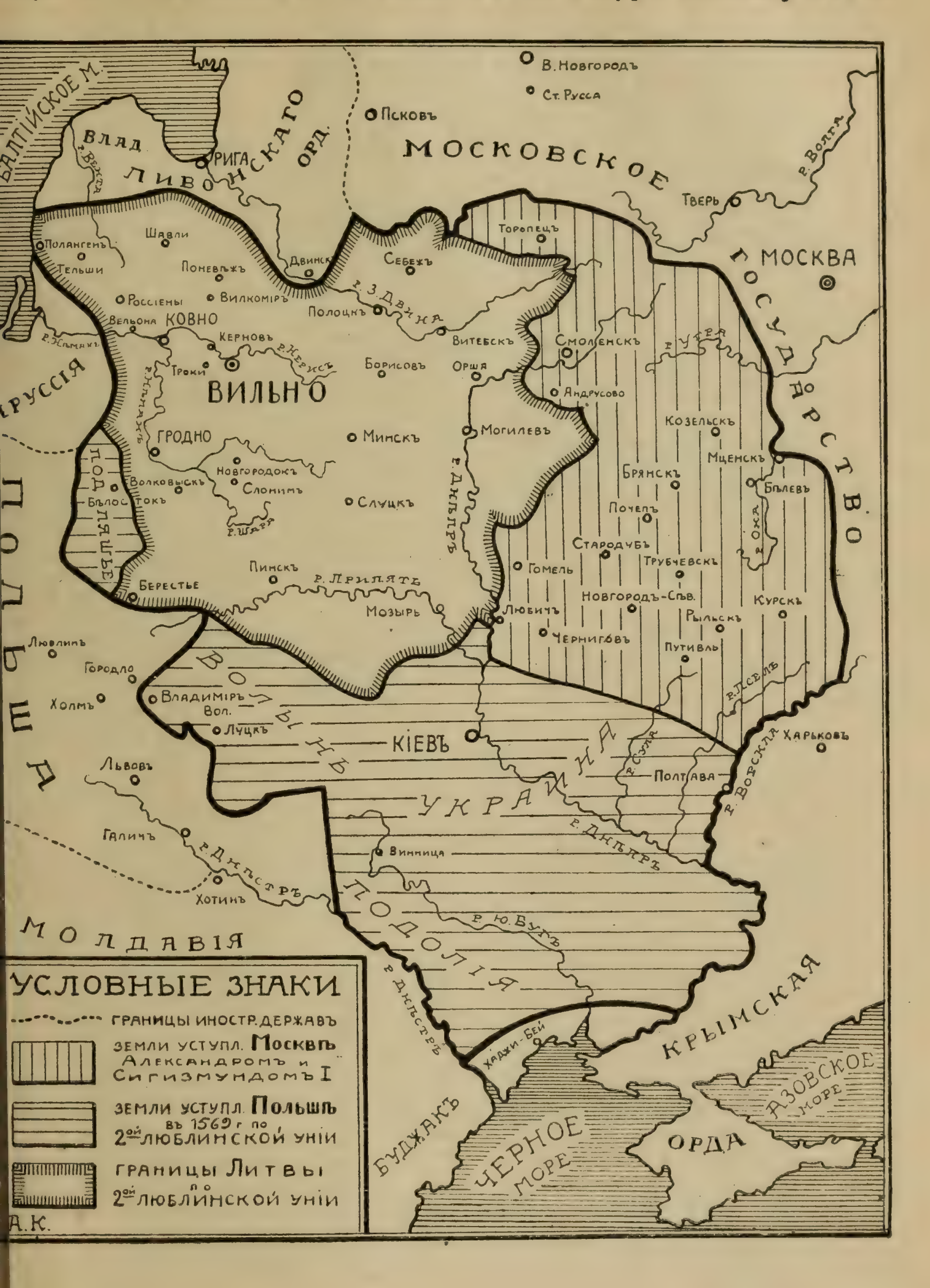

Ростъ в. к. Литовскаго съ начала XIII по первую половину XV в

бл. 3.

отери в. к. Литовскаго съ конца XV по вторую половину XVI в.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ

(Подготовка реальной уніи)

(съ 1386 по 1569 г.)

---

*) Въ Таблицѣ III. пропущена звѣздочка у Сигизмунда III.

Печать Витовта,
вел. кн. Литовскаго.